

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Михаиломъ Катеновскымъ.

ЧАСТЬ LV:L

МОСКВА.

Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ,

1811.

Печаташь дозволяется съ тѣмъ, чтобы по ошпечашаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комишешъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комишеша, другой для Депаршаменша Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библиотеки и одинъ для Императорской Академіи наукъ. Мая 5 дня, 1811 года. По назначенію Цензурнаго Комишеша, при Императорскомъ Московскомъ Универсишешѣ учрежденнаго, книгу сію читалъ *Ординарный Профессоръ Левъ Цвѣтаевъ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 9. МАЙ 1811.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Характеръ Эмилии.

Gratior et pulchro veniens in corpore virtus.

Virg. Aeneid. v. 544.

Ничто въ природѣ челоѳческой столько ко не обворожаетъ насъ, какъ здравый, приятный умъ, соединенный съ красою. Сіе послѣднее совершенство принадлежитъ въ особенности тому полу, копорой отъ него получилъ названіе *прекраснаго*; но обладаніе обоими вмѣстѣ есть счастье небесное, и потому очень рѣдко мы видимъ его на земли. Красавица, сама собою довольная, сама собою плѣненная, не имѣетъ ни досуга ни нужды возвышать свои прелести другими, болѣе существенными качествами: ея ослѣпленіе и лести другихъ скрываютъ отъ нее собственное невѣжество; она смѣется надъ моралью,

неспособна повиноваться спрогимъ ея урокамъ , и заблужденіемъ помрачая свою добродѣшель , сей чистѣйшій , единствен- ный источникъ любезности , сама уни- жаешь свое достоинство. Вошь почему пре- красная женщина и вмѣстѣ добродѣшель- ная въ глазахъ нашихъ бываетъ еще пре- краснѣе , и вошь почему добродѣтельная кра- савица важится намъ еще болѣе добро- дѣшельною. Когда представляю себѣ сіи два совершенства , соединенныя въ одномъ и помѣ же миломъ твореніи : по образъ Емилии , прекрасной и добродѣтельной , мгновенно являюща въ душѣ моей (*).

Кшо , увидя Емилию , можетъ непочув- ствовашъ въ груди своей и пламенной люб- ви и непорочной дружбы? Безъискусственные прелести ея обхожденія , гармоническіе зву- ки ея голоса , возбуждающъ въ васъ жела- ніе наслаждаться ими ближе ; но та же самая улыбка , которая васъ очаровала , налагаешь на васъ суровой законъ , удерживающій всякое движеніе любви порочной. Ея красота , дѣйствуя съ силою непобѣди- мою , осыпаетъ васъ искрами , воспаляю-

(*) Характеръ , данный въ семъ отрывкѣ любезной женщиной , подъ именемъ Емилии , не есть плодъ воображенія : онъ взятъ изъ Англійскаго Зрителя (No 302). Авторъ го- воритъ , что писалъ съ насуры. II.

щими желаніями: но ваша душа далека отъ пресупленія; — она удерживается не суровостію Емилии, но небеснымъ сіяніемъ ея добродѣтели. Сія крепость и веселость, шакъ живо изображающіяся на лицѣ ея, изливаются съ каждымъ ея словомъ, примѣны въ каждомъ ея движеніи. Тотъ имбеть сердце не человѣческое, у него, при взглядѣ на Емилию, не умолкаютъ всѣ чувства и не превращаются въ одно благоговѣіе предъ ея непорочностію. — *Наружная* Емилиа, столь щедро украшенная натурою, столь милая своими безъискусственными пріяшностями, есть храмъ души столь же прекрасной и любезной; въ немъ обитаетъ чистѣйшая набожность, крошкая надежда и всегда гошова покорность своему жребію!

Мы въ заблужденіи своемъ часто даемъ почтенное имя набожности господствующимъ спрасьямъ и склонностямъ въ нашей природѣ. И шакое свойство въры, что, изображаясь въ дѣлахъ нашихъ, она всегда принимаетъ опшѣнки характера, съ которымъ соединяется въ человѣкѣ; однимъ словомъ, если судить объ ней по наружностямъ, то по большей части она есть не что иное какъ или угрюмость и холодное самолюбіе, или страхъ и меланхолическое опчаяніе, или строгое наблю-

женіе ничего незначущихъ обрядовъ, или жестокость къ себѣ и другимъ, или суестьносиль и тщеславіе. Въ Емилии она есть плодъ разсудка и твердой увѣренности; не превращаясь въ порывы фанатизма, и служитъ единообразнымъ, постояннымъ правиломъ ея нравственности. Вра Емилии почта и справедлива безъ жестокости, сострадательна безъ слабости; ея ябра есть совершенство добрыхъ, любезныхъ правилъ, которыя произошли не отъ счастливаго физическаго темперамента, но отъ размышленія.

Мы, шворенія чувствительныя, принимаемъ участіе во всякомъ несчастливцѣ; но спраждающая невинность и красота въ горести для насъ прогашельны неизвясимо: онѣ насъ проиваютъ всякаго къ живѣйшей нѣжности и сожалѣнію; при видѣ ихъ человечество беретъ свои права надъ самымъ твердымъ сердцемъ, — и оно смягчается!

Трогашельная исторія несчастной Емилиной жизни и ея христіанской твердости возбуждала бы умиленіе въ каждомъ читателѣ; но когда представляю ея въ печальномъ уединеніи, со взоромъ усмремленнымъ за мрачныя предѣлы горести и спраданія, — шуда, гдѣ цвѣшунѣ небесныя ра-

достоини и безсмертіе, — и потомъ вижу, что она является въ обществѣ съ удѣбною приятною и веселою, какъ будто блаженнѣйшее на земли твореніе; тогда съ удивленіемъ моимъ ничто въ свѣтѣ сравниться не можешь. О! никогда еще душа столь швердая, истинно христіанская, не обитала подѣ покровомъ наружности столь прелестной!

Если бы я умѣлъ описать добродѣтели Емилии свойственными имъ красками со всѣми ихъ оштѣнками; можешь быть чисташели подумали бы, что любовь и ласка водили моею кистію; но клянусь, что чершы, въ которыхъ изображаю Емилию, представляють только штьнь ея превосходныхъ качествъ; — и для чего мнѣ льстить ей, когда не надѣюсь и не хочу обратиться на себя ея взоромъ? Нѣтъ! все, что говорю объ ней, есть отголосокъ души моей, восхищенной добродѣтелью! Столь рѣдкой образецъ женскаго совершенства не долженъ оставаться въ неизвѣстности, и я хотѣлъ показашь его всему свѣту для удивленія и подражанія! О добродѣтель! какъ ты любезна, когда видимъ, чувствуемъ тебя въ столь прекрасномъ примѣрѣ!

Я зналъ Елизу; ея правила были со всѣмъ другія: они стремились къ побѣдамъ

и господству; Елиза, какъ женщина одаренная блистательнымъ умомъ, привлекающая необыкновенною красотою и любезная въ обхожденіи, пользуется особеннымъ уваженіемъ въ обществѣ; для нее сего не довольно (что бы ни думалъ объ ней супругъ ея); она считаетъ такое уваженіе за ничто, и пребудетъ жертвою, поклоненій подобно идолу! Но душа Елизы не можетъ быть спокойна; она содрогается среди своего шоржества, вспоминая о старости и морщинахъ!

Емилія не можетъ не знать своихъ прелестей, хотя вамъ кажется, что она не знаетъ ихъ; но будешь ли полагать въ нихъ свое счастье, когда находишь въ нѣжной и просвѣщенной душѣ своей утѣшенія сладостнѣйшія и постояннѣйшія? Я видѣлъ ее въ цвѣтѣ юности и красоты, окруженную множествомъ почитателей; она не мучила ихъ тиранствомъ и суровостію, не льстила ни кому надеждою ложною, которая только увеличивала бы опечаленіе обманутой старости; но изъ подѣ флера благородной стыдливости нѣсколько времени разсмащивала достоинства своихъ обожателей, и наконецъ, повинувшись сердцу и разуму, опдала руку свою пламенному Бромю. Тогда Бромъ имѣлъ многія добрыя качества и хорошій достатокъ.

Онъ былъ счастливъ; но слѣпая Фортуна нечаянно осыпавши его золотыми дарами, отправила на минушу сіе счастье: богатый, неопытный Бромъ, увлеченный въ худыя общества, предался разсѣянности и самой грубой роскоши. Долго и можешь быть никогда не вышелъ бы онъ изъ сего лабиринта безъ нѣжной, дѣятельной помощи Емилиной: она истощила всѣ свои шаланты, чшобы укротить его дикія страсти, обративъ ихъ къ удовольствіямъ благороднѣйшимъ. Она показывала ему собственнымъ примѣромъ, что добродѣтель позволяетъ себѣ нѣкоторыя удовольствія и забавы — и даже имѣть въ нихъ нужду. Емилиа знала, что нѣмой примѣръ великодушія и любезнаго снисхожденія всегда дѣйствуетъ на виновнаго съ большею силою, нежели суровые упреки; она знала, сколь глубокіе корни пускаешь самолюбіе въ человѣческомъ сердцѣ, и пошому щадила его со всею нѣжностію. Открывая упорному преступнику заблужденія мало по малу и издали, она оставляла его самому себѣ и съ первнѣемъ ожидала исправленія отъ него же самаго. Симъ полизманомъ вродности и невидимаго искусства Емилиа довела Брома до того, что онъ слушалъ ее сперва безъ досады, потомъ съ удовольствіемъ! Емилиа находила въ сихъ успѣхахъ средство къ новымъ; она говорила ему о каждой сча-

спливой перемѣнѣ, ею произведенной, какъ о побѣдѣ, ему одному принадлежащей, и побуждала его къ большимъ усиліямъ, какъ будто по его же плану и желанію!

Емилія обладаетъ еще однимъ достоинствомъ, о которомъ упомянуть непременно должно; можешь быть другому оно покажется маловажнымъ, но въ моихъ глазахъ имѣетъ оно великую цѣну, и я считаю его необходимымъ для прекраснаго пола. Нечистое бѣлье, опшрашивательная неопрятность въ платьѣ, которая встрѣчается только между *бережливymi* людьми *низкаго класса*, есть ядъ семейственной любви, и одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ, какое только можно изобрѣсти, чтобы охладить сердце супруга. Я часто слышалъ оправданія хозяйки, которая говоритъ гостямъ, заславшимъ ее въ неопрятномъ нарядѣ: *какъ стыдно мнѣ, что вы нашли меня въ такомъ безпорядкѣ! но мы сидѣли одни съ мужемъ, и я совсѣмъ не ожидала столь прятнаго посѣщенія*. Какой комплиментъ доброму мужу! за то у него не рѣдко вырываются самыя грубыя слова въ отвѣтахъ и въ обхожденіи, вырываются противъ его воли, и онъ самъ не знаетъ, чему приписать шаксе дурное расположеніе!

Послушайте, какъ разсуждаетъ Емилія! Она сравниваетъ сію небрежность женщины со слабостями великихъ людей: самая ничтожная неоспорочность дѣлаетъ пятно ихъ славы; такъ невниманіе къ плашю нечувствительно уменьшаетъ въ супругамъ самыхъ нѣжныхъ взаимное уваженіе и даетъ ихъ обхожденію свободу самую низкую и презрительную. О! Емилія понимаетъ цѣну всѣхъ бездѣлокъ; она почитаетъ важнымъ все, что служило къ сохраненію или къ поперѣ семейственной любви; для нее супругъ есть такой предметъ, который достоинъ занять все ея искусство нравиться; ибо она почитаетъ долгомъ нравиться ему во всю жизнь.

При сихъ и другихъ правилахъ, которыми для нее легче исполнять нежели мнѣ изобразить, при поспынномъ своемъ великодушій, непринужденной покорности, не смотря на всѣ терпимыя горести и жестокіе поступки, Емилія обратила Брома на истинный путь, сдѣлала его нѣжнымъ супругомъ, и сама наслаждается счастьемъ!

Ангелы хранили, которымъ небеса повелѣли пещись о любезной Емиліи! будьте защитниками ея добродѣтели, спасите ее отъ дерзости и злобы безразсуднаго свѣта, и когда настанетъ время, въ которое мы

должны будемъ лишиться творенія столь непорочнаго, перенесите ее во всей чистотѣ и невинности въ пошѣ лучшій мѣръ, гдѣ нынѣ сїяющая добродѣтель ея озарится вѣчнымъ, невечернимъ свѣтомъ. II.

Ярославль.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Придонскій Ключь.

Въ тѣни дубравы шокъ віющій,
О сынъ вѣчныхъ мохомъ скалъ,
Со ребръ ихъ въ Донъ ліющій
Свой серебряный кристаллъ!

Къ тебѣ, Придонскій Ключь, цѣлящій,
Близъ коего опшельникъ жилъ,
И швой потокъ журчащій
Изъ камня источилъ,

Иду въ часы полдневна зноя,
Свѣжа палиму жаромъ грудь,
Средь нѣги и покоя
У струй твоихъ заснушь;

Или, въ часъ вечера сумрачный,
Какъ пробираясь сквозъ проспникъ,
Луна въ твой шокъ прозрачный
Свой опускаетъ ликъ,

И въ тму глубокую полнощи,
Какъ черны призраки ея,
Изъ ближней вышедъ рощи,
Обстанупъ вкругъ тебя,

✽

Твой шумъ въ молчаніи внимающъ,
Недвижась, съ высоты скалы,
И шѣни простирающъ
Далеки по земли;

✽

Какъ, наклонясь, въ тебѣ глядишься
Чело утрюмое холма,
И съ шрепешомъ дробишься
У ногъ его волна.

✽

О Ключь, свяшыней испоченный,
Пробившій влагою песокъ,
Тобою привлеченный
Я славлю швой ископъ.

✽

Пусть вѣкѣ швоя свяшишься сила
И живоносныя струи,
Вѣчно — біюща жила
Пишающей земли!

М. М.

1809. Май.
З.г довскъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ И ЛИТТЕРАТУРА.

О краснорѣчїи.

Родъ человѣческой, разсматриваемый въ различныхъ своихъ измѣненїяхъ, представляеть уму прїятное и весьма разнообразное зрѣлище: мы съ удивленїемъ видимъ, что нравы, обычаи и мнѣнїя одного и того же народа могутъ въ разное время быть совершенно различны; но въ исторїи политической мы замѣчаемъ гораздо болѣе однообразїя, нежели въ исторїи наукъ и просвѣщенїя; войны, государственныя сношенїя и политика менѣе измѣняются въ теченїи вѣковъ, нежели нравственность, вкусъ и правила умозрѣнїя. Во всякое время главнѣйшими пружинами всѣхъ происшествїй общественныхъ бывають личная выгода и честолюбіе, честь и стыдъ, дружество и вражда, благодарность и мщенїе: спраси сїи не столь перемѣнчивы, какъ чувство и разумъ, подверженныя влїянїямъ воспитанїя или примѣра. Гошеы были гораздо ниже Римлянъ вкусомъ и просвѣщенїемъ, нежели мужествомъ и добродѣтелию.

Не сравнивая народовъ, споль отличныхъ одинъ отъ другаго, замѣтимъ, что наспоюще просвѣщеніе, со многихъ сторонъ, пропивуположно просвѣщенію древнихъ; и что мы, будучи превосходнѣ ихъ въ философіи, при всей нашей образованности, должны уступитъ имъ первенство въ краснорѣчіи.

Рѣчи, произносимыя передъ народомъ, почипались у древнихъ самымъ труднѣйшимъ и самымъ высокимъ произведеніемъ генія; нѣкоторые знаменитые писатели древности утверждающъ, что всякое дарованіе, въ томъ числѣ и дарованіе философа и дарованіе стихотворца, должно уступитъ дарованію оратора. И Греція и Римъ произвели по одному только превосходному оратору; всѣ прочіе, хопя по многимъ причинамъ достойные уваженія, весьма далеки отъ сихъ великихъ образцовъ краснорѣчія. Древніе критики съ трудомъ находятъ двухъ ораторовъ современныхъ, могущихъ споятъ на ряду и имѣющихъ одинакое дарованіе. Кальвъ, Целій, Куріонъ, Горпенсій, Несарь, всѣ выше одинъ другаго: но величайшій изъ нихъ помраченъ Цицерономъ, совершеннѣйшимъ изъ ораторовъ Римскихъ. И люди со вкусомъ, признаваясь, что Димосенъ и Цицеронъ превосходятъ всѣхъ ораторовъ, прежде и послѣ

ихъ существовавшихъ, утверждаютъ, что и сїи великіе люди далеки еще отъ совершенства въ своемъ искусствѣ, которое безпредѣльно, которое выше человѣческой силы, и едва можешъ постигнуто быть воображеніемъ. Самъ Цицеронъ говоритъ, что онъ не доволенъ ни произведеніями Димосѣена, ни собственными своими.

Между новѣйшими просвѣщенными націями, одни Англичане имѣютъ правленіе народное; въ Англіи законодательная власть ввѣрена собраніямъ многочисленнымъ, которыя всѣ естественнo принадлежатъ къ владычеству краснорѣчія. Но Англія, имѣя превосходныхъ философовъ и стихотворцевъ, не можешъ гордиться ни однимъ превосходнымъ ораторомъ? Гдѣ ея Цицероны и Димосѣены? Ея исторія сохранила имена нѣкоторыхъ великихъ людей, которыхъ краснорѣчіе управляло парламентомъ; но рѣчи ихъ не перешли къ потомству; и властію своею по видимому были они обязаны болѣе опытности, мудрости, силѣ, нежели могуществу краснорѣчія. И нынѣ находимъ какъ и въ нижнемъ, такъ и въ верхнемъ парламентѣ нѣсколькихъ ораторовъ, которые сходны дарованіями; но никому не приходитъ въ голову предпочитать изъ нихъ одного другому: неоспоримое доказательство, что ни одинъ изъ нихъ не перешелъ за границу

посредственнаго, и что краснорѣчіе, въ которомъ они усовершенствовались себя стремясь, не требуетъ, чтобы высшія качества ума приведены были въ движеніе, и можешь приобрести бышь съ малымъ трудомъ и съ дарованіемъ посредственнымъ.

Извѣстно, что всякой разъ, когда Димосенъ говорилъ передъ народомъ, изъ всѣхъ странъ Греціи спекались образованные люди въ Аѣны, дабы насладиться величественнѣйшимъ въ мірѣ зрѣлищемъ. Напрошивъ въ Лондонъ вы найдете людей очень спокойно разговаривающихъ объ охотѣ въ палатѣ судебной (the court of request) въ то самое время, когда въ обоихъ парламентахъ разсуждаютъ о важнѣйшихъ дѣлахъ государственныхъ; и нѣкоторые изъ самыхъ присущствующихъ, слушая пренія, болѣе сожалѣютъ о потеряномъ обѣдѣ, нежели наслаждаются краснорѣчіемъ ораторовъ. Старый Циберъ, являясь на сцену, возбуждаетъ гораздо болѣе любопытства въ Лондонскихъ жителяхъ нежели какой нибудь Министръ, защищающій себя прошивъ обвиненій прошивной партіи.

И не будучи корешко знакомымъ съ ораторами древними, можно судить, что они и слогомъ и свойствомъ краснорѣчія своего далеко превзошли новѣйшихъ. Наши

спокойные и флегматическіе ораторы показались бы весьма смѣшными, когда бы употребили въ рѣчи своей то превосходное воззваніе Димосееново, которое споль превозносящъ Квинтилианъ и Лонгинъ. Афинскій ораторъ, стараясь оправдать неуспѣхъ сраженія Херонейскаго, вдругъ восклицаетъ: *Нѣтъ, братія ссраждана! вы не виновны. Клянусь тѣнями сныхъ героевъ, которые за сію же свободу пали на поляхъ Маревонскихъ и Платейскихъ.* Кто бы изъ нынѣшнихъ ораторовъ позволилъ себѣ употребить эту смѣлую и стихотворную фигуру, кошерую употребилъ Цицеронъ, описавши превосходнымъ образомъ пригвожденіе ко кресту Римскаго гражданина. „Когда бы надлежало мнѣ, восклицаетъ онъ, изобразить сіе ужасное зрѣлище, не говорю для гражданъ Римскихъ, не говорю для нашихъ союзниковъ, не говорю для шѣхъ опдаленныхъ народовъ, до копорыхъ доспигло имя Римлянъ, но для живопныхъ грубыхъ; или, скажу болѣе, когда бы среди ужасной пущыни воззвалъ я въ горахъ и ушесамъ; тогда безъ сомнѣнія сіи дикія, безчувственныя созданія природы подвиглись бы ужасомъ и гнѣвомъ при слышаніи шолкихъ злодѣяній.“ — Своль много надлежитъ имѣть краснорѣчія, дабы пригошовить зришеля къ такому неожиданному и смѣлому восклицанію; своль

много искусства и дарованія пошребно , дабы постепенно и нечувствительнѣ возвести его на такую степень сшраспи ; дабы перелишь въ него споль сильныя чувства ; дабы вознеспи душу его до споль высокихъ понятій ; и припомъ , дѣйсвуя на него споль сильно , необнаружишь всей хитрости своего искусства. И если подобныя чувства по справедливости могутъ показаться намъ чрезмѣрными , то это самое не даешь ли намъ истиннаго понятія о свойствахъ древняго краснорѣчя , которое споль сильныхъ выраженій не причисляло ни къ чудовищнымъ , ни къ надушымъ .

Силъ мыслей и выраженій соотвѣшествовали и самыя пѣлдвиженія древнихъ ораторовъ. *Supplisio pedis* , удареніе въ землю ногою было обыкновеннымъ ихъ жестомъ и однимъ изъ самыхъ умѣренныхъ. Нынѣ такое движеніе показалось бы слишкомъ сильнымъ и въ парламеншѣ и на жеедрѣ ; оно прилично только на сценѣ , и то единственно для изображенія самой сильной сшраспи.

Весьма трудно опредѣлишь , почему новѣйшее краснорѣчье въ такомъ упадкѣ. Человѣческой геній во всякое время долженъ бышь однимъ и томъ же. Новѣйшіе съ большимъ успѣхомъ обрабощали всѣ дру-

гїя науки и искусства; одна изъ самыхъ просвѣщенныхъ новѣйшихъ націй имѣетъ правленіе народное, весьма способствующее краснорѣчію; ошъ чего же сіе краснорѣчіе, въ сравненїи съ другими частями наукъ и словесности, усовершенствовано споль мало?

Ушверждаютъ, что высокоспъ древняго краснорѣчія неприлична нашему времени, и что новѣйшіе ораторы не должны брать его за образецъ; но я недумаю, чтобы такое мнѣніе можно было поддержать доказательствами убѣдительными и неопровергаемыми.

Намъ скажутъ, *первое*: что въ древнїя времена, въ самомъ цвѣтущемъ періодѣ Греческаго и Римскаго просвѣщенїя, гражданскихъ законовъ было очень мало, что рѣшеніе тяжбъ по большей части зависѣло ошъ правдолюбїи и здраваго смысла судей. Изученіе законовъ не было тяжкимъ прудомъ, пожирающимъ цѣлую жизнь и несовмѣстнымъ уже ни съ какимъ постороннимъ занятїемъ. Всѣ великіе полководцы и правители Римскїе были совершенно свѣдущи и въ законахъ; и Цицеронъ, въ доказательство что весьма не прудно приобрести сіе свѣденіе, говоритъ, что онъ, не прерывая обыкновенныхъ своихъ упражненїй, въ короткое время узнаетъ всѣ законы своего опечества.

Слѣдовательно оратору гораздо болѣе представляется случаевъ блеснуть своимъ краснорѣчїемъ тогда, когда имѣешь дѣло съ однимъ правдолюбїемъ судей, нежели тогда, когда онъ долженъ свои доказательства поддерживать почными законами, постановленїями, примѣрами. Въ первомъ случаѣ онъ можетъ упоминашь о такихъ обстоятельствахъ, которыя будутъ совсѣмъ не у мѣста; въ послѣднемъ хитростїю краснорѣчїя онъ можетъ и самому низхожденїю дать наружность правосудїя. Напротивъ законовѣдецъ временъ новѣйшихъ имѣешь ли довольно досуга для собиранїя цвѣтовъ парнасскихъ? и можетъ ли онъ украшать ими сухїе доводы или опроверженїя, извлекаемыя имъ изъ законовъ? Въ наше время величайшїй генїй, величайшїй ораторъ, употребивъ не болѣе мѣсяца на изученїе законовъ, сдѣлался бы совершенно смѣшнымъ, когда бы съ такимъ запасомъ знанїя вздумалъ вистѣйствовать передъ судилищемъ.

Я готовъ признаться, что смутность и безконечное множество законовъ, затрудняющъ успѣхи краснорѣчїя временъ новѣйшихъ; но такъ же не думаю, чтобы сїи обстоятельства были причиною его упадка. Пусть краснорѣчїе изгнано будетъ изъ залы Веспминстерской; но почему не быть ораторамъ и въ верхнемъ и въ нижнемъ

парламентъ? Мы знаемъ, что у Аѳинянъ запрещено было прибѣгать въ краснорѣчю передъ судилищемъ Арспага; и Греческія рѣчи, имѣющія форму *судебную*, писаны уже не тѣмъ риторскимъ, цвѣтущимъ слогомъ, какимъ писаны Римскія. Но краснорѣчіе *разбирательное* на какую высоту восходило у Грековъ, когда передъ собраніемъ безчисленнаго народа, рассуждали о дѣлѣ общемъ, когда предметомъ орашора были свобода, спокойствіе, слава республики? Такого рода пренія возносили гений превыше всѣхъ другихъ, и были обширнымъ поприщемъ для краснорѣчія.

Второе. Могутъ сказать, что краснорѣчіе потеряло цѣну свою отъ здраваго ума новыхъ народовъ, которые презираютъ всѣ риторическія хитрости, употребляемыя для обольщенія судей, и требуютъ однихъ только ясныхъ, убѣдительныхъ доказательствъ. Убийцу надлежитъ уличить или свидѣтельствомъ или очевидностію: тогда и законъ произнесетъ строгій приговоръ. Но весьма было бы смѣшно, когда бы орашоръ вздумалъ описывать живыми красками ужасныя обстоятельства убійства; привелъ предъ судилище вдову и дѣтей убійнаго; когда бы они по данному имъ знаку упали на колѣни и воплями своими начали требовать правосудія; еще бы смѣш-

нѣ было изобразить на картинѣ убійство со всеми его спрашными подробностями, дабы симъ зрѣлицемъ поразить и судей и слушателей. Такія хипросии употребляли ораторы древнѣе; но исключите ихъ изъ всякой публичной рѣчи — для насъ останется по единственному краснорѣчію, которое знакомо народамъ новѣйшимъ, по есть краснорѣчіе здраваго смысла и ясныхъ, простыхъ убѣжденій.

Замѣчанія сіи отчасти справедливы; наши обычаи, или если хотите, превосходство нашего здраваго смысла сдѣлали нашихъ ораторовъ осторожнѣе и умѣреннѣе въ употребленіи тѣхъ способовъ, которыми пользовались ораторы древнѣе, дабы воспламенить страсти и оживить воображеніе своихъ слушателей; но я вижу еще здѣсь ничего такого, что бы оптимало у нихъ всю надежду достигнуть къ ещѣ цѣли. Они должны, напрошивъ, не опазываться отъ искусства, и, удвоивъ силы свои, его усовершенствовать. И древнѣе ораторы имѣли слушателей разборчивыхъ, но для обольщенія ихъ не тѣ употребляли способы, какіе мы употребляемъ; поразивъ возвышенностію и силою краснорѣчія, они не осмѣляли свободы замѣнить той хипросію, которою были обмануты слушатели, или, говоря справедливѣе, слушатели не были обмануты никакою хипросію; самъ

ораторъ наполненъ былъ негодованіемъ, жалосію, печалію, и собственныя чувства его, изображенныя сильно, переливались въ душу судіи и слушателя.

Юлій Цезарь конечно имѣлъ превосходный умъ; но краснорѣчіе Цицероново столь сильно подѣйствовало на сего великаго завоевателя, что онъ принужденъ былъ перемѣнить собственное намѣреніе, и простишь того преступника, кошорому, неслыхавъ еще Цицероновой рѣчи, опредѣлялъ уже строгое наказаніе.

Несмотря на признанное всѣми Цицероново превосходство, можно замѣтить въ рѣчахъ его нѣкоторыя недоспашки. Слогъ его иногда слишкомъ украшенъ; иногда слишкомъ является въ немъ ораторъ; фигуры его слишкомъ разишельны и замѣпны; его раздѣленія по большей части школьныя; иногда излишне предаешь онъ оспроумію, играешь словами, прибираешь рифмы, заботишься о размѣрѣ. Демосеенъ говорилъ передъ слушателями не столь образованными, какъ судіи и сенаторы Римскіе: Аѳинская чернь была его властителиемъ и цѣнила его краснорѣчіе. Но слогъ его имѣетъ болѣе простоты и важности, нежели слогъ Цицероновъ. Пускай новѣйшіе возьмутъ его за образецъ, и они будутъ имѣть успѣхъ

нессмѣнный. Гармонія быспрая, всегда соотвѣтствующая смыслу; умствованія сильныя безъ всякаго признака искусства; смѣлость, негодованіе, гнѣвъ, свобода, спремительный пошкъ доказательствъ — шаковъ Димосееновъ слогъ. Изъ всѣхъ произведеній ума человѣческаго ближайшими къ совершенству должны безъ сомнѣнія признаны Димосееновы рѣчи.

Наконецъ *третье*: могутъ сказать, что безпорядки, возмущавшіе древнія республики, и чрезвычайныя преступленія нѣкоторыхъ гражданъ представляли болѣе пищи для краснорѣчія, нежели въ наше время: безъ Капилины и Верреса не было бы въроятно и Цицерона. Едва ли таксе замѣчаніе справедливо. Въ послѣднихъ вѣкахъ мы видѣли нѣсколькихъ Филипповъ, но гдѣ же Димосеены?

II такъ остается намъ приписать упадокъ новѣйшаго краснорѣчія недостатку дарованій или разсужденія въ нашихъ орашорахъ: или они неспособны сравниться съ древними, или воображаютъ, что древнее краснорѣчіе не соотвѣтствуетъ духу новѣйшихъ народныхъ собраній. Но нѣсколько удачныхъ опытовъ въ ешомъ родѣ возвысили бы геній націи, пробудили бы соревнованіе въ юношакъ, и приучили бы

слухъ нашъ къ языку возвышеннѣйшему и сильнѣйшему.

Надобно признаться, что случай имѣетъ большое вліяніе на рожденіе и успѣхи искусствъ, въ какомъ бы то ни было народѣ. Едва ли можно объяснить удовлетворительнымъ образомъ, почему въ древнемъ Римѣ, который заимствовалъ образованность свою отъ Грековъ, искусства живописи, ваянія, и архитектуры не процвѣтали, и почему въ новомъ Римѣ находимъ такое множество художниковъ превосходныхъ, образованныхъ одними только остатками древняго искусства, найденными среди развалинъ? Пускай бы во время Англійскихъ междоусобій, когда начинала укореняться свобода, когда правленіе государственное сдѣлалось предметомъ собраній народныхъ, родился человекъ съ такимъ же дарованіемъ для краснорѣчія, какое Валлеръ имѣлъ для поэзіи: я увѣренъ, что славный примѣръ его далъ бы совсемъ иное направленіе краснорѣчію Бригганцевъ, и что они достигли бы въ этомъ искусствѣ до превосходства Афинянъ и Римлянъ; тогда ораторы ихъ столь же прославили бы свою націю какъ и философы, стихотворцы, геометры; Бригганія, имѣющая своихъ Архимедовъ и Виргиліевъ, имѣла бы тогда и своихъ Демосиеновъ.

Никогда неслучалось, и едва ли можетъ случиться, чтобы ложный вкусъ какъ въ краснорѣчїи такъ и стихотворствѣ могъ предпочтенъ быть, по сравненію, истинному вкусу: первый существуетъ только тогда, когда неизвѣстенъ послѣдній, когда еще нѣтъ образцовъ, могущихъ распространить поняшїя лучшїя и дать большую разборчивость уму и чувству. Превосходные образцы производятъ впечатлѣніе всеобщее: ихъ всемогущая прелесть побѣждаетъ самые закоренѣлыя предрасудки; тогда истребляется ложный вкусъ. Зародыши каждой страсти и каждого чувства скрываются въ душѣ каждаго человѣка; прикоснись къ нимъ искусною рукою, они оживятся, согрѣютъ сердце, наполнятъ его пылѣмъ удовольствїемъ, которое всегда поселяютъ въ немъ произведенїя истиннаго дара, удовольствїе, совершенно отличное въ насъ отъ того чувства, которое возбуждаютъ красныя ложныя, безобразныя вымыслы разспроеннаго воображенїя. Если это справедливо въ отношенїи ко всѣмъ изящнымъ искусствамъ, то въ особенности справедливо въ отношенїи къ краснорѣчїю. Краснорѣчіе, дѣйствуя на цѣлое общество, на людей свѣтскихъ, подлежитъ неограниченно ихъ суду, и не можетъ имѣть приближѣнїа къ судїямъ болѣе образованнымъ. Кто отъ цѣлаго общества признанъ, по сравненію, ора-

поромъ превосходнѣйшимъ, потмъ будетъ такимъ и въ глазахъ людей ученыхъ. Орапоръ посредственный можешъ нѣсколько времени наслаждаться первенствомъ и бышь совершеннымъ въ глазахъ народа; но его будутъ признавать такимъ единственно по незнаюю лучшаго; явись настоящей геній, онъ овладѣетъ всеобщимъ вниманіемъ, и прежній идолъ останется во прахъ.

Основываясь на сихъ правилахъ, мы должны сказать, что краснорѣчіе древнее, спрашное и разительное, совершеннѣе новаго, которое ограничиваетъ себя простымъ умствованіемъ и убѣжденіемъ; оно всегда будетъ сильнѣе дѣйствовать на человеческую душу. Мы довольны своею посредственностію единственно отъ того, что намъ неизвѣстно ничто превосходнѣе. Но древніе имѣли и то и другое; они могли сравнивать и слѣдственно избирать. Наше краснорѣчіе есть почти такое по своему свойству, какое древніе кришики разумѣли подъ именемъ Апшическаго, то есть спокойное, приапное, поикое, болѣе дѣйствующее на умъ, нежели на спрашті, и никогда не выходящее за предѣлы проснаго, яснаго разсужденія. Таково было краснорѣчіе Лизіаса у Аѳинянъ и Кальва у Римлянъ. Ихъ уважали; но въ сравненіи съ Цицерономъ и Димосееномъ они исчезаютъ какъ блѣдное

сїянїе факела при блескѣ полуденнаго солнца. II Цицеронѣ и Демосѣенѣ имѣютѣ такой же ясной слогѣ, такой же здравый умѣ какѣ и Лизїасѣ и Кальвѣ; но превосходятсво ихѣ состоянїемѣ въ той силѣ чувства и той выеокоспи, которыми оживляли они въ приличныхѣ случаяхѣ свои рѣчи, которыми побѣждали умы своихѣ слушателей.

Народные ораторы Англїи (не говоря уже о другихѣ націяхѣ) не имѣютѣ въ произведенїяхѣ своихѣ ничего подобнаго; а успѣхи нѣвопорныхѣ *писателей* Британскихѣ могли бы воспламенить юношей и успрямить честолюбїе ихѣ на приобрѣшенїе краснорѣчїя древнихѣ. Сочиненїя Болингброка, хотя впрочемѣ и замѣчается въ нихѣ иногда недостатковѣ методы и связи, писаны сильнымѣ слогомѣ, которому рѣдкїя изѣ Англїйскихѣ ораторовѣ подражаютѣ. Но такой возвышенный слогѣ для слушателя былѣ бы еще прїятнѣе нежели для читающаго; его усиливали бы и шѣлдвиженїе и голосѣ; чувства переходили бы отѣ оратора къ слушателямѣ, отѣ слушателей къ оратору, который воспламенѣнѣ будучи присутствїемѣ внимательнаго собранїя, могѣ бы возвыситься духомѣ, и самыя смѣлыя фигуры, произведенїя воспора, въ епу минути не показались бы ни спранными, ни неприличными. Правда, пригопшвенныя рѣчи

всегда возбуждаютъ нѣкоторую недовѣрчивость; и пошлѣ ораторѣ всегда покажется смѣшнымъ, копорой вдругъ начнетъ читать свою рѣчь, какъ ученикъ выпверженный наизусть урокъ, и не обратитъ никакого вниманія на тѣ предметы, о копорыхъ говорено было во время пренія. Но что же велитъ быть столь сплошнымъ? Публичный ораторѣ заранѣе долженъ знать о тѣхъ дѣлахъ, копорыми займется собраніе; онъ долженъ заранѣе приготоовать всѣ мысли, доказательства и возраженія, къ предмету его относящіяся; если же неожиданно встрѣпится ему что нибудь новое, то онъ необходимо долженъ прибѣгнуть въ своему воображенію и безъ всякаго замедленія въ порядокъ старыхъ, уже обработанныхъ мыслей, ввести новую, родившуюся на мѣстѣ; сія послѣдняя конечно nebudeтъ опмѣтна отъ первыхъ: умъ, однажды приведенный въ движеніе, надолго сохраняетъ и силу свою и живость, подобно ладіи, копорая, будучи двигнута весломъ, продолжаетъ нѣсколько времени стремиться впередъ, хотя сила, ее успремившая, уже исчезла.

Оспается сдѣлать одно замѣчаніе: наши ораторы могутъ совсѣмъ опказаться отъ возвышенности слога и вообще отъ всякаго соперничества съ древними; но есть въ произведеніяхъ ихъ важный недоспа-

шокъ, который они могутъ исправить, и не выходя за предѣлы умѣреннаго, просто понятнаго слога: я говорю о недостаткѣ методѣ въ разсужденіяхъ; нѣтъ порядка и связи въ мысляхъ — нѣтъ полнаго убѣжденія для разсудка. Не требую никакихъ школьныхъ раздѣленій: они были бы совсѣмъ не у мѣста въ публичной рѣчи. Но если доказательства будутъ непринужденно изливаться одно изъ другаго, то вы овладѣете вниманіемъ слушателя, и совершенное убѣжденіе будетъ произведено мыслями, представленными въ тѣсной связи, въ естественномъ порядкѣ.

Изъ *Essays and Treatises*, by D. Hume.

Ж.

III. К Р И Т И К А.

Возраженіе на крипику трагедіи Электры и Ореста.

Читая въ 7 мѣ Но Вѣспника Европы помѣщенную крипику на Электру и Ореста трагедію, я ожидалъ чего - нибудь важнаго, но есць ожидалъ крипики основательной, какая обыкновенно дѣлаешся учеными людьми и знапоками драматическаго искусства, но нашелъ совсѣмъ шому прошивное.

Г. Крипикъ долженъ былъ прежде всего разсмотрѣть содержаніе, весь планъ пѣсы, ходъ, расположеніе и связь явленій, разнообразіе въ противоположностяхъ свойствъ дѣйствующихъ лицъ, наипаче главныхъ, ихъ спраси, намбренія, разговоръ, дѣйствіе, развязку и попомъ слогъ. Но все сіе упущено и доказываешъ: *первое*, что г. Крипикъ имѣешъ весьма недоспапочное познаніе драматическаго искусства; *второе*, что онъ очень мало, или совсѣмъ не читалъ Греческихъ оригиналовъ и незнакомъ съ обычаями древнихъ; *тре-*

тѣе, что онъ забылъ силу трагедіи; но-
 щая имѣешь своею цѣлю прогнать сер-
 ца зрителей, извлекаешь слезы и произво-
 дишь въ нихъ ужасъ. Электра, при всѣхъ
 ея недоспашкахъ, исполнила все то, чего
 онъ трагедія требуетъ Аристопель и
 зрители. Вотъ главные и необходимыя пра-
 вила; все прочее служило для достиженія
 сихъ первыхъ. Кришика г-на Ж. займешь
 чиншеля одну минушу, и послѣ онъ еѣ
 забудешь, а Электра г-на Грузинцова вся-
 кой разъ будешь извлекаешь слезы зрителей.

Г. Ж. выписавши нѣкоторыя мѣста изъ
 прозы издашеля, начинаешь: „Такъ гово-
 рить издашель новой трагедіи Электра и
 Орестъ“ и пр. При самомъ началѣ г. Ж.
 уже сдѣлалъ грамматическую ошибку. Долж-
 но было сказать: издашель трагедіи Элек-
 тры и Ореста. Но сіе не удивительно:
 онъ еще больше ошибся въ своихъ сужде-
 ніяхъ. Ему весьма хотѣлось, чтобы г. Гру-
 зинцовъ непременно вывелъ Ореста и Пи-
 лада во 2мъ дѣйствіи, какъ у Вольтера;
 говоря, что въ Русской Электрѣ двѣ на-
 чальные сцены не на мѣстѣ. Я не знаю;
 можетъ ли что другой, кромѣ г-на Ж.
 написать такую необдуманную кришику.
 Ежелибъ дѣйствіе началось приходомъ Эги-
 шовымъ, или мщеніемъ Орестовымъ, то
 есть серединою или окончаніемъ произше-

спвія , тогда безъ сомнѣній можно было бы сказать , что начало трагедіи не на своемъ мѣстѣ . Но всякое начало , которое влечетъ за собою послѣдствіе , есть начало на своемъ мѣстѣ . Онъ вѣрно забылъ , или не знаетъ , что Электра Софоклова начинается тѣмъ же , чѣмъ Электра г-на Грузинцова , то есть открывается первая сцена Орестомъ и его дядкою . Я согласенъ , что начало Греческой трагедіи важнѣе , потому что дядька Орестовъ потчасъ сказывалъ ему , что они близъ дому Агамемнонова , показываютъ ему въ дали Аргосъ и Мицену , и подводя его ко гробу Агамемнонову , говорятъ : „Здѣсь скрываетъ прахъ отца тво- его , умершаго“опъ рувъ убійцѣ.“ Слѣдовательно г. Грузинцовъ , выведя Ореста и Пиллада , подражалъ не вшорому дѣйствію Вольтеровой трагедіи , но Софоклу , и нѣтъ ничего приличнѣе сего начала . Г. Ж. не замѣнилъ , что у Софокла дядька Орестовъ обыкновеннымъ образомъ рассказываетъ ему о происшествіи смерти Агамемноновой ; а въ Русской Электрѣ Орестъ узнаетъ въ дѣйствіи постепенно , что Эгистъ царшвуешь въ Аргосѣ , и что близъ дворца воздвигнута гробница отца его . Борьба страшней начинается уже съ перваго акта , что безъ сомнѣній ближе къ цѣли настоящей трагедіи .

Говоритъ онъ: „Въ III явленіи прихо-
дитъ Клитемнестра, Форбасъ свѣщникъ
удалить пришельцовъ; но Клитемнестра
ихъ видѣла. Кто они? спрашиваетъ она
у Форбаса.“

Какъ, не ужь ли Г. Ж. и это нашелъ
страннымъ? Правда, что Клитемнестра
видѣла двухъ человѣкъ, но не знаетъ кто
они, то есть какого народа, и для чего
пришли въ Аргосъ. Не было ничего спра-
ведливѣе, какъ спросить ей о томъ у Фор-
баса, которой съ ними говорилъ и безъ
сомнѣнія узналъ о ихъ происхожденіи. По
чему хочетъ Крипикъ, чтобъ приходъ Кли-
темнестры произвелъ ужасъ? Она прихо-
дитъ къ Электрѣ, которая столько лѣтъ
была въ заключеніи; Клитемнестра мать;
пресупленіе ея было необдуманное, а
кратковременное заблужденіе, которое не
могло пощипать въ ней природныхъ
чувствъ, и живность ея къ дочери гораздо
естественнѣе угрозъ; она шѣмъ себя не
унизила, но привлекла на себя вниманіе.
Еслибъ она угрожала въ несчастіи Электрѣ,
какъ хочетъ Г. Ж., тогда - то бы она
сдѣлалась не только несносною, но чудови-
щемъ. Видно по всему, что Крипикъ не
проникалъ въ глубину чувствъ человѣче-
скихъ, а судилъ по однимъ только образ-
цамъ, которые имѣлъ передъ собою, и не
славъ прагиковъ. —

Клитемнестра, думаетъ онъ, не должна была открываться въ своей горести Форбасу; но онъ былъ не простой служитель олшара, но первосвященникъ, преданный дому Апридову, и моляба Клитемнестры есть очистительная жертва по обычаю Еллинскому, что можно видѣть изъ Омировой Иліады, изъ нѣкоторыхъ трагедій Софокловыхъ и Еврипидовыхъ. Воспоминаніе Клитемнестры о своей любви необходимо; ибо вспоминая о пресупленіи, должна была сказать о причинѣ, сдѣлавшей ее убійцею. Смѣшно было бы, ежелибъ старая Клитемнестра вспоминала о своихъ любовныхъ интригахъ старому своему любовнику, такъ какъ Вольтерова старая Лукаста старому Филоклету. Г. Ж. не зналъ что сказать.

Слова Кришика: „Клитемнестра въ присутствіи Электры, сипоющей, конечно, для симметріи, вмѣстѣ съ Кризошемѣю, на колѣняхъ предъ олшаремъ, называешь Агамемнона супругомъ, и проч.

Можно ли послѣ сего повѣрить, что господинъ Ж. въ состояніи дѣлать здравую кришику? Онъ не только говоритъ о швахъ погрѣшностей, кои угодно было ему называть погрѣшностями, но даже о томъ, чего не писалъ сочинитель. Гдѣ онъ на-

шелъ, что Кризошемія и Электра споятъ на колѣняхъ предъ олшаремъ. Долженъ ли Кришикъ свои выдумки приписывать ошибкѣ сочинителя? Электра и Кризошемія споявъ предъ гробомъ отца ихъ и не имѣющъ ни малаго участія въ жертвоприношеніи. Клиземнестра назвала Агамемнона супругомъ: не ужь ли думаетъ Г. Ж. что еслибъ она назвала его Апридомъ, то чрезъ это характеръ ея былъ бы лучше? Она такъ же и у Софокла говоритъ: „Такъ, я убила царя вашего, рушителя Трои, моего супруга“ и проч.

Теперь кришика Г. Ж. кончилась. Что я долженъ думать о трагедіи? Гдѣ эти знаменитыя лица Орестъ и Электра, на которыхъ больше всего зрители обращаютъ вниманіе? Онѣ объ нихъ не сказали ни слова. Я не вижу ни духа Электры, ни мщенія Орестова, ни фурій раздирающихъ душу матерубійцы? Объ Орестѣ онъ сказалъ только, что онъ появился съ Пилломъ, а Электра будто бы спояла предъ олшаремъ и больше ничего не дѣлала. И это кришика на трагедію! О жалкое соспояніе нашей словесности! Ежелибъ я не видалъ Электры въ представленіи и не читалъ ее, что бы я могъ понять изъ такой кришики? Заключение, что трагедія вся никуда негодится? Но сего за-

ключить не лзя, слышавши объ ея успѣхъ. Тронутый зритель съ удовольствіемъ предаея влеченію чувствъ; онъ не оставишь слезъ своихъ, за шѣмъ что не читалъ крипики г. Ж., чтобы видѣшь въ ней, должно ли ему плакать, или вѣшь. Зрители Электры рукоплескали и плакали въ Петербургѣ и Москвѣ. Умъ ошибишь можешъ, а сердце едва ли. Вошъ истинныя достоинства трагедіи, и больше сего шребовать отъ сочинителя безъ упрека совѣсти не лзя. Я не скажу ни слова о похвалахъ, воими Г. Ж. превозносишь Эдипа въ Афинахъ; но шавъ какъ онъ показалъ совершенное свое незнаніе въ драматическомъ искусствѣ, шо повѣришь ему и въ шомъ шрудно. Эдипъ въ Афинахъ трагедія не безъ достоинства, вошъ все, что объ ней сказанъ можно; и поэтому достойна, чтобъ разобрать ее критически. Чиножъ касается до Электры, я соглашюсь въ шомъ, что въ ней иногда встрѣчаются стихи или отъ скорости, или отъ небреженія, не вездѣ хорошо обработанные и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слабые: енто не малой порокъ, а особливо въ трагедіи, и что *мигъ сопряженный съ вѣчностью* не изясняетъ шого, что хотѣла сказать Климемнестра. Но должно ли привязывашься къ такимъ бездѣлицамъ, не сказавши ми слова о дѣломъ? Енто можно почестъ не

кришикою , а скорбе зависшю мѣлочнаго писателя , произведенною въ немъ успѣхомъ хорошаго шворенія . — Послѣ сего Г. Ж. готовъ будетъ выписать слабыя мѣста изъ Омировой Иллады , или изъ Расиновой Ифигеніи , и сказать , что поемы сіи ни куда не годятся . Но книжъ етому повѣришь ? Не обратишь ли такая кришика въ посмѣшище самому Кришику ?

М. С.

Отвѣтъ гослодину М. С. на его возраженіе.

Вы ожидали , милоспивый государь , отъ Рецензента кришики подробной — ожиданіе ваше не могло быть исполнено : онъ не хотѣлъ писать ничего , кромѣ нѣсколькихъ замѣчаній на замѣчанія неизвѣстнаго издателя *Электры* . Попрудитесь заглянуть въ его кришику ; на страницѣ 207 сказано : „неизвѣстный издатель „(*Электры*) конечно заслуживаетъ нашу „благодарность ; отъ самаго сочинителя мы „никогда не узнали бы , что его *Электра* „есть первая совершенно *Греческая* „трагедія , появившаяся на Россійскомъ театрѣ , что онъ неслоримо бо

„лѣ всѣхъ почувствовалъ красоты Гре-
 „ческаго стихотворца, что въ рассу-
 „женіи расположенія, по справедливости,
 „должно назвать Россійскую Электру
 „превосходною, и что никто прежде г.
 „Грузинцова не умѣлъ обогатить ли-
 „ца Клитемнестры, женщины толико
 „преступной, столь благородными чув-
 „ствами. Такой языкъ, несвойственной
 „скромности Автора, приличенъ нѣжно-
 „сти его друга; но дружба, и самая нѣж-
 „ная, никогда не избавляетъ насъ отъ
 „безпристрастія и справедливости. Посмо-
 „тримъ же, можетъ ли нѣжный другъ Алек-
 „сандра Николаевича Грузинцова быть на-
 „званъ и справедливымъ и безпристраст-
 „нымъ!“ — Такое вступленіе не даетъ ли
 уже понятія о самомъ содержаніи крипи-
 ки; замѣчанія на мнѣнія издашеля праге-
 діи не могутъ и не должны быть полною
 крипикою самой прагедіи. Издашелю угод-
 но было сказать намъ, что Александръ
 Николаевичъ первый обогатилъ Русской
 пшаръ совершенно Греческою прагедіею;
 Рецензентъ довелъ ему, что онъ позабылъ
 о прагедіи господина Озерова: *Эдиль въ*
Афинахъ, которая безъ всякаго сравненія
 лучше Электры. Издашель говоритъ, что А.
 Н. неоспоримо болѣе всѣхъ почувствовалъ кра-
 соты Греческаго стихотворца; Рецензентъ
 представилъ г. Издашелю, что А. Н. почув-

спивовалъ красоты Софокла, неподражавъ имъ, и подражалъ красотамъ Вольшера, не почувствовавъ ихъ: мнѣнїе епо доказалъ онъ однимъ только примѣромъ, не болѣе; но могъ бы доказать его весьма многими, когда бы имѣлъ и досугъ и схошу. Наконецъ Издапель, по дружбѣ своей къ прагику, говоритъ, что онъ первый обогатилъ Клишемнеспру благородными чувствами; Рецензентъ, въ опроверженіе его, сказалъ, что такія испицины можно проповѣдывать только между Камчадалами, которые въ своихъ юртахъ не читаютъ Французскихъ трагедій; что первый Вольшеръ представилъ намъ пресупницу Клишемнеспру съ чувствами высокими; и что А. Н. только первый взял на себя трудъ нѣсколько изуродовать епошъ превосходный характеръ, заставивъ говорить Клишемнеспру въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безсмыслицу. И епо мнѣнїе доказалъ онъ также однимъ только примѣромъ, оставивъ читателю самому искать другихъ дополнителныхъ доказательствъ. Доспигнувъ къ цѣли своей, что оставалось дѣлать Рецензенту? Простисься съ Электрою, положишь перо, и замолчашь! Онъ шо и сдѣлалъ.

Но г. М. С., непонявши, какое намѣренїе имѣлъ Рецензентъ, утверждаетъ: „что Кришикъ долженъ былъ прежде всего

„разсмотрѣшь весь планъ пѣсы, ходъ, расположеніе и связь явленій, разнообразіе въ противоположностяхъ свойствъ дѣйствующихъ лицъ, и наипаче главныхъ, ихъ страсти, намбренія, разговоръ, дѣйствіе, развязку и попомъ слогъ.“ — Конечно, онъ былъ бы непременно обязанъ еще исполнить, когда бы напередъ узналъ, что г. М. С. ешаго потребуешь; но и тогда онъ покорнѣйше попросилъ бы, чшбы г. М. С. изъяснилъ свое шребованіе языкомъ понятнымъ, или по крайней мѣрѣ поспрудился растолковать ему, что значить ешомъ логотрифъ: *разнообразіе въ противоположностяхъ свойствъ дѣйствующихъ лицъ?*

„Но все сіе опущено, продолжаетъ г. М. С. — и доказываетъ первое: что г. Кришкѣ имѣеть весьма недоспащочное познаніе драматическаго искусства; второе: что онъ очень мало или совсѣмъ не читалъ Греческихъ оригиналовъ и знакомъ съ обычаями древнихъ; третье: что онъ забылъ силу трагедіи, кошорая имѣеть цѣлю прогашь сердца зрителей, извлекашь слезы и производить въ нихъ ужасъ.“ Мы выписали все это единспвенно для того, чшобы ушѣшить читателя рѣдкимъ образцомъ логическаго доказательства. Какъ, милоспивый государь! изъ того, что Рецензентъ сдѣлалъ

нѣсколько замѣчаній на замѣчанія издателя Электры, въ которыхъ неговорятъ ни о ходѣ трагедіи, ни о слогѣ, ни о *разнообразіи въ противоположностяхъ свойствъ дѣйствующихъ лицъ*, и пр и пр. вы заключаете, что онѣ не читалѣ ни Софокла, ни Еврипида; что онѣ забылѣ о *какой то силѣ трагедіи, имѣющей цѣлю трогать сердца зрителей, извлекать слезы и производить въ нихъ (въ слезахъ или въ зрителяхъ? объяснитесь) ужасъ?* Сиранное заключеніе! мы не думаемъ вступаться за ученость Рецензента; но онѣ могѣ бы замѣшнѣ вамъ, господинѣ М. С. что вы изъ всего сказаннаго вами выше съ такою же основательностію могли заключить, что онѣ не читалѣ Алькорана, забылѣ таблицу умноженія и никогда неучилѣ фортификаціи. Подражая вамъ (см. стр. 33.), имѣлѣ бы онѣ право здѣсь воскликнуть: *незнаю, можетъ ли кто другой, кромѣ г-на М. С. такъ дурно рассуждать!* Но такое восклицаніе была бы неизвинительная грубость; онѣ долженѣ сказать просто, съ надлежащею недобрычностію къ собственному мнѣнію: *найдутся люди, которые и хуже господина М. С. рассуждать умѣютъ!*

„Г. Ж. — продолжаетъ г. М. С. — вы-
сказавши въ которыхъ мѣста изъ прозы Из-

„дашеля, начинаешъ: такъ говоритъ Изда-
„тель новой прагедїи: *Электра и Ореста*.
„При самомъ началъ г. Ж. уже сдѣлалъ
„грамматическую ошибку; должно было сна-
„зать: издашеля прагедїи *Электры и Ore-*
„ста.“ Когда бы господинъ М. С. разсудилъ
сдѣлать такое прекрасное грамматическое
замѣчаніе въ присутствїи нѣсколькихъ до-
брыхъ Японцевъ; тогда безъ сомнѣнїя слу-
шатели его воскликнули бы всѣ въ'одинъ го-
лосъ: *надобно признаться, что столько*
господинъ М. С. очень хорошо знаетъ
Русскую грамматику! Но для чего же
позволяетъ онъ себѣ говорить такія вещи
въ Россїи, говорить и даже печатать?

„Ему (Рецензенту) весьма хотѣлось
(въ самомъ дѣлѣ хотѣлось, и право не
для личныхъ выгодъ, а для несчастной
Электры), чтобы г. Грузинцовъ непременно
„но вывелъ Ореста и Пилада во II дѣйствии,
„какъ у Вольпера, говоря, что въ Русской
„Электрѣ двѣ начальныя сцены не на мѣ-
„стѣ . . . Но всякое начало, которое вле-
„четъ за собою послѣдствїя, есть начало
„на своемъ мѣстѣ?“ — Надобно думать,
что господину М. С. угодно говорить о
такомъ началѣ, которымъ чтонибудь на-
чинается и послѣ котораго чтонибудь
слѣдуетъ! Здѣсь очень къ спашу предло-
жить ему одно мѣсто изъ Горациева по-

сланія къ Пизонамъ объ *искусствѣ сли-
хотворномъ*. „Знаменитые Пизоны, гово-
ришь Гораций въ самомъ началѣ своего по-
сланія, могли ли бы вы удержаться отъ
смѣху, когда бы увидѣли на картинѣ чело-
вѣческую голову, приспавленную къ лоша-
диной шеѣ и къ шуловищу, безобразно со-
спавленному изъ членовъ, покрытыхъ перь-
ями, или прекрасную женщину съ рыбьимъ
хвостомъ?“ — Очень могло бы случиться,
что какой нибудь благонамѣренный кри-
тикъ сказалъ бы шворцу епей картины
(если бы она существовала): *милосли-
вый государь, ваша лошадиная голова
не на мѣстѣ!* и что защитникъ епаяго
живописца отвѣчалъ бы кристику: *вы оши-
баетесь; всякая голова, послѣ кото-
рой слѣдуетъ шея, есть голова на сво-
емъ мѣстѣ*. Скажите, каково показалось
бы вамъ разсужденіе епаяго защитника? —
Господинъ М. С. ссылаясь на Софокла, го-
воритъ: „Онъ (Рецензентъ) вѣрно забылъ,
или не знаетъ, что Электра Софоклова
начинается швмъ же, чѣмъ Электра г.
Грузинцова . . . слѣдовательно г. Грузин-
цевъ, выведя Орестна и Пилада, подражалъ
не впорому дѣйствию Вольперовой Траге-
діи, но Софоклу, и проч.“ — Изъ епаяго
великомѣпнаго *слѣдовательно* совсѣмъ ни-
чего не слѣдуетъ. Александръ Николаевичъ
точно перевелъ первый двѣ сцены свои

Вольпера — чтобы увбричься въ етомъ, спойнѣ только сличить Русскую Электру съ Французскимъ Орестомъ — перевелъ, попомъ, въ *подражаніе Софоклу*, поспавилъ ихъ въ началъ; а друзья его, удивленные такимъ чрезвычайнымъ усиленіемъ генія, важно проповвдуютъ намъ: забудьте, что есть на свѣтѣ Вольперовъ Орестъ, и вбрыше, что А. Н. подражалъ одному Софоклу, Греку Софоклу, и подражая, усовершенствовалъ его; и одинъ изъ сихъ вдохновенныхъ Миссіонеровъ восклицаетъ: „Нѣтъ ничего приличіе такого начала.“ Но Рецензентъ, не думая утверждать, что такое *начало* совсѣмъ не прилично, просно замѣшилъ, что *двѣ первыя сцены Русской Электры*, взятыя изъ Вольпера, не на мѣстѣ. Если бы А. Н. написалъ Электру по собственному плану, не подражая никому, какъ на примѣрѣ Альфіери и Кребльонъ, тогда и Рецензентъ, сравнивъ его на примѣрѣ съ Вольперомъ, могъ бы заключить въ двухъ словахъ: Русская Электра вообще, по есть въ цѣломъ, или хуже, или лучше Вольперова Ореста. Но онъ не позволялъ бы себѣ сказать: такая-то сцена Русской Электры, поспавленная въ началъ, совсѣмъ не на мѣстѣ, ибо у Вольпера есть сходная съ нею въ срединѣ. Такого сравненія неимѣлъ бы онъ права дѣлать между трагедіями, написанными по разнымъ

планамъ. Но А. Н. вообще заимствоваль свое расположеніе изъ Вольпера; онъ переводилъ изъ него цѣлыя сцены, и переводя ихъ, перестанавливалъ, следовательно Рецензентъ, имѣя передъ глазами и оригиналъ и переводъ, очень могъ судить, выиграли ли оригинальныя сцены отъ этой революціи, которую произвелъ между ними разрушительный дѣлій подражатель. На примѣръ, онъ замѣнилъ въ Вольперовомъ Орестѣ двѣ прекрасныя сцены, производящія великое дѣйствіе въ началѣ II акта; потомъ, спхривъ Русскую Электру, нашелъ и въ ней тѣ же двѣ сцены, но только въ самомъ началѣ, гдѣ онъ гораздо слабѣйшее дѣйствіе производятъ; неимѣетъ ли онъ права сказать: ешѣ двѣ сцены не на мѣстѣ, ибо ихъ настоящее мѣсто въ началѣ втораго акта. Но господинъ М. С. восклицаетъ съ важностію: *Софокль! Софокль! мы подражали Софоклу! Александръ Николаевичъ наполненъ Греками!* Вкрипъ или нѣтъ? Будемъ осторожны! Возьмемъ за образецъ ученыхъ антикваріевъ, для которыхъ нѣрѣдко старинная медаль, вырытая изъ земли, объясняетъ шемное мѣсто въ лѣтописи, или служитъ къ уничтоженію нѣкоторыхъ бредней лѣтописца. Два предложенія! Первое: по увѣренію Издашеля и защитника Русской Электры, по нѣсколькимъ Греческимъ спискамъ, выписаннымъ

изъ Софокла въ примѣчаніяхъ къ *Электрѣ* и еще по одному Лапинскому, взятому изъ *Виргилія* стиху, слѣдовало бы заключить, что А. Н. знаетъ и Греческій и Лапинскій языки. Впрочем: и защитникъ и неизвѣстный издатель *Электры* утверждаютъ, что А. Н. подражалъ одному Софоклу и полонъ его духомъ. — Но мы находимъ въ Русской *Электрѣ* слѣдующіе стихи:

Мы жертвы принесши обязаны Богамъ,
Которы насъ спасли на морѣ *Элидора*.

Дѣйств. I. Явл. II.

Во *Элидорѣ* палъ, пронзенный сей рукой!

Дѣйств. III. Явл. IV.

А стихъ

Aut Agamemnonius, scenis agitatus Orestes.

переведенъ такъ:

*Воскресъ Атридъ и мститъ за смерть
свою Орестомъ.*

Мы предлагаемъ сіи драгоценныя, опры-
шныя нами медали на разсмотрѣніе знаю-
щимъ Греческій и Лапинскій языки анши-
варіямъ; мы слышимъ описаніе ихъ: *Эли-
дора* нѣтъ ни на Греческомъ, ни на Ла-
пинскомъ языкѣ, а есть одинъ *Элидавръ*;
Элидоръ есть переводъ Французскаго *Eri-
daure*; а стихъ: *aut Agamemnonius* и пр.
значитъ: не *воскресъ Атридъ и мститъ
за смерть свою Орестомъ*, а проспо: или
Агамемноновъ на сценѣ мучимый Орестъ;

Важное открытіе! А. Н. не знаетъ произношенія Греческихъ словъ; А. Н. переводя съ Лашинскаго, не понимаетъ оригинала — слѣдовательно, одного изъ сихъ двухъ языковъ, то есть Лашинскаго, онъ совершенно не знаетъ, а другой, то есть Греческій, знаетъ весьма плохо, если только знаетъ; слѣдовательно А. Н. не могъ почерпнуть красоты Греческаго прагика изъ самаго ихъ источника. *Но онъ могъ подражать Софоклу, читая его въ переводѣ.* Раскрываемъ Французской переводъ Софокла, беремъ въ руки Вольперова Ореста и Русскую Электру: въ послѣдней на каждой страницѣ попадаются намъ сцены, взятыя изъ Вольпера, и почти нѣтъ ничего, напоминающаго о Софоклѣ; слѣдовательно образцомъ былъ не Софоклъ, а Вольперъ; слѣдовательно — общее заключеніе — А. Н. не знаетъ по Лашински, худо знаетъ по Гречески, и подражалъ не Греческому прагигу, но Французскому — *что надлежало доказать.* Теперь вопросъ: для чего и неизвѣстный Издатель Электры и господинъ М. С. хотя бы непременно увѣрить насъ, что А. Н. заимствовалъ прагигію свою у Софокла, а не у Вольпера? Не уже ли думаютъ они, что Греческій хитонъ будетъ А. Н. болѣе къ лицу нежели Французскій кафтанъ? И приходъ сян: *выставлялъ себя за зна-*

тока въ Греческой поезіи, тогда какъ и азбуку Греческую не совсѣмъ еще вытвердилъ, не должна ли казаться намъ нѣсколько забавною?

Далѣе, господинъ М. С. думаетъ, что Рецензенту показалось спраннымъ, почему Клипемнеспра, увидя Ореспта и Пилада, спрашиваетъ у Форбаса: *кто они?* Онъ ошибается; въ епомѣ вопросъ Рецензентъ не нашелъ ничего спранныго; любопытство не порокъ, особенно въ женщинѣ; Клипемнеспра могла бы много кое о чемъ спросить у Форбаса, на примѣръ: *Здоровы ли вы, господинъ Форбасъ? Нѣтъ ли какихъ новостей въ Аргосѣ? Что говорятъ наши боги? и проч.* Рецензентъ говорилъ не о вопросѣ, но о томъ дѣйствіи, какое производитъ епомъ вопросъ въ трагедіи, гдѣ все должно производить свое дѣйствіе. Онъ просто замѣнилъ, что Александръ Николаевичъ, подражая Вольтеру, разсудилъ замѣнить его прекрасную сцену своею очень дурною. И надобно признаться, что въ епомѣ случаѣ погрѣшилъ онъ уже не онъ Софокла.

„Почему хочешь Крипикъ, чтобы приходъ Клипемнеспры произвелъ ужасъ? „Она приходилъ къ Электрѣ, которая „столько лѣтъ была въ заключеніи?“ — Позвольте спросить, милосливый государь, читали ли вы эту трагедію, за которую такъ горячо вступаешь? Если не читали

по поспрудидешь въ нее заглянушь и про-
бъжать всю III сцену перваго дѣйствія. —
Она не длинна, слѣдовапельно и не-
успѣшъ вамъ наскучить! вы узнаете;
что Клишемнеспра приходитъ не къ Элек-
трѣ, а почно къ Форбасу, и приходитъ
единствененно за шѣмъ, дабы сказать ему
въ плохихъ спихахъ; что ей наскучило
уже бытъ пресшупницею, и весьма хошѣлось
бы помиришья поскорѣ съ богами. „Если
„бы она (Клишемнеспра) угрожала въ не-
„счастіи Электрѣ, какъ хочешъ Г. Ж., по
„бы она сдѣлалась не только несною,
„но чудовищемъ?“ Но господинъ Ж. ешаго
нигдѣ не хочешъ, милоспивоу государь —
вы не читали его кришики; онъ пре-
буешъ отъ Русской Клишемнеспры одного
только обыкновеннаго смысла и большаго
сходства съ Клитемнеспроу Вольшеровоу,
копорую она столь беззаконно представить
въ наррикашурѣ спарается. Какой-то дре-
вній философъ, Конфуцій, если не ошибаюсь,
говоритъ: не хвали шой прагедіи, копорой
не читалъ, и прочишай повнимашельнѣе
пу кришину, на копорую собираешъ пи-
сашъ возраженіе. Государь мой, вы не чита-
ли конечно ешаго древнаго философа.

Слѣдующее замѣчаніе господина М. С.
ешъ не послѣдняя въ своемъ родѣ рѣдкостъ
„Клишемнеспра открываешъ въ своей го-

„рести Форбасу, потому что онъ не про-
 „спой служитель оларя, а первосвящен-
 „никъ, преданный дому Апридовъ.“ Какая
 логика! Но еще въ первосвященникъ, пре-
 данный дому Апридовъ, осуждаетъ преступ-
 леніе Клишемнестры, и по известной при-
 вязанности своей къ Апридамъ онъ дол-
 женъ быть врагомъ Эгиспа. Гдѣ же прили-
 чіе? какъ можешь, Клишемнестра, супру-
 га Эгиспова, не унижая себя передъ зри-
 телями, ввѣрять печали свои Форбасу?
 „Мольба Клишемнестры есть очистипель-
 „ная жертва по обычаю Еллинскому!“ Пре-
 красно! по етому вы думаете, что всякой
 обычай Еллинскій могъ быть у мѣста въ
 Эленсрѣ! и мы слѣдовательно имѣемъ пра-
 во попенять Александру Николаевичу, для
 чего онъ не началъ своей трагедіи Олим-
 пійскими играми и не кончилъ ее Елевзин-
 скими паннсіпвами? И тѣ и другія были
 въ обыкновеніи у Грековъ; а какое прекра-
 сное предсказавъ бы онъ намъ зрѣлице!
 Но мы подозрѣваемъ, что онъ совсѣмъ не
 изъ любви къ обычаямъ Еллинскимъ за-
 славилъ свою Клишемнесстру стояшь на
 колѣняхъ передъ оларемъ. Ему хотѣлось
 громоваго удара; и въ самомъ дѣлѣ громо-
 вой ударъ! За то уже во всей епой велико-
 лѣпной сценѣ, говорящу грому, безмолв-
 ствуетъ здравый смыслъ.

Ваша правда, господинъ М. С. Рецензентъ почто ошибся, сказавши, что *Электра для симметрии становилась предъ олтаремъ на колѣни* — Электра, какъ вы очень хорошо изволили замѣтить, безъ всякой симметрии стояла на колѣняхъ подлѣ Агамемнонова гроба. — Но для чего же изъ епой ошибки Рецензента заключаете вы, что онъ хотѣлъ клеветать на Электру. Какая нужда клеветать на того, кто кругомъ виноватъ. Объяснимъ ешу загадку! Клиземнеспра, Форбасъ и еще кое кто шановаятся на колѣни предъ олтаремъ; но въ ешу самую минуту какъ будто на бѣду случились на сценѣ Электра и ея сестра; куда ихъ дѣвать стихотворцу? Поставить на колѣни у олтаря — неприлично! стоять имъ на ногахъ въ то время, когда всѣ на колѣняхъ — неучтиво! что дѣлать! По счастью есть у насъ въ запасѣ Агамемноновъ гробъ; чего же лучше? Пускай и Электра и Кризоthemія до перваго громоваго удара постоятъ у ешаго гроба на колѣняхъ; ударивъ громъ, всѣ *воспрянуть*, тогда и все, само собою, придетъ въ надлежащій порядокъ. Такъ и сдѣлалось! и Рецензентъ грубо ошибся, давши Электрѣ въ ешомъ случаѣ опредѣленное намѣреніе, и намѣреніе, совсѣмъ неприличное характеру ея, молиться за Клиземнеспру: увы! онъ подумалъ, что луч-

ше имѣшь безразсудное намѣреніе, нежели совсѣмъ неимѣшь никакого и дѣйствовать на вѣперъ! Но господинъ М. С. можетъ очень благоразумно спросить: знаете ли вы, государь мой, что было на умѣ у Электры? На это нѣтъ отвѣта. Электра въ продолженіи всей трагедіи могла имѣшь много кое чего прекраснаго на умѣ; но Александру Николаевичу не разсудилось открыть намъ ея тайны, и мы часенько принуждены были вообразить, что она совсѣмъ ничего на умѣ неимѣетъ.

Фраза господина М. С.: *теперь критика г. Ж. кончилась* и пр. сдѣлается гораздо понятнѣе, когда мы ее нѣсколько поправимъ и будемъ читать, на примѣръ такъ: Электра кончилась! Что долженъ я думать о трагедіи? гдѣ эти знаменитыя лица Орестъ и Электра, на коихъ больше всего зрители обращаютъ вниманія? Я не вижу ни духа Электры, ни мщеніе Орестова, ни фурій раздирающихъ душу матерубійцы; и это трагедія! о жалкое состояніе нашей словесности! — Замѣшимъ одно. Господ. М. С. неимѣетъ права искать ни *духа Электры*, ни *мщенія*, ни *фурій* въ рецензій господина Ж. первое потому, что Рецензентъ писалъ, какъ сказано выше, одни замѣчанія на замѣчанія Издателя Электры; второе поско-

му чпо въ крипикѣ прагедїи не должно, по правиламъ здраваго смысла, искашь такихъ вещей, копорыхъ ни съ какимъ микроскопомъ не найдешь и въ самой прагедїи.

Наконецъ, шернистою спезею достигли мы къ концу возраженїя господина М. С. Какой ужасный приговоръ произноситъ онъ бѣдному Рецензенту! *Крилика ваша, гослодинъ Рецензентъ*, восклицаетъ спротїй, неумолимый судїя, *не крилика, а скорѣе зависть жѣлочнаго писателя, произведенная услѣхомъ хорошаго творенїя!* По этому вы ездумаете, выписавъ слабяя мѣста изъ Омировой *Иліады*, или изъ *Расиновой Ифигенїи*, сказать что эти поемы *никуда негодятся!* Но такой судъ вамъ же обратился въ *посмѣшище*. И Рецензентъ долженъ смириться передъ карающею его рукою. Онъ съ сокрушеннымъ сердцемъ исповѣдуется предъ господиномъ М. С. что онъ не знаетъ, какой можешъ имѣшь смыслъ выраженїе: *услѣхъ Электры*, отъ которой плакали и въ *Пепербургѣ* и въ *Москвѣ*? Онъ не видалъ ее на сценѣ; но мы, имѣвшїе счастье бышь свидѣтелями ея успѣха, мы видѣли въ *Московскомъ* партнерѣ нѣсколькихъ знапоковъ драматическаго искусства, копорые во все время предста-

вленія Электры заливались слезами. Одинъ восклицалъ, зажимая глаза руками: *о несчастный Вольтеръ! какая участь!* Другой, всхлипывая, говорилъ: *бѣдныя, бѣдныя актеры!* А третій, нюхая Гофмановы капли, спеналъ: *можно ли вынести! Русской человѣкъ врагомъ Русскому языку! О времена! о нравы!* Таково чрезвычайное дѣйствіе Электры, и въ епомѣ отношеніи она конечно можетъ назваться однимъ изъ превосходнѣйшихъ произведеній стихотворческаго духа. Но завись! О почтенный господинъ М. С. почему же предполагаете вы, что Рецензентъ, мблочный (какъ вамъ угодно называть его) писатель, завидуешь крупности вашего прагика? Развѣ не знаете вы, что Электра на вѣки вѣковъ ограждена отъ всякихъ нападокъ зависни волшебнымъ палисманомъ совершенства, которое не естъ ни Гомерово, ни Виргиліево, ни Расиново, а собственно господина Грузинцова совершенство! Гдѣ же вы слыхали, чпобы такое совершенство могло быть предметомъ зависни?

Но я оставляю зависпливаго Рецензента въ его пыли, и предлагаю здѣсь собственныя мысли свои, которыя безъ всякаго сомнѣнія достойны вашего замѣчанія И Гомеръ и А. Н. написали очень мало: Гомеръ, сочинивши не болѣе двухъ героическихъ

поемъ, Иліады и Одиссеи, умеръ, слѣдовательно отъ него и нельзя намъ ожидать ничего новаго; А. Н. написалъ одну только Электру; но мы имѣемъ еще право надѣяться отъ него многого множества произведеній, ей подобныхъ. Слѣдующія обстоятельства поддерживаютъ во мнѣ сію восхищительную надежду. Рожденіе великаго, какъ намъ извѣстно изъ исторіи, предвѣщаемо было въ древніе вѣки: чудовищными явленіями природы, пророчествами, кометами, землетрясеніями, и пр. и пр. Перенесите все это изъ нравственнаго и физическаго мѣра въ мѣръ стихотворный. Вы признаетесь, что Электра можетъ прекрасно наименована быть чудовищнымъ явленіемъ лишищерапуры; вы же сами, милостивый государь, имѣете полное право на слово пророка, а крипка господина Ж. и вашъ на нее грозный оповѣсть сими собою входящъ въ разрядъ землетрясеній и метеоровъ. Кто можетъ послѣ всего этого усомниться, чтобы судьба не назначала А. Н. по крайней мѣрѣ единовластія въ кочующемъ народѣ стихотворцевъ! Между тѣмъ совѣтую вамъ какъ другу А. Н. повторять ему почаще слѣдующіе стихи изъ Буало, которые на всякой случай назовите Софокловыми:

Faites vous des amis prompts à vous censurer;
 Qu'ils soient de vos écrits les confidens sinceres,
 Et de tous vos de faits les zélés adversaires;

Depouillez devant eux l'arrogance d'auteur.
 Mais sachez de l'ami discerner le flatteur :
 Tel vous semble applaudir, qui vous vaille et vous
 joue ;
 Aimez qu'on vous conseille , et non pas qu'on
 vous loue.

Un flatteur aussitot cherche à se recrier :
 Chaque vers qu'il entend le fait extasier.
 Tout est charmant, divin ; aucun mot ne le blesse !
 Il trepigne de joie, il pleure de tendresse :
 Il vous comble partout d'eloges fastueux ,
 La verité n'a point cet air impetuex

А. Воейковъ.

~~~~~

IV. С М Ъ С Ъ.

Нужны ли женщинамъ науки и познания.

Ежели науки украшаютъ и облегчаютъ трудной путь жизни сей ; ежели чрезъ нихъ родъ человѣческой достигаетъ нравственнаго совершенства : то можно ли желать , чтобы женщины не упражнялись въ наукахъ ? . . . Не уже ли семейственное счастье не можетъ цвѣсти при наукахъ и просвѣщеніи ? . . . Такое мнѣніе оскорбительно человѣчеству . . . Предки наши говаривали : ученье свѣтъ , а неученье тма ; они симъ извѣняли разительную противоположность просвѣщенія съ невѣжествомъ . Спанемъ разсуждать безпристрастно . Можетъ ли женщина , не имѣющая ни какихъ познаній , быть надежною подругою умнаго и образованнаго юноши , дѣлать

съ нимъ радости и услаждать его прискорбія? Можетъ ли удержашъ навсегда почтеніе и дружбу своего супруга, украсишь и сдѣлашь для него приятною жизнь семейственную, уединенную и однообразную; бышь искусною руководительницею юной, неопытной своей дочери на скользкомъ пути жизни сей? . . . Женщинамъ поручено природою и обществомъ образованіе рода человѣческаго. . . . Мать-наставница должна имѣть обо всемъ доспашное познаніе. Мущины жалуются на вѣтренность и своеправіе женщинъ; женщины говорятъ, что мущины жестоки и непошоянны. Кто правъ? Тѣ и другіе. Кто же виноватъ? Дурное воспитаніе. Пусть женщины украшаются науками, знаніями, всѣми искусствами свойственными ихъ полу; пусть Музы и Граціи будутъ ихъ всегдашними подругами: тогда предпочтутъ онѣ скромное уединеніе шумнымъ забавамъ свѣта; тогда избавятся онѣ отъ скуки всегда ихъ шягопящей, и перестанутъ жаловаться на продолжительность времени; тогда мущины почувствуютъ приятность домашней жизни; тогда возвращатъ женщинамъ свое почтеніе; тогда истинная любовь, основанная на взаимномъ уваженіи и довѣренности, воцарится въ сердцахъ и мущинъ и женщинъ.

К. . . . а П. . . . а

Отрывокъ разговора между Фридрихомъ великимъ и Нѣмецкою Стихотворицею Каршинь.

(Она была призвана въ Шарлоттенбургъ.)

Король. Ты ли стихотворица, о которой мнѣ сказывали ?

Каршинь. Я, Ваше Величество.

Король. Какъ сдѣлалась ты стихотворицею ?

Каршинь. Натура и побѣды Вашего Величества сдѣлали меня такою.

Король. Откуда ты родомъ ?

Каршинь. Изъ любимой страны Вашего Величества. Я родилась близъ Гриненберга, изобилующаго виноградомъ.

Король. Есипь у тебя дѣти ?

Каршинь. Два сына и одна дочь.

Король. Дочь твоя красавица ?

Каршинь. Нѣтъ, Ваше Величество; по-тому что и мать ея никогда не была красавицею.

Король. Гдѣ ты живешь въ Берлинѣ ?

Каршинь. Ежели Ваше Величество желаете имѣть понятие о моемъ жилищѣ: по представьте себѣ отвлеченнѣйшую пещицу Парижской Бастилии, и проч.

Знаменитая Стихотворица, коея прекрасныя стихи съ удовольствіемъ и съ жадностію читаемы были всѣми просвѣщенными людьми въ Германіи, жила тогда на чердакѣ въ одной комнатѣ вмѣстѣ съ семьею башмащ-

ника. Сіе обиталище новой Сафы (такъ тогда называли ее), куда не рѣдко приходилъ навѣщать ее Рамлеръ, было освѣщаемо однимъ окошкомъ и имѣло такую узкую дверь, что надлежало съ усиленіемъ продвигаться. Такимъ образомъ стихошворица терпѣла бѣдность, подобно многимъ людямъ отличныхъ дарованій. Король, герой великій, но слишкомъ ожесточенный противъ Нѣмецкой словесности, разговаривалъ еще о нѣкоторыхъ мѣлочахъ съ рѣдкою женщиною, и ничего особеннаго въ ней незамѣтилъ. Не будучи знающимъ въ развѣтвѣвшей тогда Нѣмецкой поезіи и въ Нѣмецкомъ языкѣ, а единственно приобывшій ко Французскому вкусу, онъ не могъ цѣнить пѣгического ея достоинства. Однакожъ обѣщавшись приказать построить для нее домъ, наспроивши уже въ Потсдамѣ и въ Берлинѣ множество домовъ для людей совсѣмъ ничего незначащихъ. Но обѣщанная постройка, отъ которой наша Стихошворица вѣрно не была бы счастливѣе, какъ то остановилась, и великій Король, самъ писавшій стихи (на чужомъ языкѣ), послалъ къ жившей на чердакѣ Нѣмецкой Сафѣ *пятьдесятъ талеровъ!*

Столь малая, недостойная богатаго щедроподателя сумма, была преизбыточнымъ царскимъ даяніемъ въ сравненіи съ другимъ подаркомъ, присланнымъ по случаю повторенія прозбы о постройкѣ дома. Король пожаловалъ ей *три талера*, и Стихошворица должна была принять ихъ. Она отвѣчала Королю веселыми и замысловатыми стихами. Помомъ еще получивши отъ Короля *два та-*

леса, она отправила ихъ обратно при слѣдующихъ стихахъ :

Zwei Thaler gibt kein grosser König,
Die machen nicht mein Glück,
Nein, die erniedrigen mich ein wenig,
Drum schick ich sie zurück.

Говорящъ, что Король при свиданіи въ прошъ день съ своимъ Квинтусомъ Ициліусомъ сказалъ : „вообрази себѣ, Квинтусъ ! сего дня получилъ я отказъ отъ одной женщины.“

(Съ Нѣм.)

Московскія записки.

Въ уставѣ Общества Исторіи и древностей Россійскихъ, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденнаго, предположено составить бібліотеку, въ которой должны храниться Русскія рукописи и рѣдкости, до отечественной нашей Исторіи относящіяся. Бібліотека сія нынѣ уже существуетъ. Кромѣ принесенныхъ въ даръ благотворителемъ г-мъ Терапонтовымъ древнихъ книгъ печатныхъ и письменныхъ, она имѣетъ еще 278 книгъ Россійскихъ, представленныхъ Обществу Предсѣдателемъ онаго Платономъ Петровичемъ Бекетовымъ, и единственно до Россійской Исторіи касающихся. Опъ столь хорошаго начала остается ожидать желаемыхъ успѣховъ. Доказательствомъ попеченія господина Предсѣдателя о благѣ Общества служить можетъ слѣдующее письмо, присланное имъ

къ Издашелю: „Извѣстно вамъ, что въ уста-
,,въ Общества Исторіи и древностей Россій-
,,скихъ, въ трудахъ коего вы и сами, какъ
,,Членъ, принимаете участіе, въ спашь 3й
,,положено для пріискиванія Обществу руко-
,,писей и другихъ древностей, завести пере-
,,писку въ разныхъ мѣстахъ Россіи; но Оче-
,,чество наше столь обширно, что сіе не лег-
,,ко исполнить можно; а сказанное мною на-
,,ходящаяся можетъ быть въ рукахъ такихъ
,,особь, которыя охотно согласились бы по-
,,жертвовашь ими; но имъ неизвѣстно, куда
,,и къ кому по сему предмету надобно отно-
,,ситься. Имѣя по долгу званія моего все-
,,гда въ виду исполненіе возложеннаго на
,,насъ, я вспомнилъ, что Журналъ, издаваемый
,,вами, можетъ намъ много споспѣшествовать
,,въ этомъ. Его читаютъ во всѣхъ концахъ
,,Россіи, и конечно найдутся въ числѣ чита-
,,телей вашихъ особы, которыя съ удоволь-
,,ствіемъ примутъ на себя быть Соревновате-
,,лями и Корреспондентами Общества, или
,,единственно движимы будучи любовію къ
,,Отечеству, доставятъ Обществу находящія-
,,ся у нихъ въ рукахъ древнія рукописи, вещи,
,,или какія любопытныя свѣдѣнія; первыя хо-
,,тя только на разсмотрѣніе, съ тѣмъ чтобы,
,,если онѣ найдутся достойными любопыт-
,,ства, можно было сдѣлать съ нихъ списки
,,для Общества. Прося васъ покорно помѣстить
,,письмо сіе въ Журналъ вашъ, съ истин-
,,нымъ къ вамъ почтеніемъ честь имѣю быть,
,,и проч. *Платонъ Бекетовъ.*“

Въ дополненіе къ тому, съ позволенія
Начальства, Издашель почитаетъ нужнымъ
выписать нѣкоторыя изъ упомянутого уста-

ва спашыи, могуція опноситея до особъ, для которыхъ писано письмо господина Предсѣдателя.

§ 40. Общество постарается собирать древни рукописи, медали, монеты и другіе памятники, служащіе къ объясненію разныхъ происшествій въ Русской Исторіи, для чего войдетъ въ переписку съ разными особами, въ разныхъ мѣстахъ Россіи живущими, которыя могутъ доставлять ему вещи или свѣдѣнія шаковаго рода.

§ 41. Для поддержанія Общества необходимо нужны ему, кромѣ членовъ Общества еще два рода лицъ. . . . Они будутъ извѣстны подъ именемъ а) Благотворителей и б) Соревнователей Общества.

§ 42. Имя благотворителей Общества получаютъ тѣ, которые сдѣлаютъ какое-либо значущее для Общества пожертвованіе книгами ли, рукописями, или денежными, либо другими какими-нибудь пособіями.

§ 43. Соревнователи Общества суть тѣ, которые сообщаютъ будутъ какія-либо важныя свѣдѣнія, открытія, разсужденія, до предметовъ упражненія Общества касающіяся. Получить имя Соревнователей Общества имѣютъ они право: 1) буде сообщенныя ими бумаги всѣмъ Обществомъ признаны важными и полезными; 2) буде извѣстятъ, что и впредь трудамъ Общества споспѣшествуютъ будутъ; 3) буде обяжутся хотя ежегодно сообщать что-либо для свѣдѣнія Общества.

§ 44. Права и преимущества сихъ Благотворителей и Соревнователей суть слѣдую-

ція: 1) имена ихъ напечатаны будущъ въ Вѣдомостяхъ съ опмѣшкою того, что каждый сдѣлалъ въ пользу Общества; 2) оныя же имена высшавлены будущъ золотыми буквами на доскѣ, навсегда въ залѣ Общества остающейся; 3) они получаютъ особаго рода дипломы, отличные отъ дипломовъ даваемыхъ Членамъ, гдѣ названы будущъ одни Благотворителями, а другіе Соревнователями; 4) тѣ и другіе безденежно получаютъ будущъ всѣ труды, Обществомъ издаваемые; 5) въ Лѣтописяхъ Общества имена ихъ и подвиги будущъ напечатаны, сохранены и преданы потомству.

§ 46. Общество имѣетъ своихъ Корреспондентовъ въ такихъ городахъ Россіи и въ городахъ иностранныхъ, гдѣ болѣе можно предполагать источникъ къ изысканіямъ, до Исторіи Россійской и ея древности относящимся. . .

§ 47. Корреспонденты назначаются по письменному предложенію какого -нибудь Члена, которой представитъ, что такой -то живущій въ такомъ -то городѣ, можетъ быть полезнымъ Обществу доставленіемъ разныхъ свѣдѣній касательно предметовъ, которыми Общество занимается, и обязывается отвѣчать на запросы Общества и исполнять его препорученія.

§ 48. Корреспонденты получаютъ на сіе званіе дипломы, когда Общество увидитъ нѣсколько опытовъ ихъ усердія, дѣятельности и точности.

§ 49. Корреспонденты ежегодно доставляющіе Обществу записки или свѣдѣнія, или

исполняющіе его препорученія, издаваемыя Обществомъ книги получаютъ безденежно. Прибывъ въ Москву, имѣющіе что-нибудь сообщитъ Обществу, могутъ присутствовать въ засѣданіяхъ Общества, неимѣя однакожъ участія въ совѣщаніяхъ, до внутреннихъ его распоряженій относящихся.

§ 50. Если въ печеніи двухъ лѣтъ Общество не будетъ имѣть извѣстія отъ Корреспондента; то исключаетъ его.

Театръ. Надобно говорить о Французскихъ трагедіяхъ, представленныхъ на здѣшнемъ театрѣ въ послѣднія три недѣли. Оперные и комическіе актеры Французской труппы, по случаю пребыванія въ Москвѣ дѣвицы Жоржъ, иногда обуваются въ кофурны, и сопутствуютъ ей на поприщѣ ея искусства! Отъ нихъ многого и не требуется; они имѣютъ все право на признательность; безъ нихъ пришлось бы Русскимъ актерамъ чинить Французскіе стихи на сценѣ, чтобы только доставить публикѣ удовольствіе насладиться игрою дѣвицы Жоржъ; каково же тогда было бы нѣжно образованнымъ ушамъ, непривыкшимъ сносить варварскаго выговора! Довольно уже, что они спрадаютъ отъ кочкальчія Русскихъ пѣвчихъ, копорые иногда поютъ хоры во Французскихъ операхъ. Во Франціи все не то; путешественники наши уверяютъ, что въ Парижѣ всѣ отъ мала до велика говорятъ по Французски весьма чисто. И у насъ, благодаря просвѣщенію, многіе уже понаучились бѣгло разговаривать съ Французами на ихъ языкѣ; инымъ правда очень

дорого стоили сіи успѣхи, а особливо пѣмъ; кои на вѣкѣ остались развращенными невѣждами по милости Французскихъ аббаповъ и кучеровъ, своихъ достопочтенныхъ учищелей. Но обратимся къ дѣвицѣ Жоржѣ. Сія счастливая актриса имѣетъ великое множество почишателей и почишательницъ, которые истощаютъ весь словарь свой на похвалы ея таланту: Закономъ самодержавной моды предписывается объ игрѣ дѣвицы Жоржѣ говорить съ восторгомъ; и попому во время представленія театрѣ бываетъ наполненъ зрителями. Положимъ, что дѣвица Жоржѣ играетъ очень хорошо: не думаемъ однакожъ, чтобы въ Москвѣ нашлось до двухъ тысячъ такихъ любителей и знатоковъ Французской трагедіи, которые имѣли бы надлежащее понятіе о драматическихъ правилахъ и объ истинномъ достоинствѣ Расина или Вольтера; знали бы всѣ тонкости Французскаго языка и вообще могли бы цѣнить красоты Французской словесности. Разговаривая по Французски о погодѣ и понимая классическихъ писателей не есть одно и то же. Прибавимъ, что не будучи природнымъ Французомъ едва ли можно судить, хорошо или худо актерѣ декламируетъ; а зритель тогда только чувствуетъ удовольствіе *непритворное*, когда мысленно повѣряетъ театральное дѣйствіе съ натурою или съ идеаломъ. И для того думаемъ, что многіе изъ почишателей и почишательницъ таланта дѣвицы Жоржѣ приходящъ въ театрѣ наслаждаются *притворно*, и что *истинное* ихъ удовольствіе состоитъ въ прославленіи великихъ ея дарованій въ слѣдъ за другими:

До сихъ поръ весною сѣиграны Расинова *Федра*, Вольперова *Семирамида* и Расиноважъ Ифигенія въ Авлидѣ. О Французскихъ трагедіяхъ надобно выписать что - нибудь изъ Французскихъ же періодическихъ изданій.

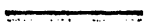
„Появленіе *Федры* ознаменовано ужасною несправедливостію на поприщѣ словесности и вѣбствѣ величайшею потерею. Много было говорено объ умыслѣ заговорщиковъ унизить Расина и поднять Прадона. Между шогдашними и нынѣшними театральными заговорами есть несходство. Теперь сажаютъ въ разныхъ мѣстахъ партера наемныхъ рукоплексашелей или освиспывашелей, которые по договору обязаны работашь изо всей мочи. Расинову Федру хотѣли уронить совсѣмъ инымъ способомъ: заговорщики пропивъ нее были вельможи, пригожія женщины и богачи, которые не могли перѣтъ славы Расиновой, и которые завидовали вліянію шаланша его въ обществѣ. Они не смѣли освиспывашь удивительныхъ стиховъ Расиновыхъ, которыми сами удивлялись; но рукоплексали дурнымъ стихамъ Прадона, сзывали всѣхъ смотрѣть его трагедіи, откупали ложи; правда что они также откупали ложи и шамъ, гдѣ предспавлялись Расиновы трагедіи, но для шого дабы никто не могъ войти въ нихъ. Такія убыточныя затѣи должны были скоро прекратиться. Черезъ нѣсколько дней дѣла пошли опять своимъ порядкомъ; Расинъ воспоржестшвовалъ надъ Дюкомъ Неверскимъ и г-жею Дезульеръ, а Прадонъ, ни кѣмъ неподдерживаемый, упалъ съ высоты своей на землю. Странно, что Расинъ, которой не любилъ скрывать досады своей въ предисловіяхъ,

умолчалъ о гоненіи прешерпѣнномъ его (Федрою! Въ предисловіи Федры примѣшенъ шонъ чело-вѣка, довольнаго своимъ успѣхомъ.“

„*Семирамида*. Трудно вообразить себѣ чудовище, которае было бы ужаснѣе сей царицы Ассирійской, по крайней мѣрѣ такой, какою сочинитель представляетъ намъ ее на сценѣ. Будучи убійцею своего супруга, она едва не вышла за мужъ за своего сына, въ котораго вздумала влюбиться, чтобы уменьшить мученіе своей совѣсти! Въ комъ возбудилъ участіе такая женщина? Надлежало выдумать ужаснѣйшее дѣйствіе, чтобы смерть ея сдѣлала сколько-нибудь достойною жалости, и сочинитель достигъ желанія своего шѣмъ, что добродѣтельнаго сына заставилъ исполнить смертоносное мщеніе надъ своею матерью! Сколько жестокостей для развязки такой отвратительной басни! Не менѣе странною кажется Вольперова попытка увѣрить Кардинала, что ничего нѣтъ нравоучительнѣе, какъ вывести на театръ сына, которой убиваетъ мать свою для удовлетворенія божескаго правосудія! Стихотворцы иногда мѣшались не въ свои дѣла; они хотяшъ быль законодателями въ нравственности, въ политикѣ и въ религіи; не лучше ли было бы имъ спремиться къ истинной своей цѣли, а именно забавлять общество и нравиться чашателямъ. Нѣтъ, они хотяшъ учить своихъ современниковъ, думая что родъ чело-вѣчскій шеперь все еще находится въ младенчествѣ, какъ при Линахъ и Орфейахъ. Расинъ и Корнель однакожъ въ предисловіяхъ къ своимъ трагедіямъ не касались ни до чего посторонняго; они доказывали шолько, что

спарались невыходить изъ правилъ , или что историческая точность наблюдаема ими сполько, сколько дозволяли возможность и приличія театра. Весьма пакже любопытно въ сѣмъ Вольперовомъ Разсужденіи, приписанномъ Нунциусу Квирини, замѣшишь приводимое имъ сравненіе пѣни Ниновой съ пѣнію Самуила. Явленіемъ второй спарается онъ доказать возможность явленія первой, то есть всѣми приняюю истиною очевидный вымыселъ, и слѣдспвенно вброшилось одного предположенія утвердишь на несомнишельности другаго, вовсе не принадлежащаго къ дѣлу.“

*Description des objets rares du Museum d'Histoire Naturelle de l'Université Imperiale de Moscou par Gotthelf Fischer; ш. е. описаніе рѣдкостей кабинета натуральной исторіи, находящагося при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, соч. Ординарнаго Профессора Готтгельфа Фишера. Подъ симъ титуломъ вышла первая тетрадь описанія на Французскомъ языкѣ Университетскаго кабинета — богатое и прекраснѣйшее изданіе, напечатанное въ типографіи Всеволожскаго на пергаментной бумагѣ въ большой Александрійской листѣ, съ принадлежащими къ оному весьма искусно выгравированными картинами, и посвященное ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ. Въ сей первой тетрадѣ описаны два предмета натуральной исторіи: рѣдкая птичка, которую г. Фишеръ называетъ Онихоринхъ, потому что на концѣ своего клюва (*ὄνυχος*) имѣетъ она маленькой ноготь (*ὄνυξ-εγγυλος*), и обезьянка величиною съ мышъ, извѣстная уже подъ названіемъ *Галаго Дежидова**

ский. Третья картина представляешь также редкое живописное *Loris Ceulonicus*, описание коего будетъ помѣщено во второй пещради. Книгу сію найти можно у самаго Издапеля, живущаго въ Университетѣ и у здѣшнихъ книгопродавцовъ Рисса и Сосе, на Пешровкѣ.

~~~~~

Письмо къ Издапелю.

(О бѣдной вдовѣ.)

Книжки Вѣспника Европы иногда украшающіяся извѣстіями о щедрой сострадательности благородныхъ соотечественниковъ нашихъ.

Бѣдственная участь 65-лѣтней благородной женщины побуждаетъ и меня покорнѣе просить васъ увѣдомить чинашелей вашихъ о спрадалицѣ, спенящей подвѣ тяжестію несчастія и неимѣющей ни малѣйшей надежды къ облегченію судьбы своей.

Сія несчастная, о кошорой смѣю беспокоить васъ, есть вдова Марья Федоровна Выркова. Мужъ ея Подпоручикъ Вырковъ служилъ 22 года на полѣ чести; былъ уволенъ за болѣзнію отъ службы съ опредѣленіемъ на инвалидное содержаніе въ Рязкѣ, и жилъ въ семъ городѣ съ женою своею и сыномъ, довольствуясь малымъ жалованьемъ.

Но 13 лѣтъ уже какъ онъ умеръ, оставя по себѣ крайнюю бѣдность. Еще при жи-

ни своей, съ помощію одного благошворителя, записалъ онъ сына въ Лейбъ-Гренадерскій полкъ. Несчастливая вдова долго оплакивала сиротство свое, наконецъ время нѣсколько облегчило горестъ ея. Надежда, что сынъ выйдетъ въ отставку и призритъ немощную старость, дѣлала сноснѣйшимъ ея положеніе. Но какъ жестоко она обманулась! Однажды получаетъ онъ сына письмо, и читаетъ слѣдующее: „Прослужа 10 лѣтъ Царю и Опеченству, я желаю служить шеперь только Богу, и для того прошу васъ благословить намѣреніе мое удалиться въ монастырь. Ради Господа не препятствуйте моему предпріятію, оно не вредно — и не любопытствуйте, знать избранное мною мѣсто. — Всевышній да будетъ покровителемъ вашимъ!“

При совершенной бѣдности и въ одиночествѣ мать не знала на что рѣшилась; наконецъ подумавъ, увидѣла, что остановить его не возможно, и дала ему полную волю; а сынъ вышедъ въ отставку, скрылся. Г-жа Выркова не получала объ немъ никакого извѣстія. Теперь она едва имѣетъ насущный хлѣбъ, который подають ей сосрадапельные люди. Горестъ и безпрестанныя слезы лишили ее зрѣнія, и бѣдная вдова сія живетъ въ хижинѣ подъ присмотромъ старой служанки.

Для страждущаго человѣчества прошу васъ извѣстить публику о сей несчастной. Нѣтъ сомнѣнія, что найдутся чувствительныя сердца, которыя пронутся плачевнымъ ея состояніемъ и подадутъ ей помощь. Въ такомъ случаѣ возьмите на себя трудъ доставлять, что удѣлитъ для нее благошвори-

тельность, въ Ряжскѣ на имя г-на Почтмейстера Тулаева, для врученія М. Ф. Вырковой. Имѣю честь быть, и проч.

Тамбовъ,

Пасель Салинь,

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Въ нынѣшнемъ году прекращается въ Гамбургѣ изданіе шести весьма извѣстныхъ журналовъ. *Отечественный Музей* (Das Vaterländische Museum), начатый въ прошломъ году, остановился на седьмой книжкѣ. Цѣль сего журнала состояла въ томъ, чтобы возбуждать и поддерживать въ Нѣмцахъ духъ отечественный. Но какъ скоро Гамбургъ пересталъ быть частью Германіи, то и журналъ сей по естественному порядку сдѣлался лишнимъ. *Политическій Журналъ*, старшій всѣхъ прочихъ, дѣшъ за тридцать передъ симъ началъ покойнымъ Ширахомъ, которой становился уже спраненъ утѣшительнымъ своимъ пономъ, и увѣреніемъ въ разсужденіи продолжавшейся тогда Французской революціи, что „все пойдетъ иначе.“ Въ послѣдніе годы сей журналъ нравился многимъ рано помѣщаемыми извѣстіями и нѣкоторыми любопытными спашьями. *Минерва* издавалась Архенгольцомъ съ 1792 года, и присбрѣла славу достоверными и подробными описаніями Парижскихъ происшествій во время революціи. Въ послѣдніе годы замѣшны были признаки старости г-на Архенгольца; и потому онъ разсудилъ за благо сдать журналъ свой ученому барю Брану,

которой однакожь не возмогъ сдѣлать Минера
 ту такую, какою была она прежде. О прочихъ
 журналахъ, мало извѣстныхъ въ Россіи, не-
 упоминаемъ. Еще не знаютъ причины сего за-
 прещенія, а только догадываются объ оной,

✽

Господиѣ Георгѣ Генрихѣ фонѣ Дейнѣ,
 живущій въ Іенѣ, объявляетъ въ публичныхъ
 листкахъ Нѣмецкихъ о выдуманномъ имъ со-
 вершенномъ уложеніи для всего человѣческаго
 рода, которое одно содержитъ въ себѣ истин-
 ное законодательство и на немъ основанныя
 распоряженія, и которое одно можетъ пре-
 крапшить застарѣлую между людьми вражду,
 и даже соединитъ тѣснѣйшимъ союзомъ дру-
 жества Францію съ Англіею. Г. фонѣ Дейнѣ
 желаетъ только, чтобы Гепшингенское Об-
 щество пригласило его къ преподаванію лек-
 цій на одинъ мѣсяць, и онъ увѣренъ, что ош-
 дана будетъ справедливость его ученію, отъ
 котораго зависитъ благо всѣхъ людей, всѣхъ
 сословій и всѣхъ имперій.

✽

Папріархъ Игнатій учредилъ въ Бухаре-
 стѣ не только Лицей, но и Ученое Общество,
 составленное изъ дворянъ, духовныхъ особъ,
 въ Германіи обучавшихся Врачей и Профессо-
 ровъ. По его распоряженію Архимандритъ
 Анеѣмъ Гази издаетъ въ Вѣнѣ ученая Вѣдо-
 мости подъ названіемъ: *Греческій Меркурій*;
 въ каждыя двѣ недѣли выходящій по одному
 листку сего изданія, которое стараніемъ Об-
 щества разсылается по всѣмъ Греческимъ учи-
 лищамъ, въ Европѣ и въ Азіи находящимся. Въ
 Меркуріѣ помѣщаются статьи не только о
 вновь печатаемыхъ книгахъ на Греческомъ ны-
 нѣ употребляемомъ языкѣ, но и о другихъ ош-

носящихся до Греціи, объ изобрѣшеніяхъ въ
искусствахъ и наукахъ и проч.

*

Недавно было писано во Французскихъ
листочкахъ объ одной ужасной женщинѣ Магда-
линѣ Албертъ, которая умертвила отца сво-
его, мать и двухъ сестеръ. Ее вели на казнь
въ красной рубашкѣ подъ чернымъ на головѣ
покрываломъ. По объявленіи приговора предсѣ-
датель суда произнесъ къ ней слѣдующія сло-
ва: „Отпятие жизни есть казнь самая легкая
„за ужаснѣйшее швое преступленіе. . . . На-
„шура опвергаешь себя. . . . Вся шварь гну-
„шается побою. Тебѣ ошастаетя только при-
„бѣгнуть къ единому Создателю. Всевышній
„да возбудитъ раскаяніе въ ожеспоченной ду-
„шѣ швоей, дабы шы возмогла употребитъ
„въ свою пользу шо пособіе, которее удобна
„еще преподашь тебѣ въра, немшощима въ
„милосердіи.“

У. П О Л И Т И К А.

О М е к с и к ѣ.

Прежній Маршалъ Рошамбо говоря въ За-
пискахъ своихъ о путешествіи въ Стразбургъ
шогдашняго (около 1769 г.) Наслѣднаго Прин-
ца Брауншвейгскаго, приводитъ доспопамяш-
ныя слова его въ разсужденіи Америки. Мар-
шалъ шушя предлагалъ ему опправитъсь въ
Новой Свѣшѣ, и шамъ основать государшво.

„Мнѣ и самому, отвѣчалъ Принцъ, епта мысль, „приходила уже въ голову; но по потребности въки, „чтобы разныя колоніи, несходныя между собою въ нравахъ, въ языкѣ и въ религіи и взаимно ненавидящія одна другую, соспавили „гражданское общеспво. Взволновавшись однажды, онѣ устремятся къ совершенной независимости, и вѣрно незахопящъ освободиться отъ одного властителя, для того только чтобы опдаться другому.“ Анекдотъ сей весьма любопытенъ для нынѣшняго времени. Онѣ представляешъ намъ послѣднюю судьбу всѣхъ колоній; и надъ Американскими сбылось предвѣщаніе въ наше время гораздо скорѣе нежели какъ полагалъ Принцъ Брауншвейгскій. Разговоръ между Принцомъ и Маршаломъ происходилъ въ то время, когда ничего еще нельзя было знать о судьбѣ сѣверной Америки. Извѣстно, что безпокойства, коихъ слѣдствіемъ было учрежденіе Республики соединенныхъ областей, начались не прежде 1774 года. Идея Маршала могла родиться въ головѣ каждаго человѣка, свободно мыслящаго и дальновиднаго, и не Герцога одинъ, но и многіе современники его могли вздумать то же. Правда что наслѣдный Принцъ Брауншвейгскій не въ шакихъ былъ тогда обстоятельствахъ, чтобы легкомысленно захопѣлъ пуститься на удачу въ другую часпъ свѣта. Сверхъ того погдашнее состояніе дѣлъ въ Америкѣ едва ли благоприятствовало намѣреніямъ чужестранца; ибо имя Европейца въ колоніяхъ никогда не давало права на любовь или довѣренность. Прежде надлежало тамъ возникнуть безпокойствамъ, потомъ уже какой-нибудь предприимчивый чужестранецъ могъ надѣяться желаемого успѣха. Нынѣ исполнилось предсказаніе Гер-

цога. Испанскія колоніи опложились отъ обоихъ парсій, господствующихъ въ государствѣ; изъ каждой колоніи составилаь особая независимая область, и еще можетъ спаться, что каждая колонія раздѣлится на частіи; а особливо надобно съ великою вѣроятностію ожидать того отъ Мексики. Спрана сія очевидно превзошла въ образованности всѣ прочія, и смѣло сказать можно, что въ главномъ городѣ и во многихъ мѣстахъ провинціи болѣе замѣчено стремленія ко всему полезному, нежели въ самой Испаніи. Городъ Мексика имѣетъ весьма хорошія учебныя заведенія; въ немъ есть много отличныхъ мужей, упражняющихся въ разныхъ наукахъ; тамъ дворянство воспитано гораздо лучше нежели въ Испаніи; кругъ благомыслящихъ людей гораздо обширнѣе; духовенство болѣе знакомо съ истинными выгодами правленія; область достигла той степени, что можетъ удовлетворять почти всѣмъ своимъ нуждамъ и бытъ совершенно свободою отъ посторонняго вліянія. По симъ обстоятельствомъ предсмотрѣнь было можно, что и безъ перемѣны правительства въ Испаніи, колоніи ея должны бы опложились; а нѣкоторые, хотя въ прочемъ и неудачные опыты, показывали близкую независимостъ, которая не могла бытъ закрыта передъ зоркимъ окомъ полищика. Испанія, подобно многимъ другимъ государствамъ Европы, ошиблась въ томъ что съ колоніями поступала по своей системѣ, которая всегда была противна справедливости, и наконецъ могла сдѣлаться пагубною. Ни деспотизмъ, ни стѣсненіе торговыхъ и другихъ сношеній не достаточны для всегдашняго удержанія въ зависимости землю, столь изобилующую своими соб-

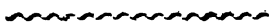
співанными источниками богатства. Мудрое правительство, видя колонию свою въ хоршемъ союзаніи, заботится объ уравненіи выгодъ ея и о соединеніи оной съ государствомъ. Такое намѣреніе замѣтно было въ кабинетѣ Карла IV при заключеніи нѣкоторыхъ статей практа въ Фоншенбло; такое же намѣреніе видно и въ новой конспікуціи, данной въ Байоннѣ. За пренебреженіе сего правила, вопреки совѣтамъ старшаго Пипита, Англія заплатила потерю Америки. Мексика вѣрно объявила себя теперь независимою; однакожь симъ еще не все окончилось. Изъ сего произшествія должны возникнуть крамолы; побѣдныя Испанскою системою Разныя партіи тогда только соединятся, когда одна изъ нихъ или многія въ конецъ погибнутъ; а быть можетъ, что всѣ онѣ даже и никогда не соединятся, и что въ послѣдствіи составятся изъ нихъ разныя области. Послѣднее всего скорѣе можетъ случиться, ежели судить по настоящему дѣлу состоянію, и особливо по разнообразію жителей:

Жители Мексики раздѣляются на три класса людей, различныхъ по выгодамъ своимъ, по образу мыслей, по образованію тѣла и по происхожденію. Къ первому принадлежатъ родившіеся въ Европѣ Испанцы, и они пользуются особливими преимуществами, къ обидѣ прочихъ. Они отправляютъ всѣ важнѣйшія должности, и не пропускаютъ случаевъ обогащаться. Поелику сей классъ составленъ изъ такихъ людей, ко которымъ мало или совсѣмъ нечего было терять въ своемъ отечествѣ; по легко себѣ представить можно, какое къ нимъ уваженіе имѣли новыя

ихъ сограждане, почти вообще высшіе по образованію, и равные имъ по гордости. Ибо и Креолы, составляющіе второй классъ, происходятъ отъ Европейцевъ же, и припомъ отъ такихъ фамилій, которыя при первомъ еще завоеваніи и позже отличились заслугами своими и богатствомъ. Въ народонаселеніи Мексики, которая имѣетъ болѣе шести милліоновъ жителей, Креолы составляютъ часть самую важную. У нихъ въ рукахъ находится наибольшая часть богатства; между ними есть очень много людей просвѣщенныхъ, смѣлыхъ и предприимчивыхъ, и сіи люди уже съ давняго времени привыкли говорить значительныя слова: „Я не Испанецъ, но Американецъ.“ Третій классъ, изъ первобытныхъ жителей состоящій, скорѣе присоединился къ сторонѣ Креоловъ нежели къ Испанцамъ. Креолы нѣкоторымъ образомъ сдѣлались уже природными жителями; они ближе къ нимъ по нравамъ и образу жизни; они происхожденіемъ своимъ и родственными связями съ значнѣйшими фамиліями Мексиканскими тѣсно соединены съ первобытными жителями, и дѣлать съ ними прискорбное чувство, производимое утѣсеніемъ. Число послѣдняго класса людей простирается за три милліона съ половиною, и оно весьма страшно при всемъ ихъ униженіи въ хозяйственной жизни и въ гражданской. „Сіи глупые и лѣнныя Индѣйцы, говоритъ Гумбольдтъ, которые терпѣливо сносятъ удары плетью при дверяхъ церковныхъ, въ случаѣ общаго мятежа бывающіе обыкновенно хитры, дѣятельны, свирѣпы и жестоки.“ Къ сему же классу принадлежатъ еще разныя породы людей происшедшихъ отъ смѣси съ Африканцами и Азіатцами, и вообще малымъ чѣмъ ош-

личающихся отъ Индѣйцовъ касательно образованности. Будучи бѣдны и въ угнѣшеніи, они конечно возьмутъ сторону Индѣйцовъ. Такое въ жителяхъ разнообразіе необходимо должно ствуетъ имѣть связь съ будущею судьбою Мексики.

(Сокращ. изъ Моск. Нѣм. Вѣд.)

Обозрѣніе происшествій.

Въ Монистерѣ помѣщена дневная записка осады Бадайоса и извѣстіе о сраженіи при Шикланѣ, что близъ Кадикса. На сторонѣ Испанскихъ мятежниковъ начальствовалъ Бласперосъ, а при Французахъ находился Маршалъ Дюаъ Беллунскій. Сраженіе было весьма жаркое. Французы получили 3 знамени, 14 полковыхъ орудій и 720 пѣнныхъ; а потеряли убитыми, ранеными и въ полонѣ доставшимися 1300 человекъ, въ числѣ коихъ находится и Генералъ Рюфень. Бригадные Генералы Шодронъ, Руссо и Полковникъ Одьеръ убиты. На полѣ сраженія найдено 900 неприятельскихъ труповъ и въ томъ числѣ 300 Англичанъ. Вся же потеря неприятеля простирается до 4000 человекъ. По увѣренію, бывша сѣя произвела споры и неудовольствіе между Испанцами и Англичанами. — Въ Лондонскихъ же извѣстіяхъ, копорыя также въ Монистерѣ напечатаны, показывается, что Французы при Шикланѣ потеряли 2000 человекъ, и что еслибъ Испанцы стояли такъ хорошо какъ Англичане, то ни одинъ человекъ бы не спасся. — Маршалъ Князь Еслингскій (Массена)

по причинѣ недостатка свѣстныхъ и другихъ припасовъ нашелся принужденнымъ опустушить за рѣку Мондего со всею своею арміею, которая уже шесть мѣсяцовъ не получала жалованья. Во время ретирады были при выгодныя для Французовъ сраженія при Помбалѣ, Редингѣ и при Фозѣ де Аромѣ. Извѣстіе о семъ привезено изъ Целорико, гдѣ находилась главная квартира 23 Марша.

Король Неаполитанскій по полученіи чрезъ шелеграфы извѣстія о рожденіи Короля Римскаго отправился въ Парижѣ, куда уже и прибылъ. — Графъ Лористонъ, назначенный посломъ ко Двору Санкшпешербургскому, отправился къ мѣсту своего назначенія.

*

Прибывшій въ Вѣну Французскій Каммергеръ Графъ Николай привезъ отъ Императора Наполеона къ Его Апостольскому Величеству письмо, въ которомъ содержится приглашеніе принять отъ купѣли новорожденного Короля Римскаго.

*

Марша 18 Г. Персеваль пребоавалъ въ Англійскомъ нижнемъ парламентѣ два милліона для защищенія Португалліи. Въ прошломъ году, сказалъ онъ, думали, что мы, принявши Португальскихъ солдатъ на свое жалованье, одни несемъ всю тягость войны. Между тѣмъ у Португальцовъ есть гораздо болѣе войска, нежели сколько мы содержимъ на своемъ жалованье, а именно 30,000 регулярнаго и столько же милиціи. — Въ верхнемъ парламентѣ Лордъ Гренвиль сказалъ: „неслыханное дѣло пребоавать такую большую сумму, не показывая подробно, на что

она предназначается. Вопросъ не о томъ, надобно ли намъ избавить полуостровъ отъ Французскаго ига; а желательнѣе знать: при сомнительномъ состояннн нашихъ финансовъ и торговли можемъ ли издерживать великія суммы, какія уже употреблены нами для продолженія сей войны? Говорятъ намъ, что честь соединяетъ насъ съ Португалліею; но съ Ирландіею сопряжены мы еще тѣснѣе; и потому, прежде нежели рѣшимся принять чужія войска на свое жалованье, не лучше ли было бы помочь Ирландіи при ея недостаткѣ? — Наконецъ положена опущенная пребуемую сумму.

Разныя извѣстія.

Въ 57 номерѣ Гамбургскаго Корреспондента содержится грозная статья противъ Лейпцигскихъ, Готскихъ и Барейтскихъ вѣдомостей, въ которыхъ помѣщены расчеты, представляющіе Англійскую торговлю яко бы весьма въ цвѣтущемъ состояннн.

✦

Тѣло Принца Лудвига Фердинанда Прусскаго, убитаго на сраженнн при Саальфельдѣ, предано погребеннн въ Берлинѣ. Надъ онымъ поставлена длинная *Французская* еписарія.

✦

Извѣстный въ Европѣ сочинитель путешествій Циммерманъ, и неменѣе извѣстный же Виллерсъ, нынѣшній Профессоръ въ Геттингенѣ, взяты подъ спражу, за помѣщеніе нѣкоторыхъ вольныхъ рѣчей въ своихъ сочиненіяхъ.

✦

Въ Лондонѣ получено извѣстiе, что область Перу объявила себя независимою. Мятежъ начался въ Лимѣ, и распространился опшуда по всей области, не безъ кровопролитiя.

Во Французской газетѣ (Gasette de France) помѣщена слѣдующая эпиграмма на стихи, писанные по случаю рожденiя Короля Римскаго:

Si quelque jour le fils de César lit
Les vers produits á sa naissance,
Il sera convaincu qu'en France
On a plus d'amour que d'esprit.

Число, жишелей въ Княжествѣ Варшавскомъ нынѣ простирается до 3, 774, 462 чело-вѣкъ.

(Изъ Рижск. Зрил.)

У в ѣ д о м л е н i я,

Полученныя изъ С. Петербурга при письмѣ 17 Апрѣля отъ неизвѣстной благотворительной особы 25 рублей опправлены въ Карачевъ ко вдовѣ Типулярной Совѣшницѣ А. А. Яновской. (Вѣстн. Евр. 1811. No 4. стр. 324)

Кiевскiй г. Губернскiй Почшмейстеръ Иасонъ Савичъ Баженовъ отъ 5 Апрѣля пишетъ къ Издателю слѣдующее: „Получа отъ неизвѣстной благотворительной особы при письмѣ изъ Москвы отъ 25го Марша пятьдесятъ пять рублей для отдачи госпожѣ Надворной Совѣшницѣ Елдезиной (Вѣстн. Евр. 1811 No 6, стр. 134), приятиишимъ для себя дол-

гомъ почелъ я въ пождь самое время, въ первой день Свѣтлаго праздника, вручить ей лично оныя деньги. Г-жа Елдезина приняла ихъ съ извѣявленіемъ чувствительнѣйшей благодарности. Она заплакала; я и самъ немогъ отъ слезъ удержаться, видя ея горестнѣйшее положеніе. Благотворительная особа желаетъ, чпобы я увѣдомилъ васъ объ исполненіи.“

P. S. „При письмѣ отъ 28 Марта я имѣлъ честь получить 25 рублей, и еще съ нынѣшнею почтою при письмѣ же изъ Москвы отъ неизвѣстной особы получилъ 10 р. и всѣ немедленно вручилъ г-жѣ Елдезиной.“

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 10. МАЙ 1811.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Осада Амазій.

(Восточная повѣсть.)

Люди вообще съ великою жадностію слушаютъ повѣсти о сраженіяхъ: имъ прикипно, чино ихъ неисповѣства представляюща въ образѣ добродѣтелей. Но я, иногда забавляясь ихъ глупостями, иногда сожалеа о гордости ихъ и безсиліи, стараюсь замѣчать въ ихъ исторіи такія черты, которыя возвышали бы въ глазахъ моихъ человечество. Нахожу въ ней много кровопротіи, но мало великихъ дѣлъ; много завоевателей знаменитыхъ, но мало истинно великихъ людей; много дыму, но мало славы. Счастливыиъ пощъ, кому посреди сихъ ужасовъ и заблужденій удастся встрѣтитъ неожиданно добродѣтель: онъ сладостно успокоиваетъ близъ нее свою душу; разсма-

приваешъ ее съ удивленіемъ; слезы воспора
га льются изъ его глазъ. Таковъ путешес-
твенникъ, поперявшій дорогу въ Аравій-
ской пустынѣ: долго скипался онъ по симъ
безплоднымъ и обнаженнымъ равнинамъ; дол-
го внималъ одному рыканію шигровъ и львовъ;
вдругъ предспавляется ему караванъ; сердце
его шрепещетъ ошъ радости и надежды; онъ
видитъ людей; онъ восклицаетъ въ восхи-
щеніи: Благодарю Небо! я опять въ об-
щеспвъ челошческомъ.

Славный завоеватель Моесъ - Еддулатъ
овладѣлъ всею Карманією, несмотря на
мужественное сопротивленіе Али-Магомеда,
человка великодушнаго, мужеспвеннаго, до-
бродѣтельнаго. Оспавался одинъ городъ Ама-
зія, которую Моесъ болѣе шести мѣся-
цовъ держалъ въ осадѣ; но ешотъ городъ
былъ почти неприсшупенъ; онъ могъ вы-
держашъ долговременную осаду, снабженъ бу-
дучи въ изобиліи всѣми военными и жизнен-
ными припасами. Али-Магомедъ поклялся
прежде погибнуть подъ развалинами города,
нежели покориться могущеспву неприятеля,
и Али-Магомедъ никогда ненарушалъ
своей кляшвы.

Осада была продолжаема съ великимъ
упорспвомъ; Калифъ Мокпафи всѣми си-
лами своими вспомошеспвовалъ шому чело-

вѣку; который долженъ былъ нѣкогда лишить его престола: онъ прислалъ Моесу болѣе ста тысячъ своихъ воиновъ. Но Али-Магомедъ мужественно отражалъ всѣ нападенія сего великаго ополченія: каждый день новый опытъ доказывалъ Моесу, что Государь, любимый народомъ своимъ, можетъ почитать себя непобѣдимымъ.

Уже свѣспные запасы Моесовы истощились; солдаты его, мучимые голодомъ, начинали роптать; Султанъ видѣлъ себя въ крайности. Онъ собираетъ своихъ полководцевъ: Друзья! говоритъ имъ, не уже ли оставишь начатое недовершеннымъ? Одинъ только городъ противился моей силѣ — не уже ли передъ силами его постыдно откажемся отъ побѣды? Опустивъ отъ Амазій значило бы возвративъ Магомеду всѣ земли; у него взятыя силою оружія; бѣжавъ отъ неприятеля, много разъ побѣжденнаго. Но голодъ угрожаетъ погибелью моимъ войскамъ; я слышу вопли мятежа; солдаты мои утратили силу; и самое мужество ихъ исчезаетъ вмѣстѣ съ крѣпостію шѣла. Друзья мои, къ чему прибѣгнете вы мнѣ прибѣгнувъ?

Всѣ безмолвствуютъ. Ни одинъ изъ полководцевъ Моесовыхъ не смѣетъ первый подать своего совѣта: шотъ опасается, что

бы его не признали робкимъ; другой боится заслужить наименованіе безразсуднаго. Одинъ Нерванъ, молодой воинъ, полный неуспрашимости, Нерванъ, повѣренный, другъ Моесовъ, всплаещъ съ своего мѣста и говоритъ: Моесъ, не знаю другаго средства: погибель и слава! —

Моесъ бросается на шею къ Нервану. Мой другъ! принимаю совѣщъ швой. Такъ! скорбе погибнуть, нежели себя обезславить!

На другое утро Моесъ выходитъ осматривать свое войско. Но сколь же онъ удивился! Солдаты встрѣчаящъ его восклицаніями радости: слава нашему Султану! слава любимцу пророка! веди насъ на приступъ! скорбе на приступъ!

Моесъ желаетъ знать, что произвело такую радость, такое рвеніе въ людяхъ, которые на канунъ были помимы голодомъ и унынїемъ. Ему сказывающъ, что во время ночи небесные ангелы приходили въ станъ, что они принесли съ собою великое множество свѣспныхъ припасовъ, которыми снабдили армію на цѣлый день. Моесъ скрываетъ свое удивленіе; онъ не спараетъся уничтожить въ войнахъ своихъ суетвннго мнвнн; которое столь благоприятствовало его предпріяніямъ; но онъ почти самъ готовъ повѣрить чуду.

Онъ пользуешься минутою рвенія, и ведешь всю армию свою къ спѣхамъ Амазіи. Нападеніе было ужасное: но Али-Магомедъ защищался съ мужествомъ непримѣрнымъ, и Моесъ принужденъ отступить, лишившись великаго множества ратниковъ. Солдаты, упомянутые приступомъ и снова мучимые голодомъ, опять начинаютъ роптать; но еще не успѣло совсѣмъ омрачиться небо, какъ мнимые ангелы снова явились въ лагерь съ тысячею верблюдовъ, навьюченныхъ плодами и хлѣбомъ. Моесъ, услышавъ объ этомъ чудѣ, велѣлъ представить къ себѣ предводителя незнакомыхъ пришельцовъ:

— Кто ты, великодушный человекъ, и откуда? —

„Изъ Амазіи!“

— Но кто послалъ тебя въ мой лагерь? —

„Али - Магомедъ!“

Что слышу! мой неприятель! что побудило его къ такому поступку?

„Человѣколюбіе и справедливость. Поди, сказалъ онъ мнѣ, отнеси эти свѣспные припасы въ лагерь Моесовъ. Если нельзя будешь тебѣ сокрыть отъ Султана помогающую ему руку, то скажи Моесу

именемъ жипелей Амазіи: во время дня сражаемся мы какъ непріятели; во время ночи мы осцаемся въ мирѣ: тогда, Моесъ, мы видимъ въ тебѣ и твоихъ воинахъ путешественниковъ, братьевъ, пребывающихъ отъ насъ гостепрїимства; мы сожалѣемъ о вашихъ спраданїяхъ; мы спѣшимъ усладить ихъ и подашь вамъ помощь (*).

— Невольникъ! отвѣщиваетъ Моесъ, помолчавъ минушу: душа твоего государя благородна и человеколюбива; но знай, что никогда Моесъ не уступитъ ему ни въ благородствѣ, ни въ человеколюбїи. Я побѣдилъ его оружіемъ, хочу превзойти его и въ добродѣтели. Три тысячи плѣнниковъ содержатся въ моемъ станѣ. Возвращаю ихъ Магомеду, не пребуя выкупа; даю имъ свободу опять противъ меня вооружись; я неспрашусь ихъ. Завтра при возхожденїи солнца ты возвратишься съ ними въ Амазію, а верблюды твои будутъ обременены драгоценными подарками отъ Моеса Магомеду.

Епо повѣдѣніе было на другой же день исполнено. Плѣнникамъ возвращены и оружіе и свобода; богатые Персидскїе ковры, золотыя и серебряныя чаши и множе-

(*) Черта историческая.

ество другихъ драгоценностей , приношеніе произвольное , не плаша за благодареніе , отвезены въ осажденный городъ.

Между пѣмъ Моесъ готовился снова напасть на Амазію ; а воинство Магомедово готовился къ отраженію присупа. Лѣспницы приспавлены , и солдашы Моесовы , ободряемые присуствіемъ молодого Сулпана , дѣлають чудеса своимъ мужествомъ. Неуспрашимый Нерванъ сражается въ глазахъ своего повелителя и друга. Увлеченный неоспорожнымъ своимъ мужествомъ , онъ взбѣгаетъ на высоту спѣны , послѣдуемый малымъ числомъ воиновъ ; его окружають ; долго сражается онъ одинъ среди великаго множества непріятели , и разсыпаетъ вокругъ себя смерть ; силы его наконецъ испощились , онъ падаетъ , и солдашы Моесовы , свидѣтели гибели молодого героя ; наполняють воздухъ жалобными воплями. Извѣстіе о смерти Нервана въ минуту распространяется по всей арміи ; все приходитъ въ уныніе ; но кто опишетъ печаль и опчаяніе Моеса ? Онъ мчится изъ строя въ строй ; старается воспламенить мужество въ своихъ воинахъ ; дышетъ мщеніемъ и дувъ ! усилія его бесполезны. Лѣспницы переломаны ; солдашы Моесовы бѣгутъ въ безпорядкѣ назадъ ; Али , желая воспользоваться ихъ неустрой-

снвомѣ, выступавшѣ изѣ города съ частію гарнизона, который какѣ молнія усстремляется на бѣгущихѣ. Моесѣ принужденѣ опуститься; онѣ удаляется, бросая на Амазію горящіе злобою взоры; но удаляется, принудивѣ Магомедовыхѣ воиновѣ скрыться въ пещерахѣ Амазіи.

Наступавшѣ ночь; благотворный сумракѣ ея превращавшѣ сраженіе. Воздухѣ спокоенѣ и чистѣ; звѣзды сверкающѣ въ высотѣ неба, и луна прихвѣтъ сїяніемѣ лучей своихѣ озаряетѣ сїю прелестную сїрану, сїи поля благословенныя природою, богатыя жашвою и плодами, поля, на которыхѣ вѣчно царствовала бы пищина и мирѣ, когда бы неизвѣстны онѣ были человеку. Моесѣ выходитѣ изѣ своей спавки; задумчиво идетѣ онѣ по берегу свѣтлаго Казальмаха, котораго чистыя воды орошаютѣ его лагерь; онѣ думаетѣ о Нерванѣ. О мой другѣ! восклицаетѣ онѣ, я лишился тебя на вѣки! я видѣлъ тебя пораженного мечемѣ непріятеля, и не могѣ бытъ своимѣ мщителемѣ! О! для чего не погибѣ я вмѣстѣ съ тобою! Мы жили одними чувствами; для чего же не имѣемѣ мы одинакой участи! Я любилѣ тебя — какѣ славу: одна Зораида могла имѣть мѣсто подлѣ тебя въ моемѣ сердцѣ Славѣ, любовь, могущество, вы никогда не замѣните душѣ моей потеряннаго Нервана!

Въ эту минуточку предспавляется гла-
замъ Моесовымъ юноша ; его поступъ, ли-
це и станъ подобны Нервановымъ ; онъ при-
ближается. О Нерванъ ! восклицаетъ Моесъ,
швъ швоя предо мною !

„Ншвъ, Моесъ ! опвбчаетъ знакомый
голосъ, ты видишь самаго Нервана !“

— Нерванъ ! правосудное Небо ! какимъ
чудомъ ? . . . Такъ ! это Нерванъ ! я обни-
маю моего друга !

Между швмъ многочисленная толпа
окружаетъ Моеса. То были посланные отъ
Магомеда. Одинъ изъ нихъ приближается
къ Султану и говоритъ : Моесъ ! Али-Маго-
медъ ввщаетъ тебъ моими устами : „благо-
дарю тебя, великодушный Моесъ, за не-
оцвненный даръ, шбою мнъ сдланный : ты
возвратилъ мнъ три тысячи плбнниковъ,
спрадавшихъ въ разлукѣ съ друзьями и
сродниками ; ты возвратилъ мнъ моихъ дѣ-
тей, ибо всѣ подданные мои соспавляютъ
мое семейство. О, если бы ты могъ ви-
дѣть ихъ восхищеніе, когда они вступили
въ жилище своихъ опцовъ, братьевъ, су-
пругъ и чадъ ! Я былъ свидѣтелемъ сего зрѣ-
лица, и сердце мое исполнилось сладкаго
чувства. Горе ! сказалъ я, горе жестокимъ
людямъ, враждующимъ съ возвышенными
удовольствіями сердца ! Моесъ мой врагъ ; моо

онъ того желаетъ. Но я сражаюсь съ однимъ его честолюбѣемъ; нехочу нападать на его дружбу, и Нерванъ, другъ Моесовъ, долженъ къ нему возвратиться. миръ людямъ, соединеннымъ любовію; одинъ злодѣй способенъ лишать ихъ небеснаго дара любви. Но вмѣстѣ съ Нерваномъ, Моесъ, возвращаю себѣ и свои подарки. Сокровища мнѣ ненужны. Защитивъ Амазію, буду имѣть довольно богатства. Еслижъ падетъ Амазія, то вмѣстѣ съ нею погибну и я; ибо шавова вляшва, произнесенная мною передъ лицомъ Всевышняго Бога!“

— Скажижъ, невольникъ, чѣмъ могу наградишь своего государя? —

„Награда его не въ швоей власти!“

— Но развѣ почитаетъ онъ себя выше Моеса? —

„Онъ великъ, не думая бытъ великимъ!“

— Чтѣ его добродѣтель, не удивляясь ей! буду ей подражать, и можешъ бытъ превзойду ее!

„Превзойти добродѣтель Али - Магомеда! Нѣтъ, Моесъ! ты человекъ.“

— Но Магомедъ спрашитъ меня! —

„Магомедъ спрашитъ одного Бога!“

— Онъ надѣшся меня обезоружить? —

„Великій Моесѣ неспособенъ шакъ думать!“

— Но для чего же не соглашаешься онъ покорить себя моей власпи? —

„Онъ покоряется одному Богу, въ рукахъ котораго жребій владыкъ и побѣдителей!“

— Невсльникъ! твои опѣшпы мнѣ нравятся: они благородны, они достойны Али-Магомеда. Иди торжествовать вмѣстѣ со мною возвращеніе Нервана! А ты, мой другъ, прими участіе въ моемъ восторгѣ! Я возвращилъ величайшее изъ благъ моихъ! да все окружающее меня раздѣлитъ мою радость. . . .

Султанъ повелѣваетъ изгошвинъ великолѣпное празднество; спавки блистаютъ разноцвѣшными огнями; музыка гремитъ; пѣвицы соглашаютъ приятный голосъ свой со звуками инструментовъ. Зораида присутствуетъ на этомъ пиршествѣ и украшаетъ его своими прелестями. Султанъ, сидящій между Нерваномъ и Зораидою, наслаждается чистыми радостями любви и дружбы. Онъ обнимаетъ Нервана; полкомъ, усшремивъ на Зораиду нѣжный взглядъ, говоритъ ей: „милый другъ! върь моему серд-

цу; дружба никогда не ослабитъ въ немъ той сильной спраси, которую оно къ тебѣ пишетъ. Сильнѣйшая изъ спрасей можетъ въ немъ соединена быть съ самымъ сладнымъ и непорочнымъ чувствомъ.“

Пиршество кончилось; всѣ расходятся. Моесъ повелѣваетъ посланнику Магомедову остаться въ лагерь до солнечнаго восхода. Ему приготавливаютъ мягкое ложе въ особомъ шатрѣ. Все засыпаетъ въ Моесовомъ шатрѣ; одинъ только онъ не можетъ сомкнуть глазъ. Магомедова добродѣтель его мучитъ; вопще онъ думаетъ о средствахъ побѣдить врага своего великодушнѣмъ.

„Какъ! думаетъ онъ: есть въ мѣрѣ человекъ, превышающій меня величьемъ духа, и естъ человекъ — Али-Магомедъ, мой неприсяель, спокрапно мною побѣжденный, почти неимѣющій никакого присаница! И нѣкогда на гробъ его будетъ написано: *Прахъ Али-Магомеда, которъй былъ выше своего любѣдителя!*... Для чего же веду я войну? Не уже ли для того только, чтобы умерщвлять людей? Нѣтъ! нѣтъ! и сражаюсь для одной славы, достойной награды великихъ и благородныхъ дѣлъ. Удостоимсяжь етой высокой славы! О Небо! даруй мнѣ шоржесство надъ моимъ неприсяелемъ!“

Лучи восходящаго солнца озарили спѣны Амазіи. Уже Моесовы войска въ движеніи; полководцы приходятъ требовать его повелѣній; а посланный Магомедовъ проситъ, дабы позволено ему было возвратиться въ городъ. Возвратись! говоритъ ему Моесъ, краснѣя; скажи Магомеду, что я дивлюсь его добродѣтели; что невозможность ему подражать перзаецъ мою душу.

Посланный удаллся. Вдругъ приближается къ Султану незнакомый человекъ, ирачнаго вида, и пребуетъ, чтобы Моесъ выслушалъ его наединѣ. Моесъ повелѣваетъ всѣмъ опуститься. Незнакомецъ падаетъ ницъ и говоритъ: „Великій Султанъ, да будетъ слава и побѣда неразлучною соупницею твоихъ знаменъ! Я обитатель Амазіи. Врагъ твой давно уже причислилъ меня къ своимъ ближнимъ; давно уже пользуюсь его довѣренностію; но я уже наскучилъ сею пятгоспшною неволею. Служба о великодушій Моеса влечетъ меня къ его стопамъ. Хочу быть вѣрнѣйшимъ невольникомъ великаго завоевателя.“

— Какъ! восклицаетъ изумленный Моесъ: ты могъ оставить Али-Магомеда? —

„Не токмо оставляю его, но я готовъ предать самаго Али-Магомеда въ твои руки!“

— Скорѣ говори, какимъ средствомъ?

„Мнѣ извѣстенъ подземный проходъ, ведущій прямо въ Амазію, прямо къ дворцу Магомедову. Самъ Али ввѣрилъ мнѣ сію важную тайну, весьма немногимъ изъ подданныхъ его опирываю.“

— О правосудный Творецъ! ты чиналъ въ моемъ сердцѣ, и послѣдилъ ко мнѣ на помощь. Погоди! . . . услужливый человекъ, я награжу тебя по достоинству: услуга твоя чрезвычайна; ты вѣрно не можешь постигнуть ея великости. —

Моесъ выходитъ изъ своего шатра, и повелѣваетъ возвратитъ Магомедова посланника. „Возьми ешаго предашеля; говоритъ онъ ему, и скажи отъ имени Моеса Али - Магомеду: ты возвратилъ Моесу лучшаго его друга; благодарный Моесъ возвращаетъ тебѣ величайшаго изъ своихъ непріятелей, человека хотѣвшаго употребитъ во зло твою довѣренность, и погубитъ тебя оружіемъ твоей дружбы. Завтра, когда бы захотѣлъ Моесъ, ты былъ бы въ его власти; но Моесъ говоритъ: вѣчное поношеніе тому, кто прибѣгаетъ къ испорченности людей, дабы побѣдитъ своего непріятеля. Коварство не можетъ служить орудіемъ мужеству; одинъ преступникъ призываетъ на помощь преступника. Давать убѣжище низкому изъ-

мѣннику и бытъ самому низкимъ, одно и то же; упошребляшь на сраженіи предательства прилично не воину, но убійцѣ.»

Не успѣвъ еще посланный Магомедовъ вспунить въ Амазію, какъ зазвучали трубы. На высокихъ горахъ, у подошвы которыхъ лежалъ осажденный городъ, увидѣли воиновъ: Моесъ узнаетъ, что десять тысячъ вооруженныхъ пришли на помощь къ Али Магомеду, и что они овладѣли высями. Султанъ чувствуетъ, что для него необходимо отнять у нихъ сіе выгодное мѣсто; предпріятіе прудное; но Моесъ не колеблется, идетъ почти со всѣми силами своими на горы, и оставляетъ въ спанѣ своемъ весьма малое число воиновъ.

Неприятель защищаетъ съ великимъ мужествомъ и упорствомъ горные проходы; но быспроша Моесова все низпровергла, и большая часть возвышеній уже во власти Султана. Ночь принуждаетъ его оставить полусовершенное предпріятіе. Онъ возвращается въ лагерь. Но кто опишетъ его изумленіе и горестъ: лагерь разграбленъ; спражи Султанскихъ шатровъ умерщвлены! Ужасъ проникаетъ въ душу Моеса; спрашное предчувствіе терзаетъ его. Гдѣ Зораида? . . . Напрасно онъ ее призываетъ! Зораида ему не отвѣтствуетъ. Онъ ви-

дѣйствіе стараго невольника, покрытаго ранами, который съ шрудомъ приволзши къ ногамъ его, говоритъ: „Повелишель! Зораида въ рукахъ непріятели. Онъ воспользовался своимъ отсутствіемъ, и сдѣлалъ нападеніе на лагерь; всѣ погибли; или достались въ плѣнъ. Зораида похищена вмѣстѣ съ прекрасными невольницами, опредѣленными для ея услуженія. О повелишель! для чего не погибъ я вмѣстѣ съ ними! Видѣшь твою печаль, ужаснѣе для меня самой смерти!“

— Какъ! воскликнулъ Моесъ въ неописанномъ бѣшенствѣ: Зораида въ ихъ власти, и я не могу летѣть къ ней на помощь! Все драгоцѣннѣйшее для меня, Зораида, моя любовница, моя супруга въ рукахъ Али-Магомеда? а я еще существую! О! для чего не лишился я лучше шрона! шронъ можно еще возвратить; но Зораида . . . О жестокіе! вы дорого заплатите за это минушаго поржесиво! за каплю моихъ слезъ пролью рѣками вашу кровь! Такъ, Магомедъ, Амазія швоа погибла! обранцу ея въ пепелъ! все разрушу! все будешь жертвою меча или пламени!

Такъ предавался опчаянню своему Моесъ; его полководцы и придворные смощряли на него въ опдаленіи, и шрепещули;

одинъ Нерванъ осмѣливается къ нему приближиться и его ушибать. Моесъ смотритъ на него суровыми глазами. „Удались! восклицаетъ онъ, я потерялъ Зораиду, все милое для моего сердца! теперь ни въ комъ неимѣю нужды.“

Между тѣмъ мало по-малу гнѣвъ его утихаетъ и надежда возвращается въ его душу. „Но, Моесъ, развѣ не знаешь ты Магомеда? — говоритъ онъ самому себѣ — сколько разительныхъ доказательствъ его великодушія! Нерванъ, надежда швоего войска, былъ въ его власти; онъ зналъ, какими узами соединенъ ты былъ съ Нерваномъ; онъ возвратилъ тебѣ швоего друга. Можешь быть, когда узнаешь онъ, что Зораида . . . Но что я говорю, безразсудный! уже ли Магомедъ неимѣетъ ни глазъ, ни сердца? Увидя Зораиду, захочетъ ли онъ лишиться себя такого сокровища? Увы! можешь быть въ эту минуту онъ лежитъ у ея ногъ и коварными ласками старается найти дорогу въ ея душу; употребляетъ всѣ хитрости обольщенія, обѣщанія, угрозы. . . О правосудное Небо! для чего немогу въ эту минуту передъ нимъ явиться, поразить его симъ кинжаломъ, разперзать его моею рукою!“

Солнце взошло. Моесъ во всю ночь несмыкалъ своихъ глазъ. Въ безмолвномъ

опчаянїи бродитѣ онѣ между шапрами; Никшо недерзаетѣ къ нему приближиться; всѣ знаютѣ, сколь ужасенѣ Моесѣ въ кнѣнїи сильныхѣ спраспей своихѣ. Воинство ждешѣ повелѣнїй; но Моесѣ позабылѣ и войско свое, и честолоубїе, и славу. Нѣсколько удвлетворенныхѣ спраспей могутѣ вмѣстѣ владычествовать спокойною душою; но если одна изѣ нихѣ раздражена, то всѣ другїя, съ нею совмѣстницы, исчезаютѣ; она испоргается изѣ своихѣ пѣсныхѣ предѣловѣ и грозно свирѣпствуетѣ. Такова рѣка, надувающаяся отѣ сильныхѣ дождей: она вырывается изѣ береговѣ, и съ ревомѣ выбрасываетѣ изѣ нѣдра своего все то, что обитало въ немѣ прежде, когда спокойныя волны ея были равны съ берегами.

Солнце закатилось, а жребїй Моесовѣ все потѣ же; нѣтъ словѣ отѣ Магомеда; городскїя вороны не опворяются; не возвращаютѣ Моесу Зоранды. Напрасно Моесѣ надѣялся на великодушїе Магомеда; надежда сїя обманула его. Онѣ предается бѣщенству, онѣ жаждешѣ мщенїя. Онѣ самѣ рѣшилѣ идти въ Амазію. Вечерѣ уже близко; Моесѣ снимаетѣ съ себя великолѣпную свою одежду; надѣваетѣ платье Армянскаго купца; беретѣ съ собою двухѣ невольниковѣ и чепырехѣ верблюдовѣ, навьюченныхѣ драгоценными товарами; выходитѣ

на Багдадскую дорогу, ведущую къ воротамъ Амазїи; приближается къ нимъ; спраша впускаешъ его въ городъ. Одинъ изъ невольниковъ, знающій всѣ улицы Амазїи, указываетъ ему прекрасный каравансерай, находящійся близъ самаго дворца Магомедова.

Но ревность не позволяешъ ему успокоиться; онъ хочешъ идти во дворецъ, рѣшившись погибнуть, или испоргнуть Зо-раиду изъ рукъ своего соперника . . . Въ эту самую минушу являешся въ каравансерай Магомедовъ чиновникъ; онъ идешъ прямо къ Султану и говоритъ: Повелишель мой Али-Магомедъ услышалъ о прибытїи иностранца въ городъ Амазїю; Али-Магомедъ свяшо хранишъ уставы гостепрїимства. Я посланъ имъ пригласить тебя во дворецъ; онъ хочешъ узнать тебя и угостить.

— Моешь удивился. Согласенъ, отправляешъ онъ; иди; я за шобою слѣдую.

Султанъ идешъ во дворецъ: онъ входитъ въ эту обширную залу, въ которой Магомедъ обыкновенно принимаетъ чужеземцевъ; онъ приближается къ проу своего неприятеля, стараешся соврешъ въ сердцѣ своемъ наполняющее его бѣшенство; въ первый разъ видитъ онъ Али-Магомеда; при первомъ взглядѣ на его лице онъ чув-

спвуеть, что ненависть въ душѣ его ути-
 жаеть; онъ неподвиженъ; благоговѣнїе на-
 полнило его душу; онъ готовъ пасть на
 колѣни передъ пѣмъ человѣкомъ, котораго
 за минушу хотѣлъ умершвишь. Онъ смо-
 пришь съ нѣкопорымъ воспоргомъ на бла-
 городное лице Магомеда, на которомъ на-
 чершаны и мужество, и кротость, и про-
 стоша, и величїе, и швердое спокойствїе
 силы, и нѣжная чувствительность души
 прекрасной.

Магомедъ подошелъ къ нему съ улыб-
 жою благоволенїя. Чужестранецъ, да будетъ
 надъ тобою милосердїе Неба! Не спрашиваю
 ни о швоемъ опечешивѣ, ни о швоемъ име-
 ни; ты человѣкъ, и я швой братъ. Я вѣрю
 напередъ, что намѣренїе, приведшее тебя въ
 Амазію, невинно: я никому не дѣлалъ зла
 и всѣмъ желаю добра.

Моешь въ смущенїи. Магомедъ повелѣ-
 ваетъ невольникамъ одѣшь чужестранца въ
 богатое платье, и приглашаетъ его раздѣ-
 лить съ нимъ вечернюю трапезу. Моешь,
 въ одеждѣ, болѣе приличной его сану, всту-
 паешь въ великолѣпную залу, въ которой
 Магомедъ, окруженный чиновниками двора,
 готовился уже садиться за столъ, уславлен-
 ный вкусными яствами. Почетное мѣсто
 дано чужестранцу, котораго величественный

видъ приводишь всѣхъ собесѣдниковъ въ изумленіе.

Веселость приятная и непринужденная оживляетъ пиршество. Всѣ разговаривающъ свободно; придворные Магомедовы совсѣмъ не похожи на придворныхъ: ихъ можно скорѣе называть друзьями, испытанными въ добродѣтели и получившими право свободно выражать свои мысли и чувства.

Ты удивляешься, незнакомецъ, сказавъ Магомедъ Моесу; ты удивляешься, видя опкровенность и дружбу за споломъ государя; видя, что я на шронъ шакъ же щасливъ, какъ будто бы и небылъ на шронъ!

— Ты щасливъ, Али? воскликнулъ Моесъ, щасливъ въ ту минушу, когда ужасный неприятель окружаетъ своими войсками швою столицу; когда пресполь швой гошовъ каждую минушу разрушишь; когда судьба швая зависить отъ Моеса? —

„Чужеспранецъ, судьба моя въ рукахъ всеильнаго Бога! Велишь, и мой пресполь исчезнетъ; я это знаю, и несмотря на то, я щасливъ! О чужеспранецъ, и Моесъ, подобно Магомеду, подвластенъ шому Владыкѣ, которому все возможно. Переспашемъ же говорить о шакѣ предметѣ, который хотя и не возмущаетъ души моей,

но мало приличенъ живымъ удовольствіямъ пиршества.

Между шѣмъ пиршество продолжается ; прелесныя невольницы поющъ и пляшущъ; веселость оживляющъ присутствующихъ; Магомедъ, неперяя величественной важности, приличной его сану, предается безъ принужденія удовольствію : онъ веселъ, любезенъ, и все одушевляется его присутствіемъ. Моесъ смотришь на него въ мрачномъ молчаніи. Онъ думаетъ о Зораидѣ, и ревность опять воспаляетъ его душу; онъ невольно хватается за кинжалъ; скрытый на его груди; но Магомедъ начинаетъ съ нимъ говорить: чужеземецъ, для тебя угошовано епо празднество; а ты печаленъ, а ты чуждаешься нашихъ удовольствій! Что причиною той унылости, которую вижу на лицѣ твоёмъ ?

— Али ! отвѣчаетъ Моесъ, ужасная страсть свирѣпствуетъ въ моемъ сердцѣ. Мой непріятель похитилъ у меня милую, обожаемую мною женщину; женщину, которая любила меня спрасино, которую хотѣлъ я сдѣлать моею супругою. Она заключена въ его сералъ; она страдаетъ въ разлукѣ со мною. Мщеніе привело меня въ Амазію. Я пришелъ умертвить моего соперника; отнять у него мою любовницу; или самъ погибнуть отъ его кинжала.

„Какъ, чужестранецъ! ты хочешь мстишь похищенелю! Но развѣ иныѣ въ Амазїи законовъ; развѣ она управляема варваромъ; развѣ незнаюшъ здѣсь, что правосудіе должно наказывать преступленіе и мстишь за невиннаго? Нѣтъ, чужестранецъ, не отнимай у меня священнѣйшаго изъ моихъ правъ! Если пребываніе швое справедливо, я возвращу тебѣ швою супругу, и хищникъ доспойно будешь наказанъ.“

— Ты, Магомедъ! ты хочешь быть моимъ защитникомъ! Ты! похищенель Зораиды, обожаемая Моесомъ, заключенной съ невольницами въ швоемъ сералѣ, опредѣленной на жертву швоего сладоспастїя! —

„Что ты говоришь, чужестранецъ?“

— Такъ, Магомедъ, ты любишь Зораиду; ты хочешь присвоить себѣ по сердцу, въ кошоромъ владычествуешь одинъ Моесъ. —

„О чужестранецъ! сказалъ Магомедъ, краснѣя, кто открылъ тебѣ тайну моей души? Такъ, я долженъ признаться; Зораида меня плѣнила; въ первый разъ возмушилось мое сердце при видѣ женщины: скажу болѣе, во мнѣ родилось желаніе соединить себя съ Зораидою.“

— Никогда неисполнится это безразсудное желаніе. Моесъ придетъ испоргнушь изъ рукъ пвоихъ несчастную жертву: онъ близко, и мщеніе за нимъ слѣдуетъ! —

„Я небоюсь Моеса; онъ это знаетъ, Пускай придетъ онъ. Сражусь съ нимъ, когда увижу въ немъ врага; приму его въ объятія и раздѣлю съ нимъ сокровища, если увижу въ немъ друга. . . . Но я уже не могу возвратишь ему Зораиды.“

— Теперь узнаю тебя, добродѣтельный, великодушный человекъ! О сколь низки и мѣлки тѣ добродѣтели, копорыми думаешь ослѣпить насъ! . . .

„Я вижу, чужестранецъ, сказалъ Магомедъ улыбаясь, что ты весьма полагаешься на эти добродѣтели, иначе не позволилъ бы себѣ говоришь такимъ языкомъ со мною; но скажи откровенно, что если бы Моесъ похищилъ у меня невольницу, подобную въ красотѣ Зораидѣ, и влюбился въ нее спрашно: возвратилъ ли бы онъ ее Магомеду? Ты молчишь. Скажижъ еще: думалъ ли самъ Моесъ, что Магомедъ возвратишь ему Зораиду?“

— Думалъ! но еша надежда скоро исчезла! —

„Моесъ несправедливъ. Узнай Магомеда, и перестань почищать его низкимъ

невольникомъ спрасшей, гошовымъ всегда принесши имъ въ жертву и справедливосшь и добродѣшель. Я любилъ Зораиду, люблю ее и шеперь; но она уже въ лагерь моего неприяшеля! . . .

— Чшо слышу! правосудное Небо! Зораида! . . . о благороднѣйшій, величайшій изъ смерпныхъ! какимъ именемъ назову тебя! человекъ ли. шы, или божество! Узнай же шого чужеспранца, кошораго съ шакимъ дружелюбїемъ принялъ въ свое жилище: я Моесъ!

„Знаю!“

— Можно ли? —

„Такой человекъ, какъ Моесъ, не можетъ укрышья. Ему ненужно окружашь себя знаками величїя, дабы казашья великимъ и созданнымъ влащшовашья. Одинъ изъ моихъ придворныхъ тебя узналъ; но я и безъ него узналъ бы, чшо шы Моесъ. . . . Теперь уже поздно; тебѣ не лья возвращишь въ лагерь. Завпра по восхожденїи солнца шы выдешъ изъ Амазїи; вѣрные шблохраништели проводятъ тебя въ лагерь. Да будетъ на ешу ночь жилище Магомедова швоимъ убѣжищемъ. Спи безъ шпраха подъ кровомъ Магомедана. Праваша будетъ на спрашѣ у дверей швоихъ; я самъ никогда не имѣлъ другой спраши.“

Султана отводятъ въ богатѣйшій чертогъ. Онъ ложится на постель, и засыпаетъ шѣмъ безмятежнымъ сномъ, которымъ обыкновенно наслаждаются въ обществѣ друга. На другое утро, окруженный тѣлохранителями, осматриваетъ онъ Амазію и возвращается въ лагерь.

Все войско было въ великомъ волненіи. Полководцы, безпокоясь о судьбѣ своего Султана, готовились сдѣлать решительный приступъ. Все думали, что Моесъ или попался въ плѣнъ, или погибъ въ Амазіи. Все пылало мщеніемъ. Между шѣмъ пятьдесятъ тысячъ свѣжихъ воиновъ, присланныхъ отъ Калифа Мокшафи, соединились съ Моесовымъ воинствомъ: Амазія, при всей неуспрашимости своихъ защитниковъ, не могла бы устоять противъ такой чрезвычайной силы. Но вдругъ являеся Моесъ; все успокоилось. Услышавъ о присланной къ нему помощи, онъ почувствовалъ въ душѣ своей благородную радость. Онъ собираетъ вождей и въ присутствіи ихъ говоритъ молодому Нервану: Завтра, мой другъ, хочу вступить въ Амазію. Но тебѣ повелѣваю нынѣ идти къ Магомеду. Скажи ему отъ имени моего Государя: Султанъ мой осадилъ твой городъ съ воинствомъ непобѣдимымъ; но ты побѣдилъ его единою добродѣтелію. Онъ покоряется и признаетъ

себя побѣдителямъ. Онъ почиталъ себя великимъ, потому что былъ силенъ; онъ признается, что пы его выше, ибо пы добродѣтеленъ; его величїе въ помѣ многочисленномъ воинствѣ, копорымъ онъ повелѣваешъ; швое величїе въ шебѣ, въ швоемъ сердцѣ: оно не зависитъ ни отъ людей, ни отъ случая, и Магомедъ, подъ низкимъ соломеннымъ кровомъ, превышалъ бы величайшаго изъ всѣхъ монарховъ. Моесъ предлагаетъ Магомеду миръ и шребуешъ его дружбы: ибо врагъ Магомеда есть врагъ шего божества, вопорого онъ образъ. Амазія и вся прелестная страна, принадлежащая къ ней, ошаюшя во власпи Магомеда! Блаженны, шократъ блаженны народы, повинующїеся державѣ шакого великаго Государя!“

Кто изобразитъ изумленїе военачальниковъ! они не знали, кому болѣ удивляшся, Магомеду или Моесу; пому ли, кто одержалъ шакую чудесную побѣду, или пому, кто признавалъ съ шакимъ величїемъ славу своего побѣдителя!

Нерванъ идетъ въ Амазію, и въ потѣ же вечеръ враша ея ошворились для воиновъ Моеса. Ихъ приняли какъ родшвенниковъ, возвратившихся изъ дальняго края по додговременномъ ошсущствїи. Моесъ и

Магомедъ подали другъ другу руку и покланались въ вѣчной дружбѣ. И сія пляшка не нарушила для сердецъ великихъ! Ненависть можешь существовать между людьми, имѣющими прекрасную душу, но только до тѣхъ поръ, пока они другъ друга не узнали.

Саразень. В. А.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ Неерѣ.

Неера! — такъ, — тебя мнѣ должно убѣгать!

Передъ судьбой благоговѣю.

Ты пребуешь того, пропившись не смѣю! . . .

О средство позднее! — И ты могла мечтать,

Что спроситъ, возженную побою,

Разлука охладитъ? — Нѣтъ, нѣтъ! —

Она живетъ со мной, она умретъ со мною;

Въ ней жизни моя дыханье, пища, свѣтъ;

Она души моей безсмертье составляетъ. —

Когда громада пучь свѣшило днѣ скрываетъ,

Когда другимъ землямъ даритъ оно лучи: —

И въ бурю грозную и въ сумрачной ночи —

Лишаются ль его благой, незримой силы

Деревья наши и цвѣшны? — —

Въ разлукѣ горестной и на краю могилы

Мнѣ солнцемъ жизни будешь ты!

Ахъ! будь сама судьей, прелестная Неера!
Скажи, опаснѣе ли то, что вижу я себя!

Могла бышь болѣе себя,
Могла умножишь страсть? — ея свершилаеъ
мбра!
Скажи, что пользы мнѣ въ разлукѣ страшной
сей,

Которую сама невольною душой,
Съ слезами на очахъ, ты мнѣ опредѣлила,
Что развѣ сказавъ *прости*, руки неопдѣлила,
И два дни наконецъ невидѣвшись со мной,
Меняжъ холодношью, забывшись, укорила!
Что пользы? — „Твой, гласишь, швой собствен-
ной покой!

Препоны между насъ спояшъ неборимы;
Судьба швой врагъ непримиримый!
Небудемъ вмѣстѣ жить и вмѣстѣ не умремъ;
Будь счастлива и забудь! Ахъ, въ сердцѣ ты
моемъ

Конечно никогда, Неера, нечистала. —
Жестокая! — или любви ты не знала?

Пусть горы вознесушъ препонъ;

Омѣ для страсти не законъ!

Какой тиранъ, какая злоба

Погасишь огонь ея, свободный даже гроба? —
Несчастьями, враждой, и рабствомъ опягченъ,
Невольникъ бѣдшвенный свирѣпаго Алжира,
Въ пескахъ, въ шемничной мглѣ, всего изгнан-
никъ міра;

Все міру я ошдамъ, но сохраню швой плѣнъ!
Пускай въ стихійной прѣ вновь Хаосъ возго-
рился,

Пускай вселенная въ развалинахъ дымишя:
Въ часъ смершный, разраженъ утесомъ ро-
ковымъ,

Еще взыцу тебя, еще вздохну швоимъ! —
Теперь ты зришь сама, что права не имѣешь

Послѣдней радости несчастнаго лишить ;
Какъ пребывать, чтобъ я могъ милую забыть !
Нѣтъ , мало ты меня , Неера , разумѣешь !...
О Небо ! прими моихъ остатковъ дней ,
И вѣчности всея опъемли наслажденья ;
Но на единой мигъ оставь душъ моей ,
Хотя не радости , хотя любви мученья !...
Мрзливъ.

Отвѣтъ Вралеву,

*(которой хотѣлъ знать, что говорятъ
объ его сочиненіяхъ.)*

Фебъ прозу и стихи свои, Вралевъ, читалъ,
И вопъ онъ что сказалъ:
Уймись, Вралевъ! тебѣ не суждено богами
Писать ни прозой, ни стихами.

Н. ѡ К. въ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О судебныхъ поединкахъ.

Къ исторіи государства необходимо принадлежи въ изображеніе народныхъ обычаевъ и постепенное ихъ измѣненіе. Исторія собственныхъ нашихъ предковъ шѣмъ болѣе для насъ любопытна, чѣмъ менѣе сходны ихъ обычаи съ нашими. И однимъ уже симъ несходствомъ, по моему мнѣнію, доспашочно извясняется важная обязанность дѣписателя, обязанность сохранить для потомства память о старинныхъ обыкновеніяхъ.

Доспойна особливаго примѣчанія пропи-
вуположность шеперешняго образа мыслей съ прежнимъ, относительно къ поединкамъ. Ныгѣ спросимъ законовъ, охраняющихъ честь, жизнь и собственность каждаго гражданина, преслѣдуемъ поединщиковъ, какъ самоуправныхъ нарушителей общешвеннаго порядка; но было время, и шому еще прошло не болѣе двухъ сотъ пятидесяти лѣтъ, когда поединки въ Отечество наше происходили подъ наблюдениемъ са-

маго правительсва. По Судебнику Царя Иоанна Васильевича, испець и опвѣщчикъ могли пѣжбу свою окончивъ *билвою на моль* (*). Кто одолѣвъ, пошѣ былъ правъ; побѣжденный оспавался виноватымъ, и платилъ пошлину чиновникамъ и служителямъ, кошорые должны были присушествовать при боѣ и наблюдать за порядкомъ. Свидѣтели обѣихъ споронъ, въ случаѣ разногласія, также могли доказывать правду свою поединкомъ. Законъ дозволялъ опвѣщичику, при нѣкоторыхъ обстоятельствеахъ, вмѣсто себя нанять бойца прошивъ доносителя. Въ прочемъ какъ испець, такъ и опвѣщчикъ имѣли право за себя выставить наемныхъ бойцовъ, когда сами не могли или не хотѣли сражаться.

Изъ договорной граматы Великаго Князя Василія Васильевича съ Княземъ Рязанскимъ Гоанномъ Ѳеодоровичемъ видно, что пѣжебныя дѣла были ованчиваемы судебными поединками еще въ пятнадцатомъ столѣтїи (**). Нѣтъ сомнѣнїя, что сей спранный способъ рѣшанья пѣжбы продолжался во все несчастное время Татарскаго господ-

(*) Судебникъ стн. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 19. 62.

(**) 1447 Года. См. Истор. Росс. Кн. Щербатов. Т. IV. Ч. III. стр. 85.

ства. Хотя трудно съ историческою достоверностію опредѣлить время, когда приняты въ Россіи судебныя поединки; однакожь, придерживаясь вѣроятнѣйшихъ догадокъ, можно по крайней мѣрѣ показать, что они перешли къ намъ отъ Германскихъ народовъ еще до появленія Татаръ въ Европѣ.

По связи Новгородцовъ и Кіевлянъ съ Варягами, по родственнымъ и дружественнымъ союзамъ Великихъ Князей Русскихъ съ государями странъ сѣверныхъ и западныхъ, у которыхъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, судебныя поединки были въ обществѣ употребленіи, полагать можно, что въ одиннадцатомъ вѣкѣ при законодателѣ Ярославѣ уже приняты были сей порядокъ судопроизводства, и слѣдственно мы ссылались бы только сослаться на *Русскую Правду* для очевиднѣйшаго удостовѣренія въ истинѣ, въ прочемъ, кажется, неподлежащей сомнѣнію; но III и IV статьи Русской Правды (*), весьма зашумленные погрѣшностями переписчиковъ и поному неудобноизвѣстныя, не дають намъ понятія о судебныхъ поединкахъ, о которыхъ упоминають почтеннѣйшіе полкователи въ своихъ примѣчаніяхъ. Въ первой изъ оныхъ

(*) Изд. Моск. 1799 года стр. 11 и 16.

спашей я вижу опредѣленіе законодателя, съ кого и сколько взыскивашъ пени какъ за убишаго мужа или людина, когда не найдены виновные, такъ и за убишаго во свадь или въ пиру явно, по есъ при спороннихъ людяхъ, которые могли бы воспрепятствовать смерпоубійству; а во второй, по моему мнѣнію, опредѣляется наказаніе извѣстному и обличенному разбойнику, посягнувшему на жизнь человека безо всякія свадьбы, по есъ не въ ссорѣ, а нечаяннымъ нападеніемъ по злобѣ или изъ корыстлюбія. Въ первомъ случаѣ вся волосъ плащѣ установленную пеню; а въ послѣднемъ волосныя обыватели не плащѣ пени, но выдають убійцу, жену и дѣтей его для опправленія въ ссылку, а домъ его на расхищеніе. Принимая въ такомъ смыслѣ упомянутыя сшашья Русской Правды, я ненахожу въ нихъ ничего касающагося до судебныхъ поединковъ. Не излишнимъ почишаю замѣтить, что у разныхъ северныхъ народовъ, поселившихся въ Римскихъ провинціяхъ, судебныя поединки наиболее были въ обыкновеніи тогда, когда уже испытанія желѣзомъ и водою служили для окончанія споровъ только между людьми низкаго состоянія (*). Въ Рус-

(*) A view of the progress of society in Europe et cet. by Robertson. Sect: I. — Del' esprit des lois Lib. XXVIII.

ской Правдѣ весьма ясно упоминается объ испытаніи желѣзомъ, водою и присягою. Въ прочемъ могло статься, что сшашьи о поединкахъ ушрашились.

Обыкновеніе рѣшашь ссоры и тяжбы судебными поединками господствовало во всѣхъ странахъ Европы. По свидѣтельствву Саксона грамматика, Фрошонъ, шрепій Король Датскій, узаконилъ, чшобы распри онанчиваемы были оружіемъ, а не ругательствами. Вообще на сѣверѣ невышедшій по вызову на поединокъ почитался безчестнымъ человекомъ, и терялъ право быть свидѣтелемъ въ судищахъ (*). Когда обѣ стороны согласись о поединкѣ и получили дозволеніе сразиться; тогда судьи назначали поле битвы и проводили черпу, за которую пересступать запрещалось. Выступившій за черпу; дабы избѣжашь удара, въ Даніи терялъ искъ свой и право, а въ Исландіи плачилъ три марки чистаго серебра. Сопрошившій пораженный до крови почитался виноватымъ; иногда непременно надлежало окончить дѣло смертію того или другаго. Въ прочемъ весьма прилжно наблюдали, чшобы выгоды были съ обѣихъ споронъ одинаковы, и чшобы сила и искусство одного соперника неимѣли

(*) Introd. a l'Hist. de Danemarc par Mallet L. III.

очевиднаго преимуществва передъ слабостію и неумѣньемъ другаго. Въ принадлежномъ законѣ Короля Фропона именно запрещается бойцу съ небойцомъ сражаться равнымъ оружіемъ; одинъ долженъ былъ выходить только съ дубиною, а другой въ полномъ вооруженіи. Для показанія сходства выписываю соотвѣствующіи статьи изъ Судебника: „А къ полю прибдушъ Окольникъ чій и Дьякъ, и имъ спросиши испцовъ и отвѣщчиковъ, кто за ними спрячѣе и поруки, (*), и кого за собою скажутъ, и велѣши имъ у поля спояти, а досѣховъ, дубинъ и ослоновъ спрячимъ и поручникомъ у себя недержати, а бой польщикамъ дати Окольнику и Дьяку равенъ; а которые будутъ опричные люди, и тѣхъ отъ поля отоусли; а которые отъ поля не пойдутъ, и ихъ имая отсылаши въ шюрму (**). — „Вилъся на полъ бойцу съ бойцемъ, а небойцу съ небойцемъ; а похочешъ небоецъ съ бойцемъ на полъ бишися, и имъ бишися по небойцовъ волъ; да и во всякихъ дѣлахъ бойцу съ бойцемъ, а небойцу съ небойцемъ бишися“ (***)).

(*) Подъ стряпчимъ Гапищевъ разумѣетъ секундничесъ или охранителей. Поружалъ; думаю, обезпечивалосъ удовлетвореніе того, кто оставался правымъ.

(**) Стан. 13.

(***) Стан. 14.

Въ Англіи судебные поединки введены Англо-Саксонами, и оспашки бывшія ихъ замѣшны даже въ семнадцатомъ вѣкѣ. Въ 1571 году назначенъ былъ подѣ наблюденіемъ судей поединокъ, кошорой, по волю Королевы Елисаветы, хотя окончился и безъ кровопролитія, однакожъ начатъ былъ со всеми обрядами, предшествоющими бою. Въ 1631 году опять доходило до судебного поединка; но Карлъ I примирилъ соперниковъ.

Въ Саксоніи содержащагося за кражу ж несознающагося преступника заставляли съ кѣмъ-нибудь биться, и по одержаніи надъ нимъ побѣды шопчасъ приказывали его повѣсиль.

Французской Король Генрихъ II (1547) дозволилъ двумъ соперникамъ рѣшить споръ свой поединочнымъ боемъ на смерть, и примѣръ сей почитается послѣднимъ во Франціи.

Въ Испаніи судебный поединокъ происходилъ въ 1522 году въ присутствіи самаго Императора Карла V, и съ наблюденіемъ всѣхъ обрядовъ, предписанныхъ старинными законами рыцарства.

Судебные поединки, бывшіе, можно сказать, въ общемъ употребленіи во всей Европѣ, проникли даже въ Палестину, по

завоеваніи оной крестоносцами, у которыхъ въроятно и Греки переняли обычай силою или искусствомъ доказывать свое право. Императоръ Михаилъ Палеологъ отмѣнилъ испытанія и судебные поединки.

Липовскимъ Спашупомъ поединки и вызовы на оныя запрещены; однако же Король, сказано тамъ (Разд. 11. арп. 14), можешъ по важнымъ причинамъ позволить поединокъ. По сему же закону и Гетманъ имѣлъ право позволять оный военнымъ людямъ.

Предположенная мною краткость не позволяешъ мнѣ помѣстить здѣсь описанія многихъ обрядовъ, которые у разныхъ народовъ предначертаны были для наблюденія при судебныхъ поединкахъ. По той же самой причинѣ оставляю подробное исчисленіе многихъ случаевъ, къ сему предмету относящихся. Упомяну только, что дополнителными къ Судебнику указами Царя Іоанна Васильевича поединки отмѣнены въ Россіи.

Начала поединковъ опыскивать должно въ самыхъ движеніяхъ человеческого сердца, еще неудерживаемыхъ власшію законовъ. Въ обществѣ людей грубыхъ, незнакомыхъ съ многоразличными нуждами, и слѣдствен-

но съ удобностями просвѣщенной жизни, неимѣющихъ понятія о гражданской безопасности, отвергающихъ всякое принужденіе, несомѣстное съ дикою ихъ свободою, каждой хочеть самъ бышь судіею въ своемъ дѣлѣ и собственною рукою наказать своего оскорбителя, и каждой самъ же принужденъ опрашивать нападеніе, небудучи защищаемъ законами. Въ такомъ состояніи общезиншіе находилось у древнихъ Германцовъ. По свидѣтельству Тацита и Веллея Пашеркула (*), распри оканчиваемыя у Римлянъ судомъ, у Германцовъ рѣшаемы были силою оружія. То же самое наблюдаемо было у Готтовъ и Шведовъ, какъ видно изъ описанія древнихъ законовъ ихъ и обычаевъ; а Готы и Шведы, не чужіе нашимъ Варягамъ, были одной породы съ Германцами. Не можемъ рѣшишельно приписывать Славянамъ того же обычая; но знаемъ по крайней мѣрѣ, что и они жили отдѣленными обществами подъ управленіемъ старѣйшинъ, не имѣли писанныхъ законовъ, и были народъ воинственный.

По завоеваніи сѣверными народами Римскихъ провинцій появились письменные законы Салическіе, Рипуарные, Бургундскіе

(*) Tacit. De mor. Germ. c. 21. Vell. Paters. I. II. c. 118. -

и другіе. Государи увидѣли надобность въ обузданіи дикаго самоуправства и частной войны между семействами. Духовныя власти всячески старались прекращать пагубные раздоры и междоусобія, хотя и не всегда съ желаемымъ успѣхомъ; ибо сильныя, ни на что не взирая, не переставали присвоивать себѣ права мщенія. Определено взыскивать съ обидчиковъ денежные пени; назначены цѣны за ударъ рукою, палкою, дубиною, за выбитой зубъ, за вырванной клокъ волосовъ или бороды и даже за смертоубійство. Весьма часто встрѣчались затрудненія въ опирьшій истинны; надлежало доказывать ее свидѣтелями, воихъ число опредѣляемо было, смотря по важности иска или доноса. Обвиняемый въ зажигательствѣ или убійствѣ для оправданія себя долженъ былъ представить семьдесятъ двухъ свидѣтелей. Наконецъ присяга, и по большей части ложная, сдѣлавшись обыкновенною, поперяла всякое довѣріе: тогда выдуманы другіе способы находить истину, т. е. судебныя испытанія, между вошорыми наиболее извѣсны испытанія желѣзомъ и водою, и они назывались *судомъ Божиимъ*. По поединки, служившіе также къ опирьшій истинны, одержали верхъ. Воинственные народы предпочли ихъ всѣмъ прочимъ испытаніямъ. Во всѣхъ странахъ Европы судилища обогрлись кро-

вѣю иногда людей невинныхъ и почтенныхъ. Престарѣлой, слабой, больной часто принуждены были опсшупишься опѣ праваго своего иска, для того чшобы не подвергнуться опасности сомнительнаго боя, или же надѣяться на успѣхъ бойца наемнаго.

Письменные законы древней Руси, въ оспашкахъ Русской Правды сохранившіеся, и вообще многіе обычаи Новгородцовъ и Кіевлянъ чрезвычайно сходны съ Германскими. Ярославъ окруженъ былъ Варяжскою дружиною; Новгородскіе Славяне, за долго еще до знакомства съ Византійцами, ссорились, мирились и дружились съ Варягами, и Греческій Номоканонъ, принятый вмѣстѣ съ вѣрою христіанскою, не испребилъ всѣхъ прежнихъ обычаевъ. К.

О новомъ изданіи Езоловыяъ басень.

Извѣстно, съ какимъ удовольствіемъ человѣческой умъ разсматриваетъ полезныя истины морали; когда онѣ представляются ему подѣ прозрачнымъ покровомъ басни или остроумной аллегоріи; извѣстно также, что тѣ же истины, предложенныя просто языкомъ строгаго нравоучителя, которой прямо говоришь разуму, неспараясь

ни пронуть сердца, ни прельстить воображенія, гораздо уже менѣе бывающѣ намѣ прищны. Тому причиною можетѣ быть, что мы съ нѣкоторымѣ усиліемѣ хотимѣ постигнути шайну, копорой намѣ не объявляющѣ, и чрезѣ то бываемѣ внимательнѣе; или что самолюбію нашему лестно угадывать истину, ошѣ насѣ сокрываемую; или наконецѣ, что сей пакѣ сказать отъ ражающійся лучъ свѣта, направляясь какѣ будто случайно на недоспашки наши, на спранности и пороки, не столь сильно досаждаемѣ намѣ, какѣ яркое сїяніе луча, копорой, ударяя прямо, вдругѣ показываетѣ все, что ни естѣ опвратительнаго въ порокахѣ чловѣческихѣ. Какѣ бы то ни было, но никто несомнѣвается, что басни нравятся намѣ, что онѣ часто восхищаютѣ насѣ болѣе нежели сама истина, и что посредствомѣ ихѣ истина вѣрнѣе и глубже напечатлѣвается въ нашемѣ разумѣ.

У всѣхѣ древнихѣ народовѣ были извѣстны вымыслы сего рода, называемые у насѣ вообще баснею, въ копорой живописнымѣ, даже вещамѣ неодушевленнымѣ даюся иногда языкѣ, спрасни и дѣйствїя, свойственныя однимѣ только людямѣ. Во времена младенческаго народовѣ, проводившихѣ жизнь паспущескую, или уже и въ земледѣліи упражнявшихся, были частые

случаи наблюдать привычки животныхъ , хитрости ихъ и употребляемые ими разные средства какъ для насыщенія себя , такъ и для своей безопасности. Невозможно было незамѣтить , что всѣ поступки ихъ управляются какимъ - то намереніемъ и клонятся къ извѣстной цѣли ; оставалось предположить въ нихъ разумъ почти подобный нашему , и заставить ихъ разговаривать между собою.

У Грековъ Езопъ былъ не первымъ изобрѣшателемъ сего рода вымысловъ ; но весьма частымъ и удачнымъ употребленіемъ онъ , такъ сказать , присвоилъ ихъ себѣ , и съ тѣхъ поръ называться стали Езоповыми всѣ басни , сочиненныя не только современниками его , но даже людьми прежде и послѣ его жившими. Аѳиняне отличо уважали паданствъ Езоповъ ; искусство его сдѣлать нравоученіе общенароднымъ и для малыхъ дѣтей понятнымъ они вѣрили ему въ столь великую заслугу , что неусомнились въ честь его воздвигнуть изваянную славнымъ Лизиппомъ статую , и назначить ей мѣсто подлѣ семи мудрецовъ Греческихъ. Такимъ образомъ они , по словамъ Федре , соорудили вѣчный памятникъ рабу , дабы показать , что каждому человеку возможно спремиться ко славѣ , и что слава

принадлежитъ не породѣ, а единственно
 породѣтели (*).

Сїи - по басни, бывшія извѣстными
 въ Греціи подѣ названіемъ Езоповыхъ, въ
 прошломъ году вновь изданы въ Парижѣ
 издженіемъ брагьева Зосимъ для обуча-
 ющихся Греческому языку (**). Г. Корай,
 ученый Грекъ, занимаясь изданіемъ *Плу-
 тарховыхъ жизнеописаній*, коихъ прешій
 Томъ скоро выдетъ, переложеніемъ Спра-
 бона и другими полезными трудами, въ то
 же самое время печаталъ подѣ своимъ на-
 блюденіемъ *Езоповы басни*. Онъ соста-
 вляющъ седьмой Томъ *Греческой Вивліоти-
 ки*, копорую г. Корай издаетъ изджені-
 емъ почтенныхъ Зосимъ.

Сїя книга начинается предисловіемъ
 на нынѣшнемъ Греческомъ языкѣ о Езопѣ
 и о басняхъ ему приписываемыхъ; потомъ
 слѣдуютъ самыя басни съ превосходными
 замѣчаніями, подробнымъ словаремъ и съ
 прибавленіемъ тридцати шести басень, со-

(*) Aesop^o ingentem statuam posuêre Attici,
 Servum què collocarunt aeterna in basi,
 Paterè honoris scirent ut cuncti viam,
 Nec generi tribui, sed virtuti gloriam.

(*Phedr. Epil. l. 2.*)

(**) ΜΤΘΩΝ ΑΙΣΩΠΕΙΩΝ συναγωγή. Въ одномъ То-
 мѣ, состоящемъ почти изъ 600 стр. въ 8 у.

чиненныхъ на нынѣшнемъ Греческомъ языкѣ. Два бюста, Езоповъ и Архилоховъ, срисованы изъ *Греческой иконологіи* славянаго Висконци.

Г. Корай въ письмѣ своемъ къ Александру Василіеву, которое служило введеніемъ къ изданной имъ Иліодоровой повѣсти (*), начерпалъ полную исторію сего рода словесности у Грековъ. Точно также поступилъ онъ и въ семъ случаѣ, и его предисловіе къ Езоповымъ баснямъ есть по всей справедливости сочиненіе превосходное. Желая угодишь своимъ читателямъ, выписываемъ изъ него нѣкоторыя историческія извѣстія о Езопѣ и о помѣрѣ родѣ сочиненій, коего онъ почитается изобрѣшателемъ. У Римлянъ, по свидѣтельству Квинтиліана, басни Езоповы непосредственно слѣдовали за сказками кормилицъ (**); и у насъ въ планѣ обученія дѣвшеи басни занимаютъ мѣсто не послѣднее

(*) *Ееіопики* на Греч. яз. въ 2. Ч. въ 8 у. Парижъ, 1804.

(**) *Instit. Orat, l. I. c. g. Aesopi fabellas, quae fabulis nutricularum proxime succedunt, narrare ferme puro . . . (pueri) . . . condiscant, et cet.* Желательно, чтобы воспитатели юношества читали сіе мѣсто со вниманіемъ; здѣсь Квинтиліанъ преподаешь имъ весьма полезныя совѣты.

сабдственнo спашья сѣя должна быть для многихъ прѣяшноу по своему содержанію. Въ прочемъ жаль, что наши спихопворцы, уклоняясь отъ простоты древнихъ, иногда спараются превзойти самаго Лафонтена въ запѣйливой игривости.

Французъ Мезиріакъ очиспилъ Езопову жизнь отъ множества нелѣпныхъ и смѣшныхъ вымысловъ, которыми искажилъ ее Планудъ, Греческій монахъ четырнадцатаго вѣка. Объ опечесивъ Езopa ничего досповѣрнаго сказать не можно; вообще однакожъ думаютъ, что онъ родился во Фригїи. Онъ былъ рабъ. Время рожденія его опносятся къ 52 Олимпїадѣ, которая опвѣчаетъ пятьсотъ - семидесятому году до начала нашего лѣтосчисленія. Солонъ и другіе славные тогда вѣка мудрецы Греческіе были его современники. Кажется, что Езопъ находился при дворѣ Лидійскаго Царя Креза въ то время, когда законодашель Аѣнскій посѣпилъ сего Монарха, и что Езопъ тогда уже славился дарованіемъ своимъ сочинять оспроумныя прѣщчи. Бывъ опправленъ въ Дельфы отъ Креза, онъ оскорбилъ жителей сего города, а особливо жрецовъ Аполлонова храма; онъ укорялъ ихъ тѣмъ, что они, совсѣмъ не заботясь о воздѣльванїи полей, наживаются посредствомъ вредныхъ обмановъ; болѣе же всего возбудилъ гнѣвъ ихъ прѣщиву себя

шѣмъ, что принесши обыкновенную жертву Аполлону, назначенные ошѣ Креза Дельфійскимъ жителямъ богатые подарки отправилъ обратно въ Лидію. Извѣстно, какимъ подлымъ умысломъ опмстили они Езопу за свою обиду: въ самое время опѣзда его, они велѣли тайно положить священные сосуды храма въ дорожній скарбъ его, попомъ изобличили его въ святошашствѣ, и осудили на смершную казнь невиннаго. Езопъ низвергнушѣ съ вершины утеса. Что жѣ были сїи обвинители? Люди, говоритъ Плутархъ (*), которые не устыдились опѣ прелестницы Родописы принять десятиую часть ея доходовъ; люди, кои не устыдились внести въ храмъ свой золотое изваяніе Фрины, другой прелестницы же не менее извѣстной! Ужасный моръ опустошилъ Дельфійскую область скоро послѣ смерти Езопа, и сїе несчастіе почтено было казнію за прешупленіе жителей.

Езопа вообще привыкли себѣ воображать очень безобразнымъ. Планудъ и всѣ послѣ него и по его словамъ писавшіе представляютъ намъ Езопа горбатымъ, чрезвычайно безобразнымъ и косноязычнымъ. Однакожѣ ученый Бенплей, весьма ища-

(*) Смѣтри его сочиненіе: *Отъ чего Пивія перестала отвѣчать стихами?* §. 14.

тщательно изслѣдовавши и сравнивши все то, что написали древніе объ Эзопѣ, кажется, доспашочно опровергаешь сіе мнѣніе.

Г. Корай полагаетъ, что Эзопъ ничего не писалъ, и что басни его изъ вѣка въ вѣкъ переходили посредствомъ уснаго преданія. Въ прочемъ ежели и принять, прибавляетъ онъ, что Эзопъ писалъ свои басни; то не лзя по крайней мѣрѣ сомнѣваться, что дошедшія до насъ подъ его именемъ очень несходны съ шѣми, которыя сочинены были баснописцемъ. Въ самомъ дѣлѣ каждой вѣкѣ и каждой писатель отличаяся особливымъ слогомъ: языкъ Эзопа; современника Алцея, Саффы, Солона, Мимнерма, Спезихора, Теогниса и другихъ, необходимо долженъ бытъ сходенъ бытъ съ языкомъ сихъ славныхъ писателей, и слѣдственно весьма далекъ отъ варварской надушости и отъ пуснословія, какія видимъ въ басняхъ, приписываемыхъ Эзопу.

Древнѣйшая и первая изъ числа всѣхъ извѣстныхъ притчей находящаяся въ книгѣ Судей (*) Вешаго Заввапа, сочинителемъ коея почитаютъ Самуила Пророка. Историкъ Иосифъ помѣстилъ ее и въ своемъ сочиненіи. Впоруя басня до насъ до-

(*) Гл. 9. ст. 8. и слѣдующіе.

шедшая первая изъ написанныхъ на Греческомъ языкѣ, *Коршунъ и Соловей*, принадлежинѣ поэту Гезіоду (*), процвѣтшавшему лѣтъ за триста прежде Езопѣ. Спусти попомъ два столѣтія, Архилохъ Паросскій, равномерно прославившійся и остроуміемъ своимъ и ядовитостію, въ язвительныя сатиры свои включалъ и прищичи, на примѣръ *о Лисицѣ и Орлѣ*, *о Лисицѣ и Обезьянѣ* и проч. Но можешъ быть сіи сатиры сами состояли изъ многихъ прищичей, связанныхъ между собою и составлявшихъ одну поему, подобно извѣстному Аббапа Каспи сочиненію подъ названіемъ *Gli animali parlanti* (Говорящія животныя); въ прочемъ ничего досповѣрнаго сказать не можно о двухъ весьма короткихъ опривнахъ, оставшихся намъ отъ стихотвореній Архилоха. Спезихоръ, современникъ Езоповъ, почитается шворцемъ басни *Конь и Олень*, сочиненной имъ для жипелей Гимеры, которыми онъ хотѣлъ показать опасность положенія ихъ, когда опдадутъ себя во власть Фалариса. Чпожъ касается до Алдея, жившаго въ одно время со Спезихоромъ, то онъ, такъ сказать, почти мифическимъ предлагаешъ басню, называемую *Змѣя и Ракъ*.

(*) Смощри его поему: *Работы и дни*. стр. 201 — 211.

До сихъ поръ, продолжаетъ Корай, мы находимъ всё басни написанныя только стихами (можетъ быть кромѣ Спезихоровыхъ), и пому иначе не могло спастись; ибо проза гораздо послѣ стиховъ вошла въ употребленіе. И такъ вѣроятно, что и Эзопъ писалъ басни свои стихами, ежели только онъ писалъ ихъ. Первая басня, сочиненная прозою, называется *Свирвъльщикъ*, и находится у Геродота, которой жилъ спустя сто двадцать шесть лѣтъ послѣ Эзопа. Скоро послѣ него комическій поетъ Аристофанъ, Сократъ, ученики его Платонъ и Ксенофонъ, и наконецъ Аристопель, ученикъ Платоновъ, или предлагающъ басни, рѣшишельно ими приписываемыя Эзопу, или только упоминающъ о басняхъ же, тогда извѣстныхъ и вообще опносимыхъ къ имени сего славнаго баснотворца. Еще нѣкоторые изъ древнихъ, жившіе прежде нашего лѣтосчисленія, Діонисій Галикарнасскій, Діодоръ Сицилійскій, Николай Дамасскій, такъже упоминающъ о Эзопѣ и объ его басняхъ. Всѣмъ извѣстна басня о *Членахъ тѣла и Желудкѣ*; всѣмъ извѣстно и то, что Агриппа Мененій предложилъ ее по случаю несогласія между народомъ и сенатомъ, какъ свидѣтельствующъ Титъ - Ливій и Діонисій Галикарнасскій.

Димитрій Фалерскій, ученикъ Теофраста, первый началъ собирать басни, извѣстныя подъ именемъ Эзоповыхъ; пошамъ Теопомпъ, другъ Юлія Цезаря, составилъ такое же собраніе; но труды ихъ поглощены временемъ. Оныя вѣроятно были написаны прозою; ибо извѣстно, что Сократъ перелагалъ въ стихи Эзоповы басни, а особливо находясь въ пещницѣ въ послѣдніе дни своей жизни.

Одинъ писатель, по имени Бабрій, также переложилъ въ стихи басни Эзоповы и раздѣлилъ ихъ на десять книгъ, по свидѣтельству Свида. Но никто заподлинно не знаетъ, въ какое время жилъ Бабрій. Тиргвайтъ (Turgwhitt), ученый Англичанинъ, сообразивши нѣсколько собранныхъ имъ извѣстій, заключаетъ, что Бабрій жилъ немного прежде Федра. Но судя по многимъ опривкамъ, которые сохранилъ намъ Свидя, г. Корай почитаетъ Бабрія современникомъ Біона и Моска. Онъ жалуетъ объ упрямѣ басень его нѣмъ болѣе, что изъ числа всѣхъ древнихъ одного только развѣ Бабрія можно спавить на ряду съ Лафоншенемъ, котораго *Филомела и Прогна* есть очень близкой переводъ съ Греческаго: у обоихъ одинакая замашка, одинакая легкость.

Діаконъ Игнашій Магистеръ вѣдѣвалъ переложить Бабрїевы басни въ чешырестшищїя, и вѣроятно сею прихотью своею погубилъ сочиненїя древняго баснописца. Въ девятомъ столѣтїи, когда жилъ Игнашій, здравая словесность и вкусъ давно уже исчезли у Грековъ; ученые люди занимались тогда выписками и сокращенїями, и сей шрудъ ихъ былъ причиною невозвратной утраты многихъ древнихъ сочиненїй. Бабрїевы басни оставлены въ забвенїи, а плохїя чешырестшищїя соображенїя были прилѣжно списываемы, и такимъ образомъ дошли до насъ подъ испорченнымъ именемъ сочинителя, коимъ въ однихъ рукописяхъ называется Бабрїемъ, а въ другихъ Габрїемъ и Гобрїемъ.

Начиная отъ девятого вѣка до чешырнадцатаго, отъ діакона Игнашїа до монаха Плануда, разные люди одни послѣ другихъ списывали и портили Езоповы басни, а иногда выдавали ихъ даже и за свои собственныя сочиненїя.

„Мы показали“ говоритъ въ заключенїи своемъ ученый издатель, что „первымъ источникомъ Езоповыхъ басень было преданїе, по естѣ что слышавшіе ихъ изъ устъ самаго сочинителя передавали также, изустно своимъ потомкамъ; мы сказали,

„что Димитрій Фалерскій, Теопомпъ и
 „Никоспратъ попомъ собирали ихъ въ одно
 „мѣсто, и что Бабрій переложилъ ихъ въ
 „списки холѣамбическіе. Намъ неизвѣстно,
 „какъ долго сохраняемы были сіи первыя
 „при собраніи. Касательно же Бабрїа, до-
 „гадываться можно по шипулу Игнашѣва
 „собраніа и по опривкамъ, находящимся у
 „Свиды и Цецеса, что списки швореній
 „сего искуснаго писателя не всѣ еще пропа-
 „ли въ девятомъ вѣкѣ и даже въ двенадца-
 „томъ. И такъ очевидно, что басни, из-
 „вѣстныя нынѣ подъ именами Афшонѣвыхъ,
 „Ливанѣвыхъ и проч., почерпнуты были
 „изъ того же источника, и нѣтъ сомнѣнїа,
 „что басни неизвѣстныхъ сочинителей
 „взяты опшуда же. Правду сказать, вар-
 „варскїя слова, грамматическія ошибки,
 „нелѣпая смѣсь духовныхъ предметовъ съ
 „мїрскими, и странныя мысли, находящїяся
 „въ нравѣучительныхъ къ симъ безвѣимѣ-
 „нымъ баснямъ прибавленїяхъ, достапоч-
 „но показывающъ, что онѣ сочинены раз-
 „ными людьми, жившими въ девятомъ и въ
 „слѣдующихъ вѣкахъ даже до четырнадца-
 „таго, и что сочинители оныхъ большею
 „частїю были монахи.“

Такимъ образомъ къ баснѣ *Соловей и
 Ласточка* (которую написалъ въ прозѣ
 одинъ изъ сихъ уединенныхъ опшельниковъ,

уничтоживши всѣ украшенія, найденныя имѣ у Бабрїя) прибавлено сочинителемъ слѣдующее разсужденіе : „Ласпочку можно уподобить людямъ живущимъ въ мїрѣ; а Соловей предсавляетъ собою иноковъ, любящихъ единеніе и посвятившихся Богу.“ Въ другомъ мѣстѣ попѣ же собирашеть, или можетъ быть другой кто-либо, къ баснѣ о *Двухъ лѣлухахъ* весьма не къ спати прикладываетъ нравоученіе, взятое изъ Прищей Соломоновыхъ. Побѣдоносный пѣпухъ, поднявшись на высоту воздушную, воспѣваетъ шамъ свою побѣду, и вдругъ попадаетъ въ орлиныя когти, между шѣмъ какъ побѣжденный, укрывшійся отъ спыда въ шемной уголокъ, опяшь приходитъ къ нѣжнымъ своимъ подругамъ. „Вошъ какъ, прибавляетъ сочинитель нравоучительнаго смысла, Господь караетъ гордыхъ, и даетъ благодашь свою смиреннымъ.“ Такъ-шо умные люди умѣли въ спарину ко всему прикладывать что-нибудь изъ Священнаго писанія !

Въ прочемъ сіи оспалки искусства древнихъ, оспалки обезображенныя невѣжествомъ вѣковъ среднихъ, все еще должны быть для насъ драгоценны; ибо новѣйшіе спихошворцы, угадывая надлежащій смыслъ во многихъ басняхъ, весьма удачно воспользовались ими. И шавъ хвала и честь г-ну

Кораю за его изданіе, которое молнѣ всѣхъ
 прежнихъ, и въ которомъ помѣщены мно-
 гія басни, до сихъ поръ неизвѣстныя. Осо-
 бенно же прудъ его опличается исправно-
 стію шекста, которой очищенъ имъ отъ
 неслѣдныхъ ошибокъ, размноженныхъ безпол-
 ковыми переписчиками (*). Прибавимъ еще,
 что ученый нашъ издашель присоединилъ
 къ баснямъ нѣкоторыя знаменитыя въ дре-
 вности аллегоріи, на примѣрѣ: Геркулесъ
 между Порокомъ и Добродѣтелью; сія ино-
 сказашельная повѣсть приписывается Про-
 диву Цеосскому, и находится у Ксе-
 нофонша; далѣе, Богатство и Бѣдность,
 аллегорія взятая изъ пиршества Платона-
 ва, и другія. Въ жизни Аполлонія Тиан-
 скаго, написанной Филосратомъ, есть
 одинъ очень остроумной вымыселъ, кото-
 рому прилично было бы занять мѣсто въ
 семъ собраніи. Аполлоній, выхваляя знаме-
 нитаго баснописца, между прочимъ раска-
 зываетъ друзьямъ своимъ повѣсть объ Езо-
 пѣ, слышанную имъ еще въ младенчествѣ
 отъ своей матери. Выписываемъ ее для на-
 шихъ читателей.

(*) Въ прошломъ году вышло и въ Лейпцигѣ
 весьма одобряемое Полное собраніе Езопо-
 выхъ басенъ съ примѣчаніями и ученымъ
 разсужденіями. У кого есть два сіи Изданія,
 то есть Кораево и Лейпцигское; тотъ мо-
 жетъ похвалиться, что имѣетъ все луч-
 шее въ семъ родѣ.

„Езопъ въ молодости своей былъ па-
 спухомъ; онъ пасъ стадо свое въ окрест-
 ности Меркуріева храма; чрезвычайно лю-
 бя мудрость, просилъ онъ Бога о низпо-
 сланіи ему сего дара. Не онъ одинъ мо-
 лилъ о сей благодати; многіе для той же
 причины представляли въ храмъ богатыя
 приношенія: одни серебро и золото, другіе
 кадучей изъ слоновой кости, ирещи по-
 дарки спольже дорогіе. Езопъ былъ бѣ-
 денъ, и не могъ принести ничего драгоцѣн-
 наго; бѣдность заставляла его сберегать
 малое свое имущество, и онъ принесъ въ
 жертвеннику нѣсколько меду и молока, ко-
 которымъ надѣлала его одна овца изъ всего
 стада. Проси меня, о Меркурій! сказалъ
 Езопъ: но долженъ ли я плести тебѣ въ-
 ки, тогда какъ надобно заботиться о
 стадѣ? Наконецъ насталъ день, въ кото-
 рой Богъ пожелалъ раздавать дары мудро-
 сти. Меркурій, богъ краснорѣчія, есть
 также богъ и прибаюковъ, слѣдственно
 подарками онъ не гнушается. Даю тебѣ
 философію, сказалъ онъ посвятившему бо-
 гатыя приношенія; а ты, продолжалъ
 Меркурій обращаясь къ тому, кто принесъ
 дары приятныя, ты будь орашоромъ; ты
 аспрономомъ, сказалъ онъ ирещему; тебя
 награждаю усилками въ музыкѣ; ты вос-
 хищай эпическимъ стихотворствомъ; те-
 бѣ даю въ удѣлъ поэзію ямбическую. Для

бѣднаго Езопа ничего не оспалось. По сча-
стію богъ вспомнилъ, что Горы, восни-
шавшія его на вершинѣ Олимпа, разсказы-
вали ему иногда басню о щелицѣ, и что
сія басня подала ему мысль увести бы-
ковъ Аполлоновыхъ; и такъ Меркурій надѣ-
лилъ Езопа даромъ разсказывать басни. Прї-
ими, изрекъ онъ, послѣдній участокъ въ
обители мудрости, и первое данное мнѣ
наставленіе. Вошъ начало, прибавляетъ
Аполлоній, шѣхъ разнообразныхъ видовъ,
подъ которыми явился умъ Езоповъ, и шо-
го искусства сочиняшь басни, которое со-
дѣлало его навсегда знаменитымъ.“

Н. О. П.

IV. С М Ъ С Ъ

Диковинное видѣніе.

Чудныя дѣла разсказываютъ и печата-
ютъ въ просвѣщенной Европѣ! Читая жало-
сти достойные вымыслы, съ важностію выда-
ваемые за настоящую правду, вы переноси-
тесь мысленно въ полпу суевѣрныхъ невѣждъ,
которые пугаются колдуновъ и привидѣній,

и забываєте, що сіи нещастя сообщаются вамъ отъ людей ученыхъ. Что иное сказать можно объ одномъ весьма странномъ и совершенно несбыточномъ анекдотѣ, которой въ нынѣшнемъ же году на подхватѣ списывали Нѣмецкіе и Французскіе журналисты? Мы долго не могли рѣшиться напечатать его въ Вѣстникѣ, хотя онъ и многимъ уже извѣстенъ; но странность и невѣроятность онаго заставляють насъ сообщить его своимъ читателямъ. Рѣчь идетъ о призракѣ, видѣнномъ будто бы въ Швеціи Королемъ Карломъ. Списание объ ономъ, сдѣланное самимъ Королемъ, сохранилось, какъ говорятъ, въ нѣкоторыхъ современныхъ запискахъ, а подлинникъ находился въ Государственномъ архивѣ. Просимъ о благосклонномъ вниманіи:

„Я Карлъ, сего имени одиннадцатый, нынѣшній Король Шведскій, ночью съ 16 на 17 число Декабря 1676 года почувствовалъ себя въ необыкновенномъ безпокойствѣ отъ своей меланхоліи. Проснувшись въ одиннадцать часовъ съ половиною, случайно взглянулъ я на окна, и былъ встревоженъ яркимъ сіяніемъ, выходившимъ, какъ мнѣ казалось, изъ сеймовой залы. Я сказалъ о томъ великому Балъи Біелке, которой пупъ же находился въ комнатѣ, и объявилъ ему свое опасеніе, не загорѣлось ли въ сей части дома. Балъи отвѣчалъ, что етому причиною лучи мѣсяца, отражающіеся отъ стеколъ. Я былъ доволенъ симъ отвѣтомъ, и оборотившись къ спѣнью хотѣлъ заснуть; но ощутивши въ себѣ сильное движеніе, опять взглянулъ на окна, опять увидѣлъ сіяніе и повторилъ опасеніе свое, не погорѣли шому причиною. Добрай и честной

Бальи снова увѣрялъ меня, что я вижу лучи мѣсяца. Въ то самое время пришелъ брашъ его, Тайный Совѣтникъ, освѣдомишься о моемъ здоровьи. Я вдругъ спросилъ его, не замѣшилъ ли онъ необычайнаго пламени въ сеймовой залѣ? Помолчавши нѣсколько, онъ отвѣчалъ, что пожара нигдѣ невидно, и утверждалъ равнымъ образомъ, что меня беспокоитъ свѣшъ лунный. Ободрившись, я пристально посмотрѣлъ на окна залы, и мнѣ вдругъ показалось, будто люди ходятъ за стеклами.

„Я вспалъ поспѣшно, отворилъ окно и, пораженный чрезвычайнымъ блескомъ, сказалъ: „Господа! здѣсь происходитъ что-нибудь не-„обыкновенное. Вы конечно знаете, что боя-„щійся Бога не долженъ имѣть никакого другаго „сшраха; и такъ я самъ хочу видѣть, что всему „ешому причиною;“ и пошчасъ велѣлъ призвать смонришеля съ ключами. Онъ явился, и я пошелъ тайнымъ переходомъ, находящимся надъ моими покоями по правую сторону отъ спальни Гусшава Вазы. Я приказалъ отпереть дверь; смонришель убѣдительно просилъ меня уво- лишь его отъ сего препорученія. Я обратился къ Бальи съ шѣмъ же приказаніемъ: но и онъ просилъ меня оставить ето дѣло. Я обратился къ Тайному Совѣтнику Оксіенспіерну, которой шупъ же находился; онъ отвѣчалъ мнѣ: „Государь! я присягнулъ жертвовать „имущесшвомъ своимъ и жизнью службъ Ва- „шего Величества, а не отворять ешу дверь.“ Тогда я немогъ не почувствовать въ себѣ сильнаго движенія; однакожъ ободрился, взялъ ключи и отперъ дверь. Стѣны и полъ комнаты были покрыты чернымъ; внезапный шрепетъ овладѣлъ нами. Несмотря на шо, я пошелъ къ сеймовой залѣ.

„Я велѣлъ смолришелю оппереть; онѣ по прежнему умолялъ меня сжалился надъ нимѣ; другіе также показывали страхѣ и несоглашались. И такѣ я самѣ принужденѣ былѣ оппереть дверь залы, и вступивши въ нее, вдругѣ подался назадѣ съ крайнею опсѣшностію. Я сказалѣ моимѣ товарищамѣ: „Хотите ли, господа, слѣдовать за мною? Мы увидимѣ, что здѣсь происходитѣ. Можетѣ быть Господѣ желаетѣ сдѣлать намѣ опкро-веніе.“ Всѣ отвѣчали мнѣ съ претепомѣ; „Хошимѣ, Ваше Величештво.“ И мы вошли.

„Прежде всего глазамѣ нашимѣ представился большой столѣ, за которымѣ сидѣло шестнадцать человекѣ, имѣющихѣ важную осанку. Передѣ ними лежали раскрытыя большія книги; почетное мѣсто занималѣ молодой человекѣ лѣтъ 16 или 18; на головѣ его была корона, а въ рукѣ скипетръ. На правой сторонѣ сидѣлъ рослой и красивой человекѣ лѣтъ сорока, на лицѣ коего изображалось прямодушіе; на лѣвой сторонѣ сидѣлъ спарикѣ семидесяти лѣтъ. Я примѣтилѣ, что молодой Король покачалѣ головою, и что всѣ присутствующіе въ то же время сильно ударили по книгамѣ. Глаза мои обратились тогда на множештво плахѣ, вокругѣ стола лежавшихѣ; палачи съ засученными рукавами опсѣкали головы одну за другою, и кровь лилась потоками. Богомѣ свидѣшельствуюсь, что я очень испугался. Я взглянулѣ однакожѣ на свои туфли, чшобы узнать, не обогрены ли онѣ кровью, и съ удовольствіемѣ увидѣлъ, что онѣ были чисты. Несчастныя жертвы были по большей части молодые дворяне. Оборошившись къ одному углу залы, я увидѣлъ

пронѣ, почти опровергнутый, и близъ него человека, который показался мнѣ правителемъ Королевства; ему было около сорока лѣтъ бшѣ роду.

„Трепеща онѣ ужаса, я опспунилъ къ дверямъ и воскликнулъ: „Да услышу гласъ „Божій! когда все сіе сбудетсѣ?“ Никто не отвѣчалъ мнѣ; юный Король кивнулъ головою, и всѣ совѣтники его ударили по книгамъ. Я опять воскликнулъ, „громче прежняго: „Открой мнѣ, о Боже! когда все сіе исполнися, и научи меня, что я тогда долженъ дѣлать.“ Юный Король далъ мнѣ слѣдующій отвѣтъ: „Видимое побою случится не въ „свое время, но при шестомъ Королѣ, какой послѣ тебя настанетъ; онѣ будетъ сходенъ со мною возрастомъ и видомъ; человекъ близъ меня находящійся сходенъ съ будущимъ опекуномъ его. Престолъ поколеблется нѣкоторыми молодыми дворянами въ послѣдніе годы опекуна; но мужъ сей возстановитъ его и утвердитъ на вѣки; тогда возсядетъ на немъ величайшій Король, какого не было и не будетъ въ Швеціи. Онѣ сдѣлаетъ счастливыми Шведовъ, и доживетъ до глубокой старости. Онѣ уничтожитъ всѣ долги государственные и оставитъ великія богатства; но прежде нежели сдѣлаетъ всѣ сіи чудеса, онѣ встрѣтитъ препящства, которыми преодѣльшь помогущъ ему явои совѣщны. . .“ При сихъ словахъ все исчезло, и мы оспались одни со свѣчками въ рукахъ.

„Идучи обратно черезъ комнату Густавъ Вазы, мы уже невидали черныхъ обоевъ, и нашли все въ обыкновенномъ порядкѣ. Пришедши въ свою комнату, я сѣлъ писать въ

видѣ писемъ, и какъ могъ, совѣты, которыхъ отъ меня пребовали. Все разсказанное мною есть сущая истина; кляпвенно подшверждаю оную, и свидѣтельствуюсь самимъ Богомъ.“
Подписано: *Карль XI, нынѣшній Король Шведскій.*

Прибавляюшъ, что упоминаемые выше совѣты храняшя за Королевскою печатью; что каждый Король читаешъ сіе таинственное писаніе и потомъ опять запечатываетъ. —
Credat Judeus Apella!

О воспитаніи женщинъ ().*

Вообще говоряшъ, что счастливыя супружества весьма рѣдки. Мужья жалуются на легкомысліе женъ, а сіи на холодность своихъ супруговъ, и по несчастію жалобы шѣхъ и другихъ справедливы. Сіе зло не есть зло мнимое, ибо оно всѣмъ извѣстно. Отъ чего же оно происходитъ, и чѣмъ испребишь его можно?

Одна женщина, по моему мнѣнію, весьма хорошо отвѣчала на оба вопроса въ маленькой своей книжкѣ *о воспитаніи дѣвицъ*, недавно вышедшей въ Парижѣ (**). Вотъ что пишешъ сочинительница:

(*) Помѣщается по отношенію къ спашьи, напечатанной въ предшедшей книжкѣ Вѣстника Евр. стр. 58. *Изд.*

(**) Книжка сія называется: *Reflexions sur l'education des jeunes demoiselles.* Она сочине-

„Никогда еще столько не заботились о воспитаніи женщинъ какъ нынѣ, и несмотря на то, никогда женщины неимѣли столь худыхъ познаній о должностяхъ своихъ, возлагаемыхъ на нихъ самою природою.

„Мода распоряжаетъ воспитаніемъ ихъ, точно какъ нарядами. Мода требуетъ, чтобы юныя ученицы не выпускали пера изъ рукъ своихъ отъ утра до вечера, подобно ученикамъ лицеевъ, хотя по роду будущихъ упражненій въ жизни имъ весьма не часто надобно будетъ приниматься за перья.

„Мода требуетъ, чтобы дѣвица непременно училась играть на фортепiano, рисовать, танцовать, пѣть, говорить по Италіянски и проч., хотя бы въ ней небыло ни охоты, ни способностей ко всѣмъ упомянутымъ искусствамъ.

„Я люблю рисованье; оно годится для шитья; оно занимаетъ умъ, не пиная гордости.

„Но желаю знать, къ чему пригодно обученье играть на фортепiano для тѣхъ особъ, которыя совсѣмъ нелюбятъ сего инструмента?

„Для чего родители весьма ревностно стараются надѣлать дочерей своихъ искусственными шаландами, которые при случаяхъ очень рѣдкихъ будутъ для нихъ полезны, и мало думаютъ о томъ, чтобы дѣши ихъ были въ обхожденіи со старшими послушны,

на какую-то училищницу, по имени Вокелень. *Изд.*

съ подругами кройки, и строги въ исполненіи должностей своихъ?

„Извѣстно, что родители, навѣщая дѣтей, обыкновенно спрашиваютъ: каковы успѣхи въ музыкѣ? что выучили на фортепіано? хорошо ли танцуютъ? и такъ далѣе.

„Сколь смущенія разсужденія невольно возникаютъ въ душѣ, когда видишь, что важными почитаются такія вещи, которыя никогда не должны быть предпочитаемы другимъ, гораздо болѣе нужнымъ! Взываю ко всѣмъ родителямъ, и молю ихъ помысливъ о пагубныхъ слѣдствіяхъ воспитанія, наполняющаго свѣтъ такими женщинами, которыхъ все достоинство состоятъ въ искусствахъ блистать въ собраніяхъ.“

Тутъ сочинительница, боясь чтобы не назвали ее ненавистницею шаланновъ, отдаетъ справедливую похвалу искусствамъ; однакожъ назначаетъ для нихъ приличное мѣсто въ планѣ воспитанія, и спавши ихъ послѣ ученія о законѣ и нравственности, и послѣ исполненія должностей домашнихъ.

„Дерзнули ли я, продолжаешь сочинительница, дерзнули ли сказать симъ великимъ художникамъ, удивляющимъ всѣхъ своими танцами, рисованьемъ, игрою на фортепіано: „Милыя мои! вы будете управлять домомъ; и такъ пусть каждая изъ васъ учится быть доброю хозяйкою. Зашвердите себя, что не такъ счастливы изъ женщинъ, которая лучше умѣетъ блистать въ обществахъ; но такъ, которой лучше извѣстны дѣла домашнія. Не стыди-

„Теперь входите во всё подробности касательно
облава, кухни, издержекъ, и проч.“

„Слышу вопли родителей: *вы хотите
изъ дочерей нашихъ сдѣлать служанокъ!*
Совсѣмъ нѣтъ, милостивые государи и госу-
дарыни: а я хочу показать имъ истинной спо-
собъ сдѣлаться счастливыми.

„Кромѣ существенной пользы, которую
способъ мой доставить можетъ по дѣламъ до-
машняго хозяйства, онъ послужитъ еще къ
водворенію тишины и счастья въ каждомъ се-
мействѣ.

„Скажите мнѣ, какъ можно хотѣть,
чтобы дѣвица, которая провела первые го-
ды свои посреди искусствъ, посреди худо-
жниковъ, посреди похвалъ и ласкательствъ,
не была горда и тщеславна? какъ хотѣть,
чтобы она повиновалась мужу, не столь какъ
сама она обрабошавшему свои способности,
потому что юношескіе годы свои провелъ онъ
въ арміи?

„Главное намѣреніе при воспитаніи дѣ-
вицъ должно состоятъ въ томъ, чтобы сдѣ-
лать ихъ супругами кроткими, перпблвыми,
покорными, попечительными и бережливими.

„Пока женщины не оставятъ привычки
блистать; пока будутъ гоняться за похвала-
ми всѣмъ своимъ поступкамъ; пока не при-
мирятся съ мыслию о покорности мужу; по-
ка будутъ почиать главнымъ достоинствомъ
своимъ успѣхи въ нѣкоторыхъ искусствахъ;
пока будутъ находить наилучшее удоволь-

ствіе въ щегольскихъ и богатыхъ нарядахъ; до тѣхъ поръ не начнетъ уменьшаться количество разоренныхъ домовъ и число враговъ женидбы.

„Весьма желала бы я, продолжаетъ сочинительница, обратиться съ совѣтами своими къ тѣмъ мужчинамъ, которые, гордясь палашами юныхъ супруговъ своихъ, и повинуюсь голосу пщеславія, возятъ ихъ въ такія общества, гдѣ быть имъ не очень прилично къ мужчинамъ, которые шуютъ надъ набожностію супруговъ своихъ, и сами же стараются разрушить въ нихъ правила нравственности, кои будучи основаніемъ должностей ихъ, могли бы сдѣлаться утѣхою жизни. Увы! черезъ нѣсколько лѣтъ супружества для нихъ единственно остаются прискорбія, плоды безразсудныхъ поступковъ.

„Мужъ и жена ненавидятъ другъ друга, или презираютъ: таковы плачевныя слѣдствія ложнаго воспитанія, которое по видимому нарочно изобрѣтено съ намѣреніемъ проотивнымъ и супружеству и счастью семейственному.“

Учительница, которая подаетъ столь полезныя совѣты родителямъ и супругамъ, по моему мнѣнію, имѣетъ всѣ качества потребныя для того чтобы сдѣлать молодыхъ дѣвицъ добрыми супругами и матерями семейства. Въ прочемъ совѣты сіи не новы; можно найти ихъ въ разныхъ хорошихъ сочиненіяхъ о воспитаніи: однакожь похвально и полезно напомнимъ о нихъ, а особливо въ такое время, когда родители и воспитатели почти совсѣмъ ихъ забыли.

А . . . а Д . . . а.

Анекдотъ о Валштейнѣ.

Г. Ридьеръ, членъ Училищной комиссіи въ Вѣнѣ, нашелъ въ одной рукописной хроникѣ любопытной анекдотъ, въ которомъ весьма хорошо изображается странной характеръ славнаго Валштейна.

Находясь 1625 года въ Гроссѣ - Мозеричѣ, въ Моравіи, и занимаясь военнымъ планомъ, Валштейнъ по обыкновенію своему цѣлыя ночи проводилъ въ астрологическихъ наблюденіяхъ. Однажды ввечеру сидѣлъ онъ подлѣ окна, углубившись въ размышленія, и вдругъ почувствовалъ сильный ударъ по плечу рукою. Неуспрашимый военачальникъ оборотыясь назадъ очень испугался, ибо зналъ, что съ нимъ никого не было и что комната была заперта. Онъ подумалъ, что ударъ невидимой руки предвѣщалъ близкую опасность. Ужасная скорбь овладѣла Валштейномъ, и никто изъ друзей не могъ узнать его шайны. Духовникъ его, Капуцинъ, рѣшился непременно добраться до нее, во что бы то ни стало; и въ самомъ дѣлѣ удалось ему вывѣдать ее у одного пажа, которой былъ всему причиною. Сей пажъ, вздумавъ подшутить надъ своимъ шоварищемъ, спрятался въ комнату, и не узнавши Валштейна, сильно ударилъ его по плечу рукою; но догадавшись объ ошибкѣ своей, вдругъ выскочилъ изъ окна, между тѣмъ какъ Генералиссимъ искалъ по комнатѣ виновника своего спраха. Духовникъ увѣрилъ пажа, что онъ не долженъ ничего бояться, а самъ поспѣшилъ къ Валштейну, и заранѣе восхищался тѣмъ, что имѣетъ способъ успокоить военачальника. Но какъ же испугался бѣдный мо-

нахъ, услышавъ грозное Валштейново приказаніе: безразсуднаго пажа повѣсивъ въ пужь минушу! Поставлена висѣлица, и пажъ отданъ въ руки палача въ присутствіи самаго Валштейна. Всѣ знашнѣйшіе чиновники вознегодовали; народъ въ слухъ неодобрялъ жестокости; бѣдной духовникъ щещно падалъ къ ногамъ неумолимаго полководца, прося о помилованіи. Уже несчастный пажъ на краю могилы; уже спойшъ онъ на верху лѣспницы: вдругъ Валштейнъ приказываетъ оспановить исполненіе смершной казни. „Ну, молодой человекъ — закричалъ онъ громовымъ голосомъ: теперь знаешь ли ты, что такое спрахъ смершный? Испуганный побоемъ, я захошѣлъ и тебя испугать въ свою очередь; мы разсчитались, и ни чѣмъ недолжны одинъ другому!“

(Изъ Сѣв. Пчел.)

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Нѣкто подарилъ Рейнгарду, живущему въ Дрезденѣ пастору, въ день его рожденія серебряную лампаду, искусно сдѣланную на подобіе ампика. „Хорошо! чтожъ даѣе?“ Ничего! сказали бы во всякой другой странѣ Европы; но въ Германіи о семъ подаркѣ въ день рожденія господина пастора написана преученая статья и напечатана въ *Утреннемъ листѣ*, весьма извѣстномъ журналѣ. Такимъ образомъ всѣ читатели Нѣмецкихъ журналовъ теперь узнають, что господину Рейнгарду подарена серебряная лампада.

Общество наукъ и художествъ въ Мако-
нѣ (что въ прежней Бургундіи) опредѣлило въ
награду 300 франковъ за лучшее сочиненіе на
слѣдующую задачу: „Были ли у древнихъ бо-
гадѣльни, воспишательные дома, больницы и
приспанища для увѣчныхъ воиновъ; и ежели
нѣтъ, то что было у нихъ вмѣсто всего вы-
шеупомянутаго?“ Срокомъ приема сочиненій
назначено 31 число Іюля 1812 года.

✱

Сееценъ, извѣстный путешественникъ,
нынѣ въ Каирѣ находящійся, намѣренъ отпра-
виться во внутренность Африки со стороны
восточной. Между тѣмъ на сѣверо-запад-
номъ краю другой Нѣмецъ, по имени Реншкенъ,
приготовляется предпринять подобное же пу-
тешествіе, на иждивеніи нѣкоторыхъ бога-
тыхъ Англичанъ. Ему теперь отъ роду не
болѣе двадцати одного года; но онъ заблаго-
временно постарался взять всѣ нужныя пред-
осторожности для исполненія своего плана.
Онъ приучилъ тѣло свое переносить всѣ труд-
ности, и привыкъ употреблять въ пищу сы-
рое мясо и опивратительныхъ насѣкомыхъ,
чтобы въ случаѣ нужды не умереть отъ го-
лода. Живучи въ Геттингенѣ, онъ подверг-
нулъ себя обрѣзанію (!!), чтобы тѣмъ смѣ-
лѣе могъ выдавать себя за магометанина и
обезпечить отъ опасности попасться въ нево-
лю. Ходя пѣшкомъ по Германіи и Швейцаріи,
онъ нарочно выбиралъ самые дурные ночлеги.
„Будетъ время, говаривалъ себѣ Реншкенъ,
что на берегу Нигера вспомню о крестьян-
ской хижинѣ горъ Альпійскихъ, и она пока-
жется мнѣ волшебнымъ замкомъ.“ Въ Герма-
ніи и въ Марижѣ собиралъ онъ разные вопро-
сы ученыхъ людей о невѣдомыхъ странахъ;

которыя открыты намбреваются. Въ Парижѣ совѣщавали ему пожить нѣсколько времени въ Марокко и сперва научиться богословскимъ шайншвамъ, попомъ съ караваномъ отпра- виться въ Мекку, гдѣ можешъ онѣ найши куп- цовъ изъ Томбукшу или другихъ городовъ неиз- вѣстнаго еще Европейцамъ государства Судан- скаго, и съ ними ѣхать во внутренность Аф- рики. Однакожъ Реншхенъ предоставляешъ себѣ рѣшеніе на мѣстѣ, не выгоды ли будетъ исполнишь собственнѣйшей планъ свой, по естѣ поживши нѣсколько времени въ Могадорѣ, на- дѣшь чалму и ѣхать прямо въ Томбукшу съ купеческимъ караваномъ.

Недавно въ одномъ Англійскомъ листкѣ помѣщено было сравненіе теперешняго времени съ прежнимъ. На послѣдокъ сказано въ заклю- ченіи : „Не споримъ, что вѣкъ Карла и Анны преимущественно славился стихотворствомъ и вообще произведеніями изящной словесности. Математика и философія процвѣтали во время Невтона и Локка. Однакожъ царствованіе Георга III превосходитъ всѣ прежнія блистательными успѣхами во всѣхъ искусствахъ и наукахъ, от- крытіями и изобрѣтеніями въ химіи, въ механи- кѣ, въ земледѣліи и мореходствѣ. Имена Кука, Юнга, Дженнера, Пристлея, Дави, Болтона и Гершеля заславляющъ насъ жалѣшь, что неимѣ- емъ теперѣ Драйденовъ, Аддисоновъ и Поповъ, прославившихъ начало истекшаго вѣка. Но и въ числѣ нашихъ современниковъ имѣемъ лю- дей великихъ : по части стихотворства, на примѣръ, Волкоша, исполина въ своемъ искус- ствѣ (*giant in his art*), но живущаго въ не- извѣстности, Ковпера, Бурнеса, Скопта, Файлея, Дермодія и Кампбеля; по исторіи

имѣли мы Гиббона, Гюма, и еще имѣемъ Русское и Велсгама; въ краснорѣчїи Бурка, Шеридана, Пипша и Фокса; въ драматическомъ искусствѣ Шеридана, Кумберланда, Мурфія, и Колмана; въ крикикѣ Блера, Джонсона, Парра и Вакефильда; въ живописи Рейнольда, Веспы, Норшкота, Баррія, Опія и Вильки; въ музыкѣ Шильда, Спюраса и Вебба.“ Вотъ имена, коими хвалятся народная гордость Брипанцовъ! Нѣкошорые изъ оныхъ любопытны для насъ особливо по тому, что мы объ нихъ совсѣмъ ничего незнаемъ. Чшожь будешь, когда разрывъ между Европою и Англією продолжится еще лѣтъ десять?

Въ Каталогѣ о книгахъ, привезенныхъ для продажи на ярмарку въ Лейпцигѣ нынѣшняго года, замѣтны между прочимъ весьма любопытныя, къ числу коихъ принадлежатъ: 1. Разсужденіе о народной чести Нѣмцовъ, написанное какимъ-то господиномъ Боостомъ и 2. Разсмотрѣніе вопроса: *должны ли мы стыдиться, что мы Нѣмцы?* Къ послѣднему приложена таблица всѣхъ Нѣмецкихъ изобрѣшеній. Но къ доказательству народнаго достоинства идутъ не одни только изобрѣвенія.

По случаю открытія въ Парижѣ одного училища, профессоръ Греческой и Латинской поэзіи Лемеръ недавно безъ приготовленія читалъ передъ многочисленнымъ собраніемъ рѣчь о стихотворствѣ древнихъ. Слушатели были очень довольны, и *громко рукоплескали оратору.*

Лондонское Библейское общество напечатало Библію на Лапландскомъ языкѣ и отп-

правило экземпляры въ Лапландію. Оно опредѣлило 300 ф. с. также на изданіе Липовской Библии, и отослало въ Базель 200 ф. с. для напечатанія 4000 экземпляровъ Новаго Заветъ на Французскомъ языкѣ, и для раздачъ оныхъ въ южной Франціи.

✱

Во Французскихъ публичныхъ листкахъ торжественно возвѣщается всѣмъ, кому о томъ надлежитъ вѣдать, о скоромъ прибытіи въ Парижъ дѣвицы Жоржъ, которая имѣетъ явиться на такъ называемомъ Французскомъ театрѣ (Theatre Francais).

✱

Вѣнская пѣвица г-жа Мильдеръ опилонила сдѣланное ей приглашеніе отправиться въ Парижъ и тамъ опредѣлиться при театрѣ Французской оперы. Ей предложено было *сорокъ шесть тысячъ* франковъ годоваго жалованья. И такъ въ Вѣнѣ получаетъ она еще болѣе?

✱

Въ Парижѣ вышло изъ печати Наполеоново Уложеніе, *переложенное во Французскіе стихи* г-мъ Д. . . . бывшимъ членомъ законодательнаго собранія. Вся книга состоитъ изъ 17,000 стиховъ.

IV. ПОЛИТИКА.

О возстановленномъ пипуль и о достоинствѣ Короля Римскаго (*).

По случаю рожденія наслѣдника Французскаго престола, наименованнаго Королемъ Римскимъ, любопытно заглянуть въ исторію и дойти до самаго начала сего нынѣ возстановленнаго пипула. Прежде всѣхъ носилъ его на себѣ *Ромуль*. Сей первый Король Римской, положившій основаніе царству, черезъ нѣсколько вѣковъ сдѣлавшемуся всемірною имперією, и окружившій себя шпями всадниковъ для ознаменованія своего сана, безспорно принадлежитъ къ числу великихъ лицъ историческихъ. Но блескъ вѣнца сего основателя, котораго по смерти народъ почтилъ достоинствомъ бога Квирина, помраченъ лучезарнымъ сіяніемъ возобновленной діадимы Октавія. Онъ сдѣлался обладателемъ полвселенной въ такое время, когда въ республикѣ не было уже ни доблестей, ни законовъ, ни безопасности, и когда она клонилась къ паденію. Новый Императоръ, бывшій въ то же время и Консуломъ, и Трибуномъ, и Ценсоромъ, и Авгуромъ и

(*) Сокращенно взято изъ Гамбургскаго *Политическаго Журнала*, коего изданіе, какъ видно, продолжается по прежнему; ибо мы получили Апрель мѣсяцъ, а остановленные журналы должны были прекратиться 1 Апрѣля. *Изд.*

Первосвященникомъ, въ седмой годъ консульства объявилъ о намѣреніи своемъ сложить съ себя санъ верховнаго правителя. Но сенатъ просилъ его не оставити государства, и поднесъ ему новое достоинство Августа, ибо Октавій не хотѣлъ именоваться ни Государемъ (Principes), ни Дикшаторомъ. Тогда же, въ 727 году послѣ основанія Рима, народъ и сенатъ торжественно поднесли ему права самодержавія. Каждой разъ при восшествіи на престолъ Императора сей торжественный обрядъ былъ повторяемъ, а при Адрианѣ получилъ онъ особое наименованіе *Lex Regia*, подъ которымъ разумѣли приношеніе новому Императору правъ самодержавія. Когда Римская Имперія такъ распространилась, что одному государю не возможно было окинуть ее своимъ взоромъ; тогда Императоры начали выбирать помощниковъ, которые и назывались Цезарями. По смерти Нероной, коею прекратилось поколѣніе Юлія Цезаря, имена *Августа* и *Цезаря* оставались титулами для *Государя* и его *наследника* даже до разрушенія западной Имперіи. Одоакръ, предводитель Геруловъ, уничтожившій власть послѣдняго Императора Августула, провозгласилъ себя не Королемъ Римскимъ, но Королемъ Италіи.

Послѣ народныхъ переселеній Римская корона опять возникла, подобно баснословному Фениксу, изъ своего пепла. Карлъ, Король Франковъ, обладатель покоренной имъ Ломбардіи, носившій на себѣ титулъ Патриція Римскаго, въ день Рождества Христова 800 года, стоя передъ олтаремъ на колѣняхъ, провозглашенъ Императоромъ отъ народа. Папа Левъ III воскликнулъ: *да здравствуетъ великій и*

миролюбивый Императоръ Карлъ! и помазалъ его на царство.

Карловы потомки украшались Римскою короною. Изъ нихъ послѣднимъ былъ Нѣмецкій Король Арнулфъ, которой въ концѣ девятого вѣка, по преодолѣннн многихъ препятствій, получилъ Императорское достоинство. По смерти его рядъ Императоровъ Римскихъ перерывается. Но Оптонъ второй, Нѣмецкій Король изъ Саксонскаго дома, опять возобвилъ на главѣ своей Римскую корону. Въ 961 году въ Медиоланѣ вѣнчанъ онъ въ достоинство Короля Италіи, и въ слѣдующемъ же году по прибытіи въ Римъ Оптонъ дозволилъ Папѣ XII вторично вѣнчашъ себя въ Императоры. Такимъ образомъ Римская корона начала принадлежать Нѣмецкому государю, хотя Италія никогда не была присоединена къ Германіи. Со времени Конрада II, Римская корона съ Нѣмецкою была въ столь тѣсной связи, что избираемый Нѣмецкій Король могъ уже смѣло присвоивать себѣ право на корону Римской Имперіи. Съ тѣхъ поръ и шишулъ *Римскаго Короля*, копорымъ назывался Нѣмецкой Король, еще не получившій Императорскаго достоинства, сдѣлался обыкновеннѣе. Прежде всѣхъ Генрихъ II принялъ шишулъ Короля Римскаго. Конрадъ II и Генрихъ III не имѣли его. Генрихъ IV назывался имъ, но не всегда. Генрихъ V носилъ постоянно шишулъ Корля Римскаго даже до вѣнчанія своего на Императорское достоинство. Изъ преемниковъ его подписывался Лошарій иногда просто Королемъ, а иногда Королемъ Римскимъ. При Конрадѣ III вошло въ непремѣнный обычай избранному Королю Нѣмецкому въ то же самое время называшься Королемъ Рим-

Обозрѣніе произшествій.

Дюкъ де Кадоръ, бывшій Министръ иностранныхъ дѣлъ, переименованъ въ Государственные Министры.

Число находящихся во Франціи Испанскихъ военнопленныхъ офицеровъ, объявившихъ желаніе свое дать присягу на вѣрность Королю Іосифу и вступить въ его службу, увеличивается ежедневно; они ожидаютъ теперь дальнѣйшаго своего назначенія. Равнымъ образомъ, какъ извѣстно, составлены будущіе многіе полки изъ военнопленныхъ.

Префектъ Зюдерзейскаго департамента многими Мерами объявилъ свою благодарность за особенное усердіе къ службѣ, оказанное ими во время оконченной недавно военной конскрипціи. 10 го Числа сего мѣсяца Амстердамскіе конскрипты выступили въ походъ. Въ непродолжительномъ времени начнется конскрипція для флота.

Въ Амстердамѣ обнародовано слѣдующее объявленіе: „Никому не позволяется ставить вмѣсто себя наемнаго конскрипта. Посему всякое условіе, кошорымъ кто-либо объявляется за извѣстную сумму денегъ записаться въ конскрипцію вмѣсто другаго, когда ему послѣднему по жребію достанется служить въ арміи, почишаемо будеть недѣйствительнымъ.“

Въ Майнцѣ Графомъ Дюмасомъ, Государственнымъ Совѣтникомъ обнародовано объявленіе, въ кошоромъ между прочимъ сказано,

что конскрипты, къ назначенному сроку не явившіеся, будучи наиспрожайше опыскиваемы. Во всѣхъ департаментѣхъ немедленно учредятся сыскныя воинскія команды, которыя опыскивать будучи не токмо укрывающихся отъ конскрипціи, но и пѣхъ, кои давали имъ у себя приспанище.

✽

Вывозъ монеты золотой и серебряной изъ Австрійской Имперіи вновь запрещенъ наиспрожайше; изъ сего запрещенія исключаются только выигрыши разныхъ государственныхъ лотерей, которые плащаются монетою.

✽

Въ Кадиксѣ получено извѣстіе, что Королевство Перу объявило себя независимымъ. Возмущеніе обнаружилось сперва въ Лимѣ, а потомъ весьма скоро распространилось и по всѣмъ другимъ мѣстамъ сей области; при семъ случаѣ многіе лишились жизни.

✽

Въ Испаніи Королевскимъ повелѣніемъ предписано всемірно стараться о разведеніи сахарнаго тростника, и сказано, что сахаръ, ромъ и другія произведенія, выдѣлываемыя изъ отечественныхъ растеній, на десять лѣтъ освобождаются отъ пошлины.

✽

Султанъ въ недавно изданномъ фирманѣ повелѣлъ главному Директору таможенъ, имѣть строжайшій надзоръ за исполненіемъ запрещенія вывозить хлѣбъ за границу; ибо дошло до свѣденія правительства, что привезенный въ Родоспо хлѣбъ, назначенный для употребленія тамошнихъ жителей, былъ вывезенъ за границу и проданъ иностранцамъ.

Въ Константинополѣ на питейныя дома, коихъ число простирается до 4000 (ибо Турки нынѣ не такъ уже строга, какъ было прежде, наблюдаютьъ запрещеніе употреблять горячіе напитки), правительство наложило 100, 000 піастровъ прибавочныхъ пошлинъ.

(Изъ Гамб. Корресп.)

У в ѣ д о м л е н і я.

Г. Кіевскій Губернскій Почт - мейстеръ Іасонъ Савичъ Баженовъ извѣстилъ Издашеля, что въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ получено имъ при письмахъ изъ Черыаславлѣ оиъ неизвѣстной особы 25 рублей; изъ Можайска оиъ двухъ братьевъ, также неподписавшихъ именъ своихъ, 20 р.; изъ Золотоноши оиъ г. Спашскаго Совѣтника и Кавалера Григорія Ивановича Краснокутскаго 25 р., и что всѣ сїи деньги, по препорученію благотворителей, лично оиъ оиъ г-жѣ Надворной Совѣтницѣ *Елдезиной* (См. Вѣстн. Евр. 1811. No 6. стр. 134.)

*

Г. Коллежскій Ассессоръ А. Я. Потоцкій увѣдомилъ Издашеля, что полученныя имъ въ разныя времена деньги: оиъ А. В. Г — а 10 рублей; оиъ А. Н. А — ой 25 р.; оиъ А. Н. В — ой 25 р.; оиъ А. А. М — а 35 р.; оиъ М. Д. М — ой 30 р.; оиъ неизвѣстной особы 5 р. оиъ оиъ лично бѣдной вдовѣ Майоршѣ *А. К. Рейховой* (см. Вѣстн. Евр. 1810 No 16, стр. 329), по желанію благотворителей.

*

Изъ Новомосковска вдова діаконица Анна *Сажкова* (Вѣстн. Евр. 1810 № 24 стр. 331) увѣдомляетъ Издашеля, что она получила: отъ неизвѣстныхъ особъ изъ Рязани 5 рублей, изъ Симбирска 10 р., изъ Роснова отъ Секретаря Алексѣя Корсунова 10 р., отъ Павла Невѣровскаго 10 р. и пособіе хлѣбомъ, отъ Ивана Куроѣдова пособіе хлѣбомъ же. Бѣдная мать и пятеро малолѣтнихъ сиротъ со слезами благодарятъ своихъ челоѣколюбивыхъ благошворителей.

Изъ Тамбова Андрей Боковъ (Вѣстн. Евр. 1810 № 24 стр. 304) увѣдомляетъ Издашеля, что получилъ онъ отъ неизвѣстныхъ особъ въ Январѣ изъ Рязани 10 рублей, да въ Апрѣлѣ изъ Владиміра 10 р., и чувствительнѣйше благодаритъ сострадательныхъ своихъ благошворителей.

Доставленные 25 рубл., при письмѣ 1 Мая отъ неизвѣстной особы для употребленія ихъ въ пользу бѣдныхъ людей по усмотрѣнію Издашеля, отправлены въ городъ Остеръ для отсылки въ мѣстечко Бровары къ старому, слабому и бѣдному Губернскому Секретарю Василю Трофимовичу Таржинскому. Онъ имѣетъ семейство и разстроенъ разными неприятными случаями.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 11. І Ю Н Ъ 1811.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Разговоръ между богами.

(О томъ, что болѣе дѣйствуетъ на душу: живопись, или музыка?)

Музы, часто незная о чемъ бы разговаривать на досугѣ, иногда заводили споръ между собою о преимуществѣ искусствъ своихъ и объ ихъ достоинствѣ. Мнѣ удалось тайными средствами свѣдать объ одномъ разговорѣ сего рода между Музою живописи и Богинею музыки подъ предсѣдательствомъ самаго Аполлона, и я намѣренъ бесѣду ихъ пересказать своимъ читателямъ. Вѣчно-юный Богъ сидѣлъ подъ любимымъ лавромъ, держа на родительскомъ локтѣ своемъ младшую и любезнѣйшую изъ дочерей, Поезію; объ старшія сестры ея сидѣли по сторонамъ, и спорили между собою:

*чье искусство, живопись, или музыка
болѣе дѣйствуетъ на душу?*

Мое, мое безъ всякаго сомнѣнiя, сказала Муза живописи: кругъ дѣйствiя моего равенъ землѣ и небу въ своемъ пространствѣ. Все въ мiрѣ мнѣ принадлежитъ. Въ моей волѣ успрашивъ душу небесною молнiею, или развеселивъ ее прекраснѣйшимъ видомъ Природы. Могу попрятать ее изображенiемъ спремнинѣ ужаснѣйшихъ, или показать взорамъ ея протяженiе безпредѣльнаго океана. Могу изобразить всѣ страсти; заставляю ихъ говорить на лицахъ, и выраженiя ихъ печалью на душѣ зрителя. Пусть назовутъ мнѣ искусство, которое имѣло бы кругъ дѣйствiя обширнѣйшiй.

О пространствѣ и обширности незнаю, отвѣчала Музыка; но что касается до силы, до пронизательности, то мое искусство, думаю, можетъ похвалиться преимуществомъ. Область твоя обширна, сесприца, но сила не велика; ибо ты прудишься единственно надъ поверхностями. Ты имѣешь множество предметовъ, несчирую; однакожь всѣхъ предметовъ своихъ представляешь, подобно зеркалу, только внѣшнiе виды. Предметы сокровенные употребляешь не съ лучшимъ успѣхомъ, и

дѣя множество матеріаловъ; производишь очень малое дѣйствіе. Я напротивъ того — позволь мнѣ сестрица похвалиться своею скудосіію, — я посредствомъ семи только бѣдныхъ тоновъ, невидимыхъ и непонятныхъ, прогаю всякое чувствительное сердце; ими собудила и свѣтъ сей; и храню въ немъ устройство. По звукамъ лиры моей всѣ вещи спали въ надлежащемъ порядкѣ; всѣ, говорю, вещи въ Природѣ, не исключая прекраснѣйшихъ своихъ видовъ; отношеніями тоновъ моихъ они существуютъ и дѣйствуютъ. И такъ съ немногими способами я произвожу великія дѣйствія: незримиы волнами окружаю сердце; проникаю во внутренности его, увлекаю его съ собою: всѣ струны чувствительности суть мои струны; ими я управляю, прикасаясь къ нимъ слабымъ, дрожащимъ нитямъ. Сестрица! видѣла ли ты когда-нибудь кисть въ рукахъ родинеля нашего Аполлона? Нѣтъ, онъ носитъ при себѣ лиру! сльдственно музыка превосходитъ всѣ искусства.

Аполлонъ объявилъ Музамъ свою волю; что онъ не желаетъ бытъ въ ихъ спорѣ. Вы обѣ мои дщери, сказалъ онъ; при томъ же кромѣ лиры я ношу и стрѣлы солнца; въ кошорыхъ содержатся всѣ цвѣты и вся изящность. И такъ защищайся!

лучше, о дщерь моя, Живопись; кажется, и теперь еще не на всей спорной стороне победа. Речь была о действии искусства, а не о его обширности.

Тогда Живопись начала продолжать защищеніе своихъ преимуществъ. И дѣйствіе мое, о родитель! безъ всякаго противорѣчія есть самое чистое, ясное, высшее, продолжительное. Сестра очень справедливо назвала поны свои невидимыми: они темны, невразумительны; точно шаково и дѣйствіе оныхъ. Кто въ состояніи изяснить значеніе поновъ? Не правда ли, что они говорятъ языкомъ беспорядочнымъ неясныхъ ощущеній; какъ будто все приближающа къ душѣ, и никогда къ ней не прикасающа; производятъ шумъ подобно волнамъ моря, и не оставляютъ по себѣ дѣйствія совершеннаго въ душѣ чловѣка? Они упекаютъ, какъ ручей; какъ дуновение въпра. Гдѣ образъ ихъ? гдѣ останки голоса ихъ и языка? Я же напротивъ того, съ гордостію повпоряю, я произвожу дѣйствіе самое опредѣленное, самое ясное, самое продолжительное. Мои формы очевидны; кто взглянулъ на меня, тотъ знаетъ и помнитъ, что видѣлъ. Меня удержатъ можно не только въ памяти, но во взорахъ, даже въ воображеніи и въ воспоминаніи долговременномъ. Я изображаю лу-

чами солнца, и дѣйствіе мое вѣчно, подобно солнечному свѣту. Кто однажды созерцалъ небесные виды Рафаеля и его брашій; кто нѣсколько минутъ взиралъ на нихъ: въ томъ навсегда остается впечатлѣніе; томъ былъ зрителемъ самыхъ небесъ, наслаждался лицезрѣніемъ боговъ и богинь Олимпа, благоуханіемъ ихъ амброзій, сіяніемъ ихъ зрака; въ томъ никогда неизчезающъ начертанія видовъ, ни впечатлѣнія; ни мысли! А ты, о бѣдная Муза, съ проеспрунную свою лирою . . .

Сестра моя, прервала скромная Богиня музыки, извлекая тихіе звуки изъ своей лиры, сестра моя опять начинаетъ говорить о богатствѣ, и уклоняется отъ силы дѣйствія. Никто не споритъ, что черпа есть черпа и краска краска, что можно видѣть ихъ глазами, и что на досугъ можно смотрѣть на нихъ, пока угодно; но смотрѣть и быть распрогану, видѣть ясно и долго и чувствовашъ, не есть одно и то же. Напротивъ извѣстно, что ясность болѣе или менѣе ослабляетъ силу чувствованія; ибо только томъ получаетъ ясное понятіе, кто разсматриваетъ хладнокровно. Ты изображаешь лучами солнца, но для холодной памяти. Говоришь съ воспоргомъ, великолѣпная Муза, о богахъ и о богиняхъ, о благоуханіи и амброзій; но и сей воспоргъ

твой есть жаръ воображенія, а не сердца и не чувствительности. Никто изъ любимцевъ твоихъ не посвѣцалъ неба: они обыкновенно изображали только людей; а очень понятно, что въ мѣрѣ были и будутъ люди въ тысячу разъ прекраснѣйшіе твоихъ, кои когда-либо изображали твоею живописью. Они безпрестанно списывали; иногда, захотѣвши быть образцовыми, составляли чудовищныя лица; писавши такъ называемыхъ боговъ и героев, показавъ всю свою бѣдность, которою ты упреждаешь меня несправедливо. Они брясали на изорванныхъ струнахъ всякаго орудія, которое называли ашикомъ, тогда какъ должны были бы услаждать ухо звуками полнострунной арфы. Не уже ли ты думаешь, сестрица, что лежащія на палимпсестрахъ краски могутъ съ Нашурою спорить о превосходствѣ, не говорю уже, превзойши чудесную полношу ея и неподражаемую точность? Огонь распертой и зажженной на доскѣ едва ли можешь воспламенить чело-вѣческое сердце, или превратить въ прахъ вещество, такъ чтобы вмѣстѣ онаго надлежало создавать другое.

Ты очень строга, дочь моя! — остановилъ ее предсѣдатель собранія — ты въ искусствѣ порочишь только ошибки художниковъ, или даже ихъ безсмыслен-

ныхъ панигиристовъ. Говори о лежащемъ дѣлѣ и защищайся. Живопись утверждаетъ, что дѣйствія моего искусства неясны, темны, несовершенны, крапни и непостоянны. Ошвѣчай.

Ошвѣчая на то весьма непрудно, сказала Музыка. Кто лучше тебя о томъ вѣдаетъ, о творецъ вѣчнаго доброго гласія? Сестра желаетъ, чтобы мои тоны были видами и красками, и пребудешь невозможнаго. Она желаетъ, чтобы я ихъ привѣсила къ стѣнѣ, чтобы они, подобно Мемнонову испугану, издавали звукъ при солнечномъ появленіи, и чтобы подобно дождю машинъ звенѣли безпрестанно; но это также невозможно, и скоро надобно бы всякому. Мое дѣйствіе скоро проходитъ; но для кого? Для бѣднаго, всѣмъ впечатлѣніямъ подверженнаго человека. Для него и должно быть такимъ дѣйствіе моего искусства, ибо оно очень сильно, очень спремипельно, очень обильно. Люди не такъ сошворены, чтобы могли наслаждаться вѣчною боговъ гармоніею; они ходятъ по дну въ океанѣ моего искусства; въ немъ достигающъ только немногіе тоны безпредѣльной музыки, и при томъ самыя легкіе напѣвы. Игра музыкѣйскихъ орудій ихъ есть только слабый отголосокъ всего племени. И такъ невидишельно,

что дѣйствіе моего искусства для людей не есть совершенное; оно и быть не можетъ совершеннымъ въ ихъ природѣ; иначе надлежало бы имъ самимъ быть гармоніею. Темнота и неясность ощущеній зависитъ отъ ихъ способностей, а не отъ моихъ поновъ; копы же сами по себѣ и свѣтлы и ясны. Они суть высокій образецъ согласія и порядка. Они суть, какъ сказалъ одинъ мудрецъ мною вдохновенный, содержанія и числа всего міра. II старъ, сестрица; ты желая хулишь меня, похвалила. Ты похвалила въ искусствѣ моемъ свойство его безконечнаго и сильнаго дѣйствія; ибо сказала, что и самъ человекъ, споль благородное созданіе, въ себѣ вмѣщаетъ его не можетъ, и едва удобенъ малое время наслаждаться онымъ. Напротивъ того во множествѣ формъ своихъ и красовъ онъ не только никогда не расширяется, но ему нужны кромѣ земныхъ предметовъ еще и другіе, единственно для разнообразія, и чтобы по возможности избѣжать встрѣчи съ первыми. У меня иначе: мои ощущенія не совмѣстны съ земною природою; ими человекъ медленными шагами постепенно восходитъ выше и выше; на послѣдствѣ достигаетъ хранилища всеобщаго совершенства, начинаетъ продолжительно наслаждаться вѣчною мелодіею. . .

Богиня доброгласія говорила съ увеличивающимся жаромъ, и чувство душевнаго восторга изображалось на лицѣ ея и во всѣхъ движеніяхъ. Въ то самое время приближилась къ ней Уранія и приняла ее въ свои объятія. Юная Мѹза стихотворства устремила на нее свои взоры. Слова Музыки изливались потоками, для показанія всему Олимпу дѣйствія ея искусства. Но Аполлонъ прервалъ рѣчь ея, и напомнилъ, что надобно говорить о земномъ доброгласіи, и о томъ дѣйствіи, какое имѣетъ оно надъ человѣческою душою. Защищенія свои весьма доспапочноы, любезная дочь, прибавилъ Аполлонъ: швое искусство достигнѣтъ до самой вершины Олимпа; шеперь пусть говоритъ сестра швая.

Такъ, сказала Живопись: она вознесла искусство свое до самаго Олимпа; а въ моихъ любимцахъ неодобряетъ даже мечты о видахъ небожителей. —

Переспаньте говорить объ Олимпѣ, любезныя дочери. Вы объ существа небесныя, и ваши искусства также должны быть небснаго свойства, ежели хотите, чтобы они дѣйствовали на земныхъ жителей. Человѣческая душа есть сестра наша по своему происхожденію, и все что дѣйствуетъ на нее, должно быть причастно

безпредѣльности и законамъ горняго Олимпа. Люди называютъ изящныя искусства небесными, и въ помѣ не ошибаются. Всѣ швои формы и фигуры, о Живопись, при всемъ изяществѣ своемъ ничего незначатъ, когда онѣ неоживлены духомъ небеснымъ. Онѣ должны швуетъ бытъ въ каждой картинѣ швоей, и всѣ части приводить къ единшву; иначе вся точность, все искусство начертанія ошпанешся бѣднымъ и мертвымъ. Равнымъ образомъ и въ шебѣ, о Музыка, чувство души должно соединять всѣ шоны и имѣ сопуществовать; а иначе о нихъ можно будешъ сказать поже самое, что приписываетъ шы холоднымъ подражаніямъ живописи; прибавлю, что швои шоны будешъ еще несноснѣе, ибо швое искусство живетъ единшвенно симъ небеснымъ духомъ. И такъ перешаньте спорить о словахъ, и каждая говори объ опредѣленныхъ дѣйствіяхъ своего искусства. Ежели угодно, я велю пригласить сюда спараго Аристошеля: онѣ умѣешъ опредѣлять значеніе словъ, и недозволишъ вамъ сбиваться. —

Обѣ Музы ошказались ошѣ предлагаемаго посредника, и просили назначить имѣ въ судіи младшую сестру свою, Поезію, ежели самѣ Аполлонѣ нежелаетъ бытъ рѣшителемъ ихъ спора. Она ученица наша,

сказали Музы, и любивъ насъ обвихъ. Она женщина, слѣдственно можетъ судить о женскихъ искусствахъ и объ ихъ дѣйствіяхъ. Припомъ же она сестра наша. „Приблизься, любезная сестрица! сказали Музы: оставь родительское лоно.“ Поезія охотно согласилась, и споръ начался въ шрещій разъ и послѣдній.

Мнѣ кажется, любезныя сестрицы, сказала Поезія, что для удобнѣйшаго примиренія вамъ бы надлежало сперва, по слову самаго Аполлона, щцательнѣе раздѣлить дѣйствія, копорыя производить спараетесь, и опредѣлить тѣ душевныя способности, на копорыя дѣйствуютъ ваши искусства. Ты, Живопись, дѣйствуешь болѣе на воображеніе нежели на сердце; но воображеніе, копорое иногда ведетъ къ сердцу, по большей части ближе къ разуму. Вошъ почему всѣ представленія твои ясны, но за то онѣ и холоднѣе, какъ справедливо замѣчаетъ Музыка. И въ томъ нѣтъ стыда для Живописи; напрошивъ ешо ея преимущество: правильноеть и точность суть главныя средства ея дѣйствія, только покрытыя одеждою изящности. Живописецъ поступилъ бы очень худо, оставивъ главныя свои средства и принявшись за побочныя, за дѣйствующія прямо на сердце, безъ правильности и безъ спроей точности. Главней

предметъ твой, сестрица, есть рисовка и духъ ее живошворящій; я сама долго у тебя училась, и теперь еще учуся ежедневно. Трогательныя выраженія въ чертахъ, прелестная ошдѣлка въ наружности тѣла и въ цвѣтахъ погда только хороши, когда главной предметъ говоришь душѣ вразумительно, ясно и чисто. Чѣмъ менѣ Живопись ищетъ благовидной наружности, чѣмъ старательнѣе остерегается отъ хвастливыхъ представленій; тѣмъ надежнѣе бываетъ успѣхъ ея дѣйствія, и тѣмъ скорѣе она изъ простаго подражателя становится творцемъ чистой, глубокой, изящной, всегда новой истины. А ты, о Музыка, ты для меня болѣе нежели сама Живопись; гармонія твоя и мелодія суть основаніе изящества во всѣхъ искусствахъ и даже въ самой живописи. Но признайся, любезная сестрица, что безъ моихъ словъ, безъ пѣнія, безъ танцовъ и другихъ пособій твои чувства остаются для людей невразумительны. Ты говоришь сердцу; но многихъ ли разумъ тебя понимаешь? И говоря даже сердцу, ты производишь на немъ совсѣмъ не духовныя впечатлѣнія. Кто не знаетъ, что и живошныя ошдѣланыя поновъ становятся веселы, а ошдѣланыя другихъ печальны? Было время, когда дѣлали жестокиѣ опыты надъ мозгомъ живыхъ шварей; найдено, что разными

давленіями производися боль и удовольствіе ; чѣмъ же сіи ощущенія разнятся отъ своихъ , ежели не тѣмъ только , что ты дѣйствуешь гораздо нѣжнѣе ? Весьма справедливо , что человеческое сердце есть свое орудіе ; но смотри , для чего на немъ играешь . Теперь скажише , сестрицы : при какихъ случаяхъ и для какой цѣли дѣйствуютъ ваши искусства ? Сравнише .

Живопись начала вычислять всѣ глубокія впечатлѣнія , картинами ея произведенныя . Она упомянула о Брусовой супругѣ , которая не могла плакать до тѣхъ перъ , пока внезапно не увидѣла изображеніе Андромахи , и которая тогда только залилась слезами . Она говорила о множествѣ другихъ картинъ , которыя сильно дѣйствовали на душу зрителей , утѣшали ихъ , ободряли , и вообще , подобно являющимся тѣнямъ умершихъ , производили надъ душами великія перемѣны .

Извини , сестрица , сказала Поезія : надобно говорить о дѣйствіяхъ собственно тебѣ принадлежащихъ . До сихъ поръ мы упоминали о дѣйствіяхъ , производимыхъ по большей части предметами , которые ты изображаешь ; а тебѣ извѣстно , что еслибъ вмѣсто написанной Андромахи , или другаго лица знамениаго , явился взорамъ самой

подлинникъ, очень слабо нами изображаемый, тогда вѣроятно дѣйствіе было бы гораздо сильнѣе. Представь себѣ юную дѣву, облеченную всѣми совершенствами идеальнаго изящества; мы показываемъ ее людямъ въ искусственныхъ своихъ подражаніяхъ; ты согласишься, что подражаніе наше очень слабо въ сравненіи съ подлинникомъ, и что дѣйствія самой Напурры по существенности своихъ предметовъ гораздо богатѣе великими и полезными слѣдствіями, нежели наши искусственныя подражанія. Ты, Музыка, напропивъ того всегда дѣйствуешь творческою своею силою, не имѣя образца своему искусству ни на землѣ ни на небѣ.

Отъ того - то именно, сказала Музыка, дѣйствіе мое всегда ново, самобытно, восхитительно. Я шворю, а не подражаю; я вызываю тоны, какъ душа вызываетъ мысли, какъ Юпитеръ воззвалъ мѣры изъ ничтожества; и мои тоны, подобно голосамъ волшебнымъ, доходятъ до самой души, которая увлекается попомомъ сладочнѣя, сама себя забываетъ, перлется въ восторгахъ. Вы слышали о дѣйствіяхъ музыки во времена древнія и новѣйшія; вамъ извѣстны повѣсти объ Амфіонахъ и Орфейахъ, о Линахъ и Тимошеяхъ. Ихъ прославляютъ во всѣхъ концахъ вселенной.

Прославляють, сесприца, сказала Поезія; но ты забудь, что я тебе помогала. Я подкрѣпляла твои тоны, а ты оживляла мои пѣснопѣнія. Я извѣсняла языкъ твой, и чувствами души давала силу твоей выразительности: такимъ образомъ мы дѣйствовали вмѣстѣ. Но съ тѣхъ поръ какъ мы разлучились, искусства наши сдѣлались въ тысячу разъ нѣжнѣе, всѣ части ихъ тщательнѣе опредѣлены; предписаны всѣ правила, которыхъ нарушить не дозволяешься: и при всемъ томъ дѣйствія нашихъ искусствъ прославляющіяся ли на землѣ такъ, какъ прославлялись они древнимъ? Меня читають, тебя слушаютъ; читаютъ меня, бранятъ или зѣваютъ; слушая тебя играютъ, или разговариваютъ, а наконецъ и о тебѣ и о тебѣ меня засыпають.

Не мы тому причиною, смѣло оживѣчала Музыка, а имена во зло употребляемыя. Гудильщиковъ и свирѣльщиковъ никогда не признавала я чадами своего искусства; ибо кто испыталъ на себѣ дѣйствія ихъ тоновъ? Не уже ли ты не находишь различія между запачканнымъ кузнецомъ Вулкановымъ и между прекрасною Гебою, растворяющею для боговъ нектаръ и амброзію? А что иное многіе кварцезы и сонаты, многіе прію и симфоніи, какъ не кузнецы Вулкановы? Я и вы обѣ, сесприцы, не-

можемъ упрекатьъ себя за дурачества глупыхъ стихопворцовъ, маляровъ и гудильщиковъ.

Вспомни однакожь, любезная сестра, сказала Поезія, вспомни о времени первобышней простопы своей и о погдашнемъ дѣйствіи своего искусства. Ежели слышанныя нами опъ маперіи Мнемозины повѣсти хоть въ половину справедливы, гдѣ нынѣ свои Орфеи и Амфіоны, и куда дѣвалось творческое ихъ могущество?

Такъ, сесприца, отвѣчала Музыка: лѣта юности моей во многихъ справахъ уже минули; однакожь не я устарѣла, а состарѣлись люди такъ называемаго хорошаго общества, люди, которые зашѣливо созидаютъ изъ поновъ гармоническія громады, вмѣсто того чѣмъ спокійно наслаждаются оными. Они спараются удивлять разумъ, неумѣя улаждать сердца. Все легкое имъ не нравилося; имъ надобны ужасныя трудности, единственно для того чѣмъ преодолѣвши ихъ, удивить всѣхъ и тѣмъ величаться. Думаете ли вы, сесприцы, что я одобряю усилія тѣхъ музыкантовъ, которые въ музыкѣ живописуютъ и стихопворствуютъ? Нѣтъ, сіи зашѣ чужды моему искусству, равно какъ и мысль того изобрѣшателя, которой вздумавши

сдѣлать клавикордъ изъ разноцвѣтныхъ красокъ, удивлялся, что никому онъ не нравится, какъ орудіе мусикійское. Въ прочемъ истинныя дѣйствія моего искусства не совсѣмъ еще на земли испробовались. У всѣхъ народовъ, даже у Турковъ и Варваровъ живетъ оно, и каждой наслаждается имъ, кому только дана способность наслаждаться. Для народовъ изнѣженныхъ нужна приличная пища; у нихъ дѣйствія мои обнаруживаются гораздо сильнѣе: однакожъ не искусству моему приписывать должно вину въ томъ, что одинъ безумецъ упалъ въ объятія Лаисы, или что испребилъ городъ Персеполь пожаромъ. Дѣйствія мои усилеваются къ нѣжнымъ удовольствіямъ; однакожъ не думайте по тому, будто они слабы или ненадежны. Не часто ли стройные звуки пѣсни, простые тоны музыки испортали чловека изъ глубокой печали и возносили его на верхъ оспрады? Не часто ли нѣжная и простая мелодія извлекаетъ слезы грусти, или внезапно возобновляетъ въ чловека прежнія чувства и переноситъ его въ юношескій возрастъ, или переселяетъ на поля невѣдомыя мечтательнаго рая? Такъ, милыя сестрицы, любимецъ моего искусства можетъ производить надъ людьми чудеса великія, лишь только захочетъ проникнуть въ тайныя тоновъ, удобнымъ распробать чловека, и въ ходъ ме-

лоди, попрыскающей весь составъ его. Углубляясь далѣе въ мое искусство и изслѣдывая великія дѣйствія онаго, любимецъ мой приобрѣлъ бы полную власть надъ сердцемъ человѣческимъ, хотя бы оно было желѣзное.

Не лзя ли намъ, сказала Поезія, возобновить древняго великаго дѣйствія? Соединимъ опять наши искусства. Я покажу тебѣ способъ чувствовать; а ты скажешь только моему вдохновенію.

Музыка засмѣялась. Ето было бы хорошо, даже иногда и нужно, только едва ли доспапочно. Какъ часто сводили меня съ пуши стихосворцы свои; показывая мнѣ дорогу! Можеть быть они-по наиболѣе испорчили между людьми мое искусство. Припомъ же вспомни, сесприца, что ты сама сказала: музыкантъ шворитъ изъ ничего; каждой разъ онъ долженъ изобрѣтать новой языкъ для своихъ чувствованій. Но ежели онъ сего сдѣлать не можеть, ежели не чувствуетъ того, чего требуетъ стихосворецъ; то какъ же онъ изобразитъ чувства, которыхъ не понимаетъ? Какъ ему изяснитъ ихъ стихосворецъ? Возможно ли словами къ кого-либо вдохнуть поэзію и чувства? Погрѣшность иррешна въ злоупотребленіи музыки; сдѣ-

ественно его испребишь надобно. Въ про-
чемъ я и ты, сесприца, Музыка и Поэ-
зія, будемъ жить въ союзѣ, и мы соединен-
ными силами произведемъ великое дѣйстви-
е; только нехочу быть швоею служанкою; я
была нѣкогда учительницею швоею, и са-
ма имѣю собственнѣйшій свой кругъ дѣйстви-
я. Мнѣ служатъ панцы равно какъ и слова;
поступь и шблдвиженія служатъ мнѣ рав-
но какъ и стихи швои; и я собственнѣйше
заклячаю въ себѣ и напѣвъ, и панцы, и
мѣру. Музыкантъ, играя, изобрѣтаешь, не-
добно истинному поешу, копорой въ одно
и то же время поешь и сочиняешь.

Муза живописи и самъ Аполлонъ на-
чинали уже случать разговоромъ. Первая
между шѣмъ занялась начертаніемъ спокой-
ной стращи, и забыла о спорѣ. Вошь,
сказала она, дѣйствиѣ моего искусства;
оно успокоиваетъ и веселитъ душу. Люби-
пель живописи радуется каждымъ лучемъ
солнца. Гдѣ другіе ничего не видятъ, тамъ
созерцаешь онъ разнообразную игру натурь,
ислѣдываетъ тайныя дѣйствиія оной, и на-
слаждается неизреченнымъ удовольствіемъ.

Сказанное побю, опѣчала Поэзія,
относится къ изображеніямъ сельскихъ ви-
довъ; но въ разсужденіи живописи испорж

ческой, слышала я, что и у себя дѣйствующѣ люди, одержимые сильными спра-спями, какіе какихъ у меня и у Музыки найши едва ли можно. Насъ обѣихъ упре-нающѣ, будто мы любимцамъ своимъ вы-сно вдохновенія низпосылаемъ запѣли-воспѣ; а я думаю, что изображая спраспѣ, сама ты необходимо бываешь одержима спраспѣю.

Тышъ Аполлонъ обѣявилъ, что все что не принадлежишъ къ разговору, и при-помъ еще спчаспѣ несправедливо. Кто изображаешъ разсвирѣвшаго человѣка, про-должалъ сынъ Латоны, тому нужно ли самому бышъ неистовымъ? описывающій бѣшенанаго долженъ ли самъ бѣситься? Въ томъ - по и состоишъ преимущество вся-каго небснаго искусства, что оно пости-гаешъ и угадываешъ совренишѣе стѣбы сердца человѣческаго. Повѣрьте мнѣ, что пьяной не можешъ хорошо воспѣть веселыя пѣршества, и спихотворецъ изображающій спраспѣи, иногда совершенно противуполо-жныя, не можешъ ихъ въ себѣ чувствовати; довольно, ежели онъ, какъ вѣрное зеркало, принимаешъ ихъ и передаешъ другимъ въ неизмѣняемомъ видѣ. Тоже самое разумшъ должно о живописи и о музыкѣ. Всѣ зна-менишые художники были люди холодные и веселаго нрава; всѣ они цвѣли юностию,

я озарялись лучами моего сїянїя. Но пора уже окончишь споръ вашъ.

Ты, Живопись, искусствомъ своимъ представляешь ясныя, свѣтлыя, неизмѣняющїеся виды : они говорятъ воображенію , а посредствомъ его разуму и сердцу : ты успокоиваешь и веселишь своихъ любимцовъ. Довольна ли моимъ рѣшеніемъ? А ты, Музыка, непосредственно дѣйствуешь на сердце человѣческое волшебнымъ жезломъ своимъ ; возбуждаешь чувства и страсти , но неясно , и потому имѣешь надобность въ указатель , которой дѣйствїя твои сблизилъ бы съ разумомъ человѣческимъ. Теперь довольна ли ты ? Вы обѣ спорили о словѣ *дѣйствіе* , которое принадлежитъ болѣе музыкѣ нежели живописи , если признашь дѣйствіе только за силу впечатлѣнїя , недумая что въ душѣ человѣческой иногда замѣняешь она обширностїю , ясностїю и продолжительностїю. И такъ вы спорили о томъ единственно , должно ли быть ухо глазомъ и глазъ ухомъ. Успокойтесь. Чѣмъ несходнѣе дѣйствїя ваши между собою , тѣмъ для васъ лучше. Желаете ли удостовѣриться безъ всякаго спора о важности своихъ дѣйствїй ? Разсмотрише , въ чемъ опъазано слѣпому и глухому. Глухой гораздо лучше другихъ видитъ и различаетъ предметы ; для бесѣды онъ глухъ ,

и не знаетъ веселости: ему недоставтъ
внѣшняго чувства, посредствомъ коего ис-
кусство прямо говоритъ сердцу. Слѣпецъ
несчастенъ, не имѣя понятія о шѣхъ совер-
шенствахъ, которыя приобретаются чу-
ствомъ зрѣнія; но сердце его открыто для
всѣхъ впечатлѣній и для каждой спрашки,
и онъ въ шикомъ уединеніи своемъ шво-
ритъ для себя сладостныя удовольствія.
Многіе слѣпцы были великими музыкантами
и поешами; но покажите мнѣ глухаго, ко-
торой при всей точности подражанія былъ
бы великимъ живописцомъ. Переспанемъ.
Вы обѣ мои дщери. Ты, Живопись, изо-
бражаешь для разума, ты, Музыка, гово-
ришь сердцу, а ты, любезная Поезія, шцъ
ученица и наставница обѣихъ.

Сестры обнялись дружески. Аполлонъ
увѣнчалъ ихъ неувядаемымъ своимъ лавромъ,
а Геба освѣжила ихъ нектаромъ послѣ про-
должительнаго разговора.

(Съ Нѣмецкаго.)

*Рѣчь отъ липомцевъ И. Мосчовскаго
Вошлипалельнаго дома (*).*

И. П. Даръ присутствія вашего сопоставляетъ щоржесиво сихъ сущесствъ чуждыхъ міру; они оживляются вашимъ снихожденіемъ. Не увянетъ юность наша, какъ стебле пустыни: она хранима десницею свыше; она призрѣна Опечесствомъ, какъ цвѣтцы Природой. Уже мы не жертвы печалей и забвенія; но юные Россы, образующіе сердца добродѣпелю, умъ науками, а чувства вкусомъ. Сколь благоспна десница, опверзая намъ пушь до счасшію!

Не одни мы благоденствуемъ подъ кровомъ Монархини: тысячи сиротъ и вдовъ призрѣны Ея попеченіемъ. Духъ благоспши Ея проникаетъ въ жилище сѣтованія и скорби, и — подобно Тому, Кто опверзаетъ руку и дпшаетъ всѣ твари — Она съ вышоты престола низливаетъ щедроты на всѣ сущесства, гонимыя судьбою. Здѣсь младенцы, обреченные року, еще невѣдають десницы ихъ хранящей, еще нечувствуютъ благоспши питающей: но ихъ улыбка, ихъ радость и самая жизнь еспъ даръ Ея благошвореній. Тамъ, гдѣ старость бесѣдуетъ съ нищетою, гдѣ язвы и недуги искуша-

(*) Читана при публичномъ испытаніи 20 Января 1811.

юль шербрѣе чловѣчества, шамъ руд
 ея продиваетъ бальзамъ, услаждающій го-
 ресць, и первая улыбка облегченія есть
 дань благодарности, и бѣдный пруженивъ,
 по пути скорбей идущій въ могилъ, подъ-
 емлетъ полные слезъ очи, и взоръ его гово-
 ритъ небу: шамъ, шамъ награда благошце-
 реній!

А здѣсь, П. П. здѣсь опрони, расцвѣ-
 тая душою и пытаясь любовью къ Богу и
 Монархамъ, оживляющаяся Ея благостію, какъ
 пустынные цвѣты рососою. Уже они чув-
 ствуютъ бытіе свое и всю цѣну благошце-
 реній; но величіе щедротъ изумляетъ юныя
 сердца ихъ; безсильная благодарность не-
 вмѣщается въ нихъ — возрище, она бли-
 сщаетъ на лицахъ, и кажется говоритъ
 во взорахъ: все счастье наше есть даръ
 Монархини. И подлинно, сохранишь бы-
 тіе существа есть нѣчто великое; но образо-
 ванъ умъ и сердце, научишь наслаждаться
 бытіемъ, умножишь наслажденія развиші-
 емъ познаній и вкуса, покажешь счастье и
 открытъ путь къ нему, есть нѣчто выше
 чловѣка; и нѣжно заботишься объ оста-
 вленныхъ опраляхъ и съ высоты престо-
 ла внушаешь имъ кротость, добродѣтель и
 любовь къ избраннымъ блюстителемъ дней
 ихъ — есть нѣчто трогательное, достой-
 ное возрѣнія Небесъ. О ты, невидимо но-

сящійся надъ нами Духъ благости, призри
на чувствва существвѣ, побою хранимыхъ!
Торжествва наше есть шоржество благодар-
ности; мы только чувствуемъ оную, объ-
емлемъ съ благоговѣнїемъ Десницу насъ пи-
шающую — но, какъ дѣши, извяснишь чюд-
сшвованїй не умвемъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С Т И Х И

*на смерть Графа Николая Михай-
ловича Каменскаго.*

Чья тяжкая броня? чей шлемъ пернатый,
Щитъ, мечъ и копїе и стрѣлы чьи крылаши
На лаврахъ возлежатъ?

Вкругъ всеоружїя въ уныніи стоящъ
Вожди и воины, всѣ въ пишинѣ печальной. . .
А шамъ изъ подъ шатра гимнѣ скорбной, по-
гребальной

И благовонный фиміамъ

Несутся къ небесамъ. . . .

Кто смертною одѣянъ пеленою?

Съ увншой лаврами главою

Простертый на одрѣ лежитъ?

Сномъ непробуднымъ спитъ? . . .

Какой Герой увялъ среди побѣдъ и славы? . . .

Се щыль Срациновъ бичъ, се щыли Готффовъ
страхъ?

Каменскій! красаха, перлъ Россіа Державы!
 Се пыль, ошъ коего бѣжала смерть въ бояхъ,
 И вопреки тебѣ, швѣй вѣкъ щадила?

Тыль жизнь скончалъ не на щипахъ?...

Болѣзнь тебя сразила! . . .

Тебя, чьей маниемъ руки

Ложились въ прахъ швердыни,

Тряслись, какъ вѣтромъ листь, прошивные
 полки!

Кто былъ почтенъ ошъ самыя гордыни,

О славы юный сынъ!

Россіи упованье!

Ты палъ какъ мирный гражданинъ!

Сажень земли швое завоеванье! . . .

На блѣдныхъ сихъ щекахъ, на грозномъ семъ
 челѣ,

Примѣтна, какъ во мглѣ,

Скорбь люша, что не палъ среди славныхъ
 Россамъ боевъ! . . .

Ушѣшься, скорбна шѣнь! ушѣшься вѣтвь гет
 роєвъ!

Твой вѣкъ не крапокъ былъ,

Ты для отечества, для славы долго жилъ!

Дѣла швои — дѣла высоки!

А дни какъ быстры ясны шокки

Промчались по скаламъ,

И смерть конецъ не славъ — но дѣламъ.

Ф. Ивановъ.

К з Л и л ѣ.

(Подражаніе Горацию.)

— о о — о , о — о о — о
 — о о — о , о — о о — о
 — о — о о — о.

Кто сей красавецъ, на розахъ съ побою
 Нѣжась, играетъ, облитъ благовоньемъ,
 Въ шайномъ сумракѣ грома? —

Алые персты твои расплетаютъ
 Шолкову косу на радость счастливаца:
 Волны струйчаща злата

Пали роскошно на лидіи персей,
 Выя на рамо; — рука въ руку; шаюшъ
 Нѣгой страшною очи:

Сладостной шопашъ, и шомные вздохи,
 И лобызанья! . . . о жалкой счастливецъ!
 Скоро, скоро оплачетъ

Кляшвы и вѣрность, и призванны лесью,
 Горнія Силы въ поруки обѣшавъ! —
 Бурной плавашель бездны,

Въ ведро заспигнушъ внезапнымъ ненашьемъ,
 Скажешъ онъ поздно ужасную правду:
 „Ахъ! не вѣришь бы морю! —

Страшнымъ бы Лилы невѣришь улыбкамъ,
 Лъстивымъ вздыханьямъ коварнаго вѣпра!
 Нынѣ любезенъ; завтра

Ласки другому! . . . Ахъ, горе, кто Лилу
 Новый увидишъ! — На дскѣ сей завѣшной (*)
 Вижу я въ поученье

(*) Римляне обыкновенно въ память какого
 нибудь печальнаго или радостнаго происше-
 ствія, съ ними случившагося, вѣшали на
 стѣнѣ доску или картину, на которой онъ
 изображалось.

Стрѣлы, и свѣточь, и лукъ, и повязку,
Горестны знаки злыхъ обольщеній;

Тамъ написаны въ память
Смѣхи и слезы, надежды и страхи,
Купленны горемъ веселія тѣни;

Тамъ сплелися руками;
Вдаль другъ ошъ друга отклоншя взоры,
Спрогая Клятва и съ ней Преступленье!...

Все тебѣ возвращаю,
Богъ легкокрылый! — мнѣ роци Парнаса,
Мнѣ улыбулись! — мнѣ вѣшь радость
Съ лиры звучная Феба!

Мрзливъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Взглядъ на древній Римъ.

Praeteriti meminisse juvabit — Аен. I. II.

Римъ былъ столицею мѣра, а граждане
его героями вселенной. Онъ основанъ Рому-
ломъ и Ремомъ, внуками Нумитора, Царя
Альбъ, въ Лаціумъ, среди Ипалѣи, на бе-
регахъ Тибра. Сначала онъ былъ не обши-
ренъ — гора *Палатинская* одна вмѣща-
ла его. Число жителей за 753 года до

Р. X. не превышало въ немъ трехъ тысячъ. Сію часть города во время республики называли (*Urpidum*) *городищемъ*; часть лучшая, послѣ выстроенная, названа (*urbs*) *городомъ*. При самомъ началѣ переселились въ Римъ нѣсколько семействъ изъ города Альбы-Лонги; тогда населенъ былъ холмъ *Коллатинскій*; потомъ присоединились къ нимъ многіе чужеземцы изъ сосѣдственныхъ областей Италіи, несчастные граждане, искавшіе приспанища или убѣжища отъ рока и законовъ; въ сіе время населены еще пять холмовъ, и Римъ названъ (*septicollis*) *седмо-холмистымъ* (*). Древняя стѣна его была низка и ненадежна; Сервій Туллій возвысилъ, укрѣпилъ ее и украсилъ.

Златой вѣкъ Рима, вѣкъ могущества и славы, былъ непродолжителенъ. Вечеръ республики и утро монархіи были прекрасны! Тогда число жителей безъ сомнѣнія превышало триста тысячъ. Римъ, который прежде раздѣлялся на четыре конца или части (*regiones*), во время Августа раздѣленъ уже былъ на четырнадцать, по главнѣйшимъ зданіямъ и площадямъ народнымъ. Онъ

(*) И Римъ, великій Римъ семь горъ облегъ со-
бой.

Septemque una (Roma) sibi muro circumdedit
arces. *Georg. L. II. ad finem.*

назывались: часть *Каленская*, *Целиловъ-танская*, *Изисова* и *Сералисова* *монельная*, *Храмъ мира*, *Есквильская* съ башнею и холмомъ *Виминальскимъ*, *Высокіе переходы*, *Широкая дорога*, *Площадь Римская*, *Циркъ Фламиніевъ*, *Циркъ великой*, *Часть Палатинская*, *Авеннинъ*, *Рыбные ряды* и *Часть Запѣвская*. Каждая изъ сихъ частей гордилась величественными храмами, зданіями и вратами.

Въ числѣ храмовъ Римскихъ, коихъ считалось болѣе четырехъ сотъ, величественнѣе прочихъ былъ *Пантеонъ*, храмъ всѣхъ боговъ, обширный кругъ обведенный мраморомъ и освѣщенный сверху лучами солнца; храмъ *Юпитера Капитольскаго* почитался огромнѣе всѣхъ и прекраснѣе; тройная колоннада окружала его. Другіе славнѣйшіе храмы были: *Янусовъ*, *Боэгии мира*, *Аполлона Палатинскаго*, *Кастора и Поллукса*, *Весты*, *Согласія*, и храмы *Чести* и *Добродѣтели*, возвыгнутые *Марцелломъ*. Римляне приносили богамъ своимъ корысти свѣна и украшали ими святилища храмовъ (*delubra*). Болѣе пятидесяти прелестныхъ долинъ, посвященныхъ богамъ, назывались *фапа*; тридцать двѣ священныя рощи (*лусі*) заключались въ свѣнахъ пышнаго Рима; славнѣй-

шїя были: роца *Весты*, *Нимфы Егеріи*, *Фурины* и *Юноны Люцины*; но несравненно болѣе было капищъ (*sacella*), коя служили убѣжищемъ для несчастныхъ.

Къ числу знаменитѣйшихъ зданій Римскихъ принадлежатъ торжественныя враща, или своды; сначала ихъ было четыре, а въ послѣднія времена тридцать семь: *Карментальскія*, *Коллинскія* и *Тибуртинскія* гордились колоннадами, сшапунми и превосходною Греческою рѣзбою — одни побѣдители свѣта могли такъ высоко вознестися на воздухъ сїи торжественныя *Цезимонтанскіе*, *Лалинскіе*, *Каленскіе*, *Фламинскіе* и *Остіенскіе* своды; попомство не могло еще произвестъ ничего подобнаго. Девятнадцать площадей предославлены были для собранія народа; *Римскія*, или *Великая*, въ 800 шаговъ шириною, назначена была еще Ромуломъ. Славнѣйшія площади были: *Цезарева*, *Августова*, *Нервини*.

Тибръ, протекающій въ Римѣ отъ сѣвера къ югу, украшенъ былъ величественными мостами. Изъ нихъ главнѣйшіе намъ извѣстны: *Мильвіевъ*, *Еліевъ*, *Аврелиевъ*, *Цестіевъ*, *Фабрицевъ*, *Палатинскій* или *Сенаторскій*, и *Сублицевъ* или *Емилиевъ*. Нѣропорыми изъ нихъ сѣ-

единялись холмы, во ихъ было семь: гора *Палатинская*, *Капитольская* или *Коллатинская*, *Эсквилинская*, *Целіева*, *Авентинская*, *Квирильская* и *Виминальская*. Большихъ дорогъ, ведущихъ въ Римъ, считалось тридцать одна; главнѣйшія были: *Священная* (сапта), *Алліева*, *Емилиева*, *Валеріева*, *Фламиніева* и проч. Улицы Рима назывались (vici), и ихъ считалось 216. Каждая имѣла особенное названіе, какъ-то: улица *Альбанская*, *Югаріева*, *Ланаріева*, *Юнонина*, *Минервина*. Еще въ Римѣ находились особенныя мѣста для гулянья и для позорищъ гладіаторскихъ, называвшіяся полями; ихъ считалось до двадцати, и славнѣе всѣхъ было поле *Марсово*.

Зданія въ Римѣ ознаменованы были Греческимъ зодчествомъ вкуса Ионическаго, Дорическаго и Аѳинскаго. Капитоліумъ было самое древнее зданіе, гордившееся величествомъ и красотой; оно воздвигнуто Тарквиніемъ Прискомъ и непрерывно украшаемо было позднѣйшими государями. Куріи, предоспавленные для Сената и частію для богослуженія, были не менѣ величественны и прекрасны; славнѣйшія изъ нихъ: *Курія Римская*, *Древняя Гостильская* и *Валенская*. Четырнадцать огромнѣйшихъ базиликовъ (aedes regiae) каждый день наполнены были народомъ!

въ нихъ производились дѣла судебныя и торговыя. Намъ извѣстны базилики древнѣе — *Туліановъ*, *Павлинѣевъ*, *Константинской* и *Сицилійской*. *Фермы* отличались обширностію и величіемъ особенно во времена Императоровъ, и славнѣйшія были: *Коммодіанскія*, *Северіевы*, *Деоклеціановы*, *Каракаллинъ* и *Титовы*, въ коихъ найдена группа Лаокоонова. Сверхъ того множество было другихъ сего рода зданій, называемыхъ публичными банями.

Цирки, полукружія обведенныя стѣною и опредѣленныя для публичныхъ зрѣлищъ, служили мѣстомъ ристаній и сраженій съ дикими звѣрями. Славнѣе всѣхъ былъ *Циркъ великій*; въ нему должно причислить еще восемь, не столь обширныхъ. *Стади* также обведены были стѣнами и также предоставлены для ристалищъ, но не столько были многочисленны и обширны. *Театры* служили особеннымъ украшеніемъ городу; въ нихъ Римляне учились храбрости и любви къ отечеству. Славнѣйшіе изъ нихъ: *Театръ Помпеевъ*, *Бальбинъ* и *Марцелловъ*; но всего величественнѣе въ Римѣ были *амфитеатры*. Представляли себѣ огромную долину, вокругъ обведенную стѣною, украшенною колоннами и статуями, и раздѣленную на нѣсколько уступовъ, изсѣченныхъ изъ мрамора!

здѣсь герои вселенной взирали на героевъ, оспаривающихъ побѣду; зрѣлище достойное Рима! Развалины *Веспасіанова* амфитеатра сущесствуютъ и нынѣ подъ названіемъ *Коллизея*.

Римляне имѣли, подобно Грекамъ, свои *Одеи*, огромныя зданія, украшенныя колоннами и сшапунями, и раздѣленныя на мѣста, въ коихъ спорили между собою музыканты. Въ сихъ зданіяхъ часто происходило чтеніе, какъ нѣкогда у Грековъ: славнѣйшіе изъ нихъ воздвигнуты Домиціаномъ и Траяномъ. Сюда же должно причислить зданія другого рода, опредѣленныя для военныхъ упражненій, для бросанія диска (кружка), для борьбы и кулачнаго бою. Изъ числа сихъ упражненій, Римляне особенно любили игры: *великую*, *утреннюю*, *Дакскую* и *Емилиеву*. Зрѣлища на водѣ представлялись въ особливыхъ успроеніяхъ, подобныхъ водянымъ амфитеатрамъ; тамъ происходили примѣрныя морскія сраженія. Въ разныхъ мѣстахъ города находилось множество бесѣдокъ (*Nymphææ*), гдѣ чистыя водометы и каскады доставляли прохладу гуляющимъ.

Еще представляше себѣ множество порпиковъ, разсѣянныхъ по Риму, множество колоннадъ, украшенныхъ сшапунями, гдѣ

граждане собирались и бесѣдовали. Нѣкоторые изъ нихъ были отдѣльные; другіе примыкали къ базиликамъ, театрамъ и храмамъ. Величественнѣе всѣхъ была галерея при Аполлоновомъ храмѣ, на горѣ Палатинской, а огромнѣе прочихъ *Милліаріа*. Многія порожественныя врата воздвигнушы въ честь побѣдителей — Траяну, Нерону, Тишу, Сепшимію Северу, Константину. Сюда причислить должно еще простыя колонны, въ знакъ побѣдъ сооруженныя, украшенныя рѣзьбою и обронною работою; таковы: Траянова, Антонинова, Авреліанова и другія. Въ Римѣ воздвигали также и обелиски Египетскаго вкуса, подобныя пирамидамъ; многіе изъ нихъ перевезены изъ Египта въ Римъ съ непомѣрными издержками; еще и нынѣ существующіе нѣкоторые обелиски. Число статуй въ Римѣ было чрезмѣрное. Во храмахъ, на площадяхъ, въ портикахъ, подлѣ зданій, вездѣ находились изваянія; болѣе осмидесяти считалось колоссальныхъ.

Водопроводы заслуживаютъ вниманіе попомощва. Римляне нещадили несмѣрныхъ издержекъ для доставленія хорошей воды городу. Сихъ водопроводовъ въ Римѣ было четырнадцать; главнѣйшіе изъ нихъ: *Алліевъ*, *Марціевъ*, *Клавдіевъ*, *Селлиевъ* и *Септинскій*. Пруды обыкновенныя

украшаемы были спашуями и колоннами съ обронною работою; они доставляли прѣшнюю прохладу гуляющимъ. Въ числѣ памяшниковъ надгробныхъ величественнѣ всѣхъ былъ Августовъ; онъ имѣлъ видъ круглый, оканчивающійся вверху пирамидой, вышиною въ 385 футовъ; вся нижняя часть его существуетъ и нынѣ. Второю по немъ былъ, безъ сомнѣнїя, памятникъ Адрияновъ, шеперь замокъ свяшаго Ангела. Пирамида Кая Цесїя вся до нынѣ сохранилась.

Частныхъ домовъ въ Римѣ, въ цвѣтущее состоянїе города, считалось болѣе 48 тысячъ; соединявшїеся съ прочими назывались domus, а другїе отдѣленные insulae. Многіе дома были чрезмѣрно великолѣпны, всѣ почти изъ мрамора, со множествомъ спашуй и съ колоннами: шаковы были чертоги *Цезаря*, *Августа*, *Мамурры*, *Цицерона* и золотой дворецъ *Нероновъ*; шаковы были дома *Крассовъ*, *Аквилиевъ*, *Катуллово*, *Траяново*, *Адрияново* и другїе. Загородные дома въ Римѣ могли считаться превосходнѣйшимъ произведенїемъ искусства и вкуса, а особливо шѣ, кои назывались villae praetoriae или urbanae; они окружены были величественными садами и рощами. Славнѣйшїе изъ нихъ — *Августовъ*, *Меценаловъ*, *Лукулловъ*, *Адрияновъ*.

Сія пышность и роскошь были слѣдствіемъ безчисленныхъ побѣдъ, коими Римъ покорилъ подъ власть свою большую часть известнаго свѣта. Владѣніе Ромула едва ли простиралось на шесть тысячъ шаговъ отъ города; но сила оружія и храбрость гражданъ быстро разширили предѣлы Рима, такъ что во время Августа Евфратъ былъ границею Имперіи къ востоку; Нилъ съ Африканскими степями и Атласомъ къ югу; Дунай и Рейнъ къ сѣверу. Нѣкоторые изъ послѣдовавшихъ Императоровъ разширили предѣлы еще далѣе.

Тогда земли подвластныя Риму были, въ Азіи: *Колхида, Иберія, Альбанія, Царство Понтийское, Арменія, Сирія, Аравія, Палестина, Восторъ, Калладонія, Голатія, Вионія*, и вся *малая Азія*; въ Африкѣ: *Египеть, Кириеня, Гелулія, Африка* собственно называемая, *Нумидія* и *Маеританія*; въ Европѣ: *Италія, Гишланія, Галлія, Альпы, Норикъ, Иллирія, Македонія, Елиръ, Греція, Мизія, Дакія* и *Паннонія*. Къ сему должно причислить множество острововъ отъ столбовъ Геркулесовыхъ до Чернаго моря; въ числѣ ихъ находилась и Великобританія. Августъ раздѣлялъ всю Имперію на 12 частей; попомъ Адріяна далъ новый видъ сему образованію, и раздѣ-

лилъ Италію, Гишпанію, Галлію, Азійскую, Британію, Иллирію, Аравію и Африку на многія особенныя провинціи. Последняя и важнѣйшая переменна сдѣлана при Феодосіи Великомъ, когда Имперія раздѣлилась на восточную и западную, и когда каждая присвоила себѣ особенныя провинціи, и учредила разныя правительствва.

Въ теченіи немногихъ вѣковъ Римляне достигли могущества и славы, до того неизвѣстныхъ въ Исторіи человѣческаго рода. Духъ брани, отличившій ихъ при самомъ началѣ, содѣйствовалъ быстрымъ успѣхамъ. Предметъ честолюбія ихъ была одна только храбрость (*virtus*), а война и земледѣліе одно средство къ пропитанію. Въ новѣйшее время войско народа полагается какъ одинъ ко стну; въ Римѣ осмой долженъ былъ защищать Имперію. Сію спраснь къ опечестиву, общую и единственную, каждый Римлянинъ вдыхалъ въ себя съ самаго дѣтства: войны дѣлили между собою покоренныя земли; много содѣйствовали тому и отношенія политическія ихъ въ разсужденіи народовъ побѣжденных и союзныхъ, также самое раздѣленіе и управленіе провинцій. Одною изъ важнѣйшихъ причинъ могущества Римлянъ было то уваженіе, которое

рое умѣли они приобрѣсть и сохранить какъ ошъ сосѣдственныхъ, такъ и вообще ошъ всѣхъ внѣшнихъ народовъ.

Ромулъ, основатель Рима, былъ первымъ законодательмъ и Государемъ; за нимъ слѣдовали еще шесть Государей: Нума, Тарвиній Прискъ, Тулъ Госпилій, Анвъ Марцій, Сервій Туллій и Тарквиній Супербъ, всѣ съ возвышеннымъ духомъ и рѣдкими дарованіями; они дѣятельностію своею увеличили государство и привели въ лучшее состояніе. Главнѣйшія произшествія въ царствованіе Государей были: раздѣленіе народа на поколѣнія, куріи, классы и сошни; раздѣленіе на патриціевъ и плебеевъ; учрежденіе Сенаша, богослуженія, лѣтосчисленія, военной дисциплины, и наконецъ исчисленія и переписи народа. Вообще правленіе Рима было въ сіе время болѣе смѣщенное, нежели монархическое, и хотя имѣло видъ грубый и несовершенный, но уже заключало въ себѣ по основанію, на кошоромъ послѣ утвердилось его величество и сѣ составила цвѣтущая республика. Римъ въ сіе время былъ въ войнѣ непрерывной, и продолженіе войны доставило ему блистательные успѣхи; ибо Римляне никогда не заключали мира, не одержавъ побѣды. Наконецъ, чрезъ 245 лѣтъ послѣ основанія,

Римъ содѣлался республикою, и сначала управляемъ былъ аристократически патриціями, потомъ плебеями, коихъ власть, поддерживаемая Трибунами, возрастала непрерывно. Въ сіе время владычество Римлянъ возвысилось, могущество утвердилось, законы содѣлались благоразумнѣе и почтнѣе. Духъ Римлянъ всегда былъ великъ и благороденъ; они отличались простотою и непорочною нравовъ, высокостію предприимчивости и пламенною любовію къ отечеству. Самымъ цвѣтущимъ временемъ республики было начало шестого вѣка, особенно 16 лѣтъ второй войны Пунической. Тогда Римъ былъ на верху величія и славы; но скоро потомъ усилилось развращеніе нравовъ. Римляне одержали многія побѣды надъ Греками и жителями Азіи; ихъ легионы, живучи долго въ царствѣ нѣги и овладѣвъ Коринѳомъ, познали всю прелесть роскоши. Тогда пышность и безмѣрная забава ослабили мужественный духъ побѣдоноснаго народа, и уклонили его отъ древней твердости и благородства; но тѣ же причины съ другой стороны содѣйствовали образованію вкуса, и родили охоту ко всему изящному.

Н. К.

О нѣкоторыхъ историкахъ.

Т а ц и л ь.

Жизнь Августа не представляетъ ли намъ разительнаго нравственнаго урока? Какое поржество для добродѣтели! видишь, что сей жестокой прѣумвиръ, упоенный кровію согражданъ своихъ, не находитъ другаго средства избѣжать страха и заговоровъ, какъ представить себя имѣющимъ шъ добродѣтели, которыя были ему совершенно чужды, и которыя въ послѣдствіи онъ дѣйствительно принялъ, усмопрѣвши, что имъ однимъ обязанъ онъ своимъ покоемъ и безопасностію. Какъ жаль, что не Тацитъ изобразилъ сію картину, Тацитъ, которой въ жизни Тиверіа представилъ намъ порокъ столько отвращительнымъ и добродѣтель столько привлекательною! Вспомните, какими красками живописуетъ онъ сего владыку мѣра, предъ которымъ все шрепещетъ, но котораго снѣдаютъ горести, ибо повсюду видишь онъ себя окруженнаго пропастію. Скучая самимъ собою, Римомъ и своею властію, Тиверій удаляется въ Капрею; но скоро начинаетъ чувствовать, что избѣжать отъ самаго себя не можетъ. Тщешно старается онъ прекратитъ грызенія совѣсти, разсѣять страхъ свой и безпокойство, упоая въ сластолюбіи. Вамъ кажется, будто онъ

воскликаетъ ежеминутно: *Discite justitiam, toniti.* И я научаюсь, что богатство и обладаніе цѣлымъ міромъ не дѣлаютъ счастливымъ. Если бы Тиверій, говорю я самъ себѣ, подражалъ Августу, то могъ бы пользоваться и покоемъ его. Весьма видно, сколько красота заимствуешь Исторія отъ нравственности, когда пишется рукою Тацита. Смерть Гельвидія меня поражаетъ; но спокойствіе, съ каковымъ онъ встрѣтилъ ее, заставляешь меня почти завидовать судьбѣ его, или по крайней мѣрѣ душа моя возвыщается, когда о томъ читаю. Ни одинъ человѣкъ, по повелѣніямъ Тиверія, не лишается жизни, чтобы Тацитъ изъ того случая не извлекъ наставленія, полезнаго для своихъ читателей. Такъ, нравственность необходимо соединяется съ Исторіею: ибо по вѣчнымъ, непремѣннымъ законамъ Провидѣнія добродѣтель наполняетъ сердце чловѣка сладкою пищиною и спокойствіемъ, наиранивъ того. порокъ страхомъ и смятеніемъ. Первою приобретаю любовь моихъ согражданъ; послѣднимъ навлекаю на себя ненависть ихъ и презрѣніе. Къ сему прибавлю — и на то не нужны доказательствъ — что счастье и несчастіе царствъ подлежатъ тѣмъ же законамъ. Ложная политика можетъ доставить царству мгновенное благосостояніе, можетъ возвысить

его на шеперь величїя, обилїя и силы; но оно должно всегда спрашиться непри-
ятнаго оборота. Уже неимѣстѣ къ нему
довѣрїя, и враги его соединяются на его
испроверженїе. Всякое царство падаетѣ,
когда нравы составляющихъ оное испорче-
ны, и когда законы ослаблены порокомѣ.

Т и л ь - Л и в і й.

Ливїй въ Исторїи своей пробѣгаетѣ
всѣ постановленїя Римлянѣ; ни одинѣ за-
конѣ, сдѣлавшїй перемѣну въ благососто-
янїи и спрасяхѣ патриціевѣ или наро-
да, не забытѣ имѣ. Я имѣю предѣ сво-
ими глазами нравы, обычаи, доходы и за-
коны республики; вижу смѣшенїе добродѣ-
шелей и пороковѣ, которыя сражаются съ
неравными однѣ противѣ другихѣ силами.
Всякой гражданинѣ, который своимѣ при-
мѣромѣ потрясѣ или утвердилѣ консти-
туцію, поставленѣ предо мною, такѣ
что при самой малой способности судить
о дѣлахѣ, я предусматриваю невѣроятное
возвыщенїе судьбы Римлянѣ. Нѣкоторые
пороки — напримѣрѣ жадность и честолюбїе,
которыя не могли испровергнуть законовѣ,
охраняемыхѣ славолюбїемѣ и любовїю къ
опечесиву, но которыя по временамѣ
возвыщали главу свою — показываютѣ
мнѣ, какая нѣкогда будетѣ власнѣ ихѣ;
я предусматриваю, что всеобщему ихѣ

господствованію все покорился, и на мѣстѣ вольности возсѣдѣвъ единовластіе.

Посмотри, какъ Ливій въ началѣ Истории своей пробуждаетъ любопытство читателя. *Res Romana, quae ab exiguis profecta initiis, eo creverit, ut jam magnitudine laboret sua.* Для меня приятно видѣть по неизмѣримое разстояніе, какое между Римомъ возникающимъ и Римомъ. владыкою свѣта находишься. Тогда принимаю участіе во всѣхъ малостяхъ, которыя рассказываютъ мнѣ о Ромулѣ и его послѣдователяхъ. Еще ничто не вѣщаетъ мнѣ о началѣ великой Имперіи; но, къ счастію Рима, Тарквиній обращаетъ на себя ненависть, изгоняется изъ города. Здѣсь Историкъ опять возбуждаетъ мое вниманіе, говоря, что вольность только при Тарквиніи должна воспріять начало свое, дабы граждане не употребили ее во зло. Сіи слова предуготовляютъ меня къ великости и паденію республики. Съ удовольствіемъ читаю первыя жалобы Римлянъ на Волсковъ, Тосканцевъ и Сабиновъ, и безпрерывныя несогласія паприціевъ и плебеевъ. Опъ чего? ибо вижу народъ, который въ раздорахъ, по видимому маловажныхъ, приобретаетъ великую крѣпость и способности, готовится себя къ великимъ дѣламъ, и приближается, хотя медленно, къ цѣли,

къ которой призывають нравы его и образъ правленія.

Θυκιδιδης.

Сей писатель Исторіи, которому вся древность удивляется, картиною паденія Греціи представилъ намъ образецъ шворенія. Вольные города Греціи, упоенные славою побѣды надъ Керксомъ, чувствуютъ необходимость уничтожить прежній союзъ между собою. Фукидидъ изображаетъ Грековъ въ ту минушу, когда они готовятся совершенно забыть законы своего соединенія. Надмѣнностію Аѣинъ оскорбляется гордость Спаршы, и вся Греція раздѣляется, подкрѣпляя самолюбіе сихъ двухъ городовъ съ такою храбростію и мужествомъ, какъ будто бы сражается за опечесство. Равныя добродѣтели, равныя способности представляютъ прекрасное зрѣлище. Наконецъ сіи вольныя области приходятъ въ безсиліе, опшавиваясь на предпріятія, превышающія силу ихъ, и скоро храбрость и мужество дѣлаются для нихъ скучными; ибо онѣ прошивны уже новому ихъ вкусу. Изъ сего положенія Аѣинъ и Лакедемона являюща безначаліе въ Греціи, а изъ сего безначалія возниааетъ величество Македоніи.

Иродіанъ. —

Сей древній писатель Исторіи начинаетъ съ Коммода, когда слава опца поста-

вила его на опасной степени. Уже злодѣя пышается бѣжать силъ своихъ пресупленій. Но скоро пороки народа внушаютъ въ него мужество; силъ идетъ по слѣдамъ Нерона, и подобно ему сопровождается при смерти проклятіями подданныхъ. Тогда военная демократія достигаетъ высочайшей степени. Еще при Тиверіи можно было видѣть ея начало; ибо еще тогда начинали легіоны думать, что государство должно быть въ ихъ рукахъ, потому что они составляютъ силу онаго. Наконецъ когда Препоріанскія войска довольно познакомились съ сею мыслию; тогда выставили они государство на продажу. Примѣру ихъ послѣдовали другія арміи, и каждая хотѣла сдѣлать Государемъ своего любимца.

Среди междоусобныхъ сраженій примѣчается еще оснанокъ древняго образа мыслей; видно, какъ зрѣтъ великая перемена, долженствующая послѣдовать за наступающими раздорами. Северъ, спрашащійся Альбина, дѣлаетъ его Императоромъ, дабы выиграть время къ истребленію Нигера, и потомъ напасть на самого Альбина. Скоро, для безопасности Императора, предпринимать раздѣлить государство, и Антонинъ царствуетъ съ Гетою. Макринъ, наследникъ ихъ, возводитъ сына своего въ достоинство Императора, чтобы только обезопасить себя со стороны двухъ армій.

Всѣ сіе наѹчаешъ , что полишника спрастей не имѣетъ другаго искуства , какъ только дѣйствовать по обстоятельствуамъ и покоряться онымъ.

В о л ь т е р ь .

Опними у писателя Исторіи познаніе спрастей , и полишника его сдѣлается невѣрною , колеблющеюся. Въ одномъ мѣстѣ будетъ онъ Макіавель , въ другомъ превознесетъ добродѣтель и вѣрность. Ревностно защищая роскошь , онъ будетъ смѣяться надъ правительствомъ ; а въ другомъ мѣстѣ будетъ говорить , что „Швейцары не знали ни художествъ , ни наукъ , производшихъ роскошь , но были умны и счастливы.“ Самыя мудрыя правила , порывающія его туда и сюда , будутъ только служишь доказательствомъ , что здравой разсудокъ не есть его удѣломъ.

Вотъ судъ о Всеобщей Исторіи Вольтера. Еще можно бы имѣть снисхожденіе къ худой его полишику , худой нравственности , незнанію и дерзости , съ каковыми онъ многія произшествія обезобразилъ , если бы покрайней мѣрѣ была надежда найти въ немъ стихотворца , который бы оспергался уязвлять , и старался выражать спрасти истинными ихъ признаками ; найши сочинителя , который бы зналъ , что Исторія нешерпихъ глупыхъ арлекинскихъ

выраженій, и что весьма жестоко и оскорбительно смѣяться надъ заблужденіями; сославляющими счастье человѣчества.

Исторія должна просвѣщать умъ и исправить сердце. — Когда люди, имѣющіе высшее назначеніе, почерпаютъ изъ Исторіи познанія нужныя къ управленію Государствомъ; тогда другіе должны научиться изъ оной, какъ граждане, своимъ обязанностямъ. Историкъ долженъ глубочайшее имѣть уваженіе къ обычаямъ и нравамъ; онъ долженъ научать меня любить благосостояніе человѣчества, мое опеченство, справедливоспъ; онъ долженъ открывать пороки, чтобы тѣмъ починить болѣе добродѣтель. Добрыя правила, внушаемыя мнѣ Исторіею, должны меня предуготовить къ поддержанію намѣреній благомыслящаго начальства. Она должна сослать меня въ такое состояніе, чтобы начальство уважало мои мнѣнія, чтобы я могъ защитить его отъ необузданныхъ спраспей, копорымъ оно болѣе, нежели обыкновенный гражданинъ, подвержено, и чтобы я могъ содѣйствовать началству въ исполненіи правосудія.

(Изъ Мабліа.)

23 Февраля, 1811.

Дедюхинъ.

III. С М Ъ С Ъ.

Любопытный анекдотъ.

Слѣдующій анекдотъ почитается загадкою въ Англійской исторіи правленія Карла I, и есть почти по же, что во Французской приключенія съ Желѣзною Маскою, при Людовикѣ XIV. Онъ достоинъ примѣчанія.

„Георгъ II возвратившись въ Лондонъ послѣ Дешингскаго сраженія, не могъ безъ досады видѣть Лорда Спера, которой баскучилъ Королю слишкомъ смѣлыми предствленіями своими объ опасности, угрожавшей Англійскому войску, ежели Король оставитъ оное въ прежнемъ положеніи. Въ самомъ дѣлѣ только безразсудная неперѣливость Дюка Граммонша спасла его; иначе оно было бы совершенно разбито. Лордъ Сперъ, человекъ сколько гордый, столько и искусный въ военномъ дѣлѣ, примѣтивши хѣлодность Короля, незахотѣлъ дожидаться явной немилости и собрался бѣжать въ Шотландскія свои деревни. Вдругъ получаетъ слѣдующую записку:

„Милордъ! неуспрашимость ваша извѣстна. Отважитесь ли вы завтра при наступленіи ночи явиться подлѣ Соммерсетскаго ямка? Вы тамъ найдете человека, которой, если только согласитесь идти за нимъ, поведетъ васъ въ самую глухую часть города, гдѣ

нѣкто, нетерпѣливо желающій видѣть васъ, ошкросѣвъ вамъ весьма важныя тайны, коихъ не лзя ввѣрить бумагѣ. Ижели боитесь, чтобы васъ не ограбили, то не берите съ собою ничего дорогаго.“

„Милордъ Стервъ не зналъ, что думать по проченіи записки: не распавляе ли сѣтей какой-либо тайный неприятель? не любовное ли приглашеніе отъ какой-нибудь героини, которая желаетъ быть неизвѣстною? Какъ бы то ни было, онъ рѣшился идти къ назначенному мѣсту.“

„Запасшись парюю пистолетовъ и взявши шпагу, Лордъ явился у воротъ Соммерсешскаго замка при наступленіи ночи. Какой-то человекъ, неговоря ни слова, повелъ его за собою. Почти черезъ часъ они пришли въ одну пустую улицу. Путеводитель поступался у небольшого домика; дверь отворилась. Войдяше, Милордъ! сказалъ проводникъ, и дверь опять затворилась. Неуспрашиваемый Лордъ, держа въ одной рукѣ шпагу а въ другой пистолетъ, взошелъ по маленькой лѣстницѣ, и очутился въ комнатѣ, убранной весьма по старинному. „Подойдите, Милордъ! произнесъ нѣкто слабымъ голосомъ изъ алкова: бойтесь ничего; сядьте здѣсь; и поговоримъ.“ Очень хорошо, отвѣчалъ Милордъ Стервъ: только прошу васъ поскорѣе приступить къ дѣлу и объявить мнѣ, что значитъ это странное приключеніе. „Потерпите немного, сказалъ неизвѣстный: сперва положите свое оружіе, возьмите ещѣ стулъ и посмотрите на меня.“ Лордъ, удивленный повелительнымъ тономъ, къ кото-

рѣшму не привыкъ, взялъ лампаду, подошелъ къ постелѣ и чрезвычайно изумился, увидѣвъ старика блѣднаго, сухаго, бородапаго. Уга- сающіе взоры его устремлены были на Лорда: „Посмотрите на меня, продолжалъ неизвѣ- стный: вы видите человѣка, на лицѣ котора- го старость и злоключенія изгладили прежнія черты; видѣте человѣка, которой очень долго ненаслаждался счастіемъ подобнымъ шепереш- нему, и которой въ васъ находитъ сходство, пріятнѣйшее его сердцу.“ Лордъ Стеръ, при увеличивающемся удивленіи своемъ, неговорилъ ни слова; и старался изъяснить себѣ разныя движенія незнакомаго. „Наклонись; сказалъ старикъ; и доспаньше ящичекъ изъ подъ моей постели. Въ немъ найдете бумаги; посред- ствомъ которыхъ можете вознаградить себя за великіе убытки, причиненные фамилии ва- шей междоусобными войнами.“ Лордъ доспалъ ящичекъ, и положилъ его на постелю. „Здѣсь находятся; продолжалъ старикъ; купчія за- писи на три главныя волости; принадлежав- шія вамъ предкамъ; и уничтожительныя документы, которые столь ясны, что по при- бытіи въ Шотландію вы немедленно получи- те имѣніе свое отъ нынѣшнихъ владѣльцовъ. Взяты всѣ нужныя предосторожности, что- бы вамъ неспрѣтились какія-либо препят- ства.“ Лордъ былъ пораженъ удивленіемъ; увидѣвши бумаги, дающія ему неоспоримыя права обратно получить имѣніе; которое из- древле принадлежало его дому. Но кто вы, о старецъ почтенный и благотворительный? воскликнулъ Лордъ: кого обязанъ я почитать болѣе нежели моего родителя? Вога ради ска- жите; объявите мнѣ имя благодѣтеля моего; коего дни Небо продлило какъ будто для шогѣ;

чтобы найти во мнѣ нѣжнѣйшаго друга и признательнѣйшаго человѣка. — „Перестаньте, любезный Лордъ! сказалъ старикъ: я слабъ, и долго немогу выдержать столь протяжительнаго разговора. Возьмите съ собою ещѣ ящичекъ, и проститесь на вѣки съ несчастливцемъ, которой находить для себя нѣкоторое облегченіе, прижимая васъ къ своему сердцу.“ — Кто бы вы ни были, отвѣчалъ Милордъ Стеръ, и какая причина ни заставляла бы васъ скрывать свое имя, не ужели вы поступили со мною столь жестоко? не ужели хотите, чтобы я оставилъ васъ въ шеперешнемъ вашемъ состояніи, когда вы безъ помощи, безъ друзей, въ такой бѣдности? — „Перестаньте, Милордъ, сказалъ неизвѣстный: мнѣ очень приятно видѣть въ васъ такія благородныя чувства; знайте, что сколь ни злополученъ другъ вашъ (по крайней мѣрѣ вы почитаете меня достойнымъ сего названія), но онъ впрочемъ неперпитъ ни въ чемъ недостатка. И такъ, ежели хотите одолжить меня, то оставьте меня въ сію минуту. Еще прошу васъ объ одномъ снихожденіи, думая, что имѣю право отъ васъ его требовать. Покайтесь, что не придете сюда, пока не будете мною призваны.“ Лордъ Стеръ, судя по рѣшительному тону старика, заключилъ, что надобно повиноваться; взялъ ящичекъ, и обнявъ своего благодѣтеля, проливая слезы.

„Пришедши домой, онъ отперъ ящичекъ, и нашелъ въ немъ множество бумагъ весьма полезныхъ. На другой день, не смотря на данную клятву, Лордъ собрался идти къ старику; но письмо запечатанное фамильнымъ

гербомъ и подписанное именемъ *Георги Сте-
рли*, заставило его опшмѣнить свое намѣреніе.
Въ письмѣ было написано слѣдующее:

„Не приходите ко мнѣ болѣе, любезной
Лордѣ; вы уже меня не найдете. Еслибъ ну-
жно было объявить, что я дѣдѣ вашѣ, давно
почищаемый умершимъ, то я не утаилъ бы
отъ васъ имени вашего благодѣтеля. Но
предвидѣнныя мною слѣдствія, которыя про-
изошли бы отъ такого признанія, и увѣрен-
ность моя въ томъ, что по слабости здоровья
невыдержалъ бы я никакой прогашельной сцены,
недозволили мнѣ удовлетворить вашему любо-
пытству; и потому я не открылъ вамъ шѣхъ
обстоятельствъ, по которымъ увидѣли бы вы
передъ собою не предка, достойнаго всей люб-
ви вашей и почтенія, но несчастливца . . .
изверга, болѣе удобнаго возбудить ужасъ не-
жели жалость.

„Отецъ мой умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ
до моего рожденія; скоро и мать моя послѣдова-
ла за нимъ въ могилу. Я остался на попе-
ченіи своей тетки, сестры моего опца, ко-
торая воспитывала меня съ такою нѣжно-
стію, что и теперь еще не могу забыть ея
благодѣяній, хотя она была причина моего
преступленія. Имѣя 17 лѣтъ отъ роду, я
сильно вознегодовалъ на согражданъ моихъ,
возспавшихъ противъ своего Государя, и рѣ-
шился предложить Карлу I себя самаго, имѣ-
ніе свое и шпагу. Какъ же удивился я, когда
объявивъ теткѣ о своемъ намѣреніи, увидѣлъ
ее дрожащую, подымающую къ небу руки и
устремившую на меня ужасающіе взоры! Съ
прискорбіемъ и въ изумленіи убѣдительно я

и расказавъ ее объязишь причину своего безпокойства. Ты пребуешь? воскликнула она рыдая; знай же, что Государь, которому ты хочешь такъ непериблнво посвятить себя на службу, есть виновникъ моего поношенія и смерти моего родителя. На пятнадцатомъ году своего возраста я находилась при Королевѣ, его матери. Тогда нечестивой, пользуясь неопытносною моею и легковѣрнмъ, вознамѣрился оболестишь меня. Онъ произнесъ ужасныя клятвы; я повѣрила имъ, и погубила себя невозвратно. . . . Скоро послѣ того вѣроломный Государь сей отправился въ Испанію жениться на Инфантѣ. Я оспалась бы въ поношеніи, еслибъ отецъ твой не приѣхалъ тогда въ Лондонъ. Надлежало вѣрнть ему несчастія мои со всѣми ихъ послѣдствіями. Почтенный братъ, сильно пронутый моимъ сощояніемъ, потчасъ выпросилъ у Королевы увольненіе меня отъ должности, и я отправилась въ помѣстье его, находящееся подлѣ Единбурга, и тамъ жила до своего выздоровленія. Увы! продолжала моя тетка: мнѣ суждено было невидѣть его болѣе. Печаль о моемъ несчастіи повергла его въ могилу. Достойная супруга его, мать твоя, не пережила его; она скончалась спустя мѣсяць послѣ его смерти. . . . Вошь, любезной племянникъ, тайныя и плачевныя причины, заславляющія меня жить въ уединеніи. Тебѣ только одному теперь стали онѣ извѣстны. Разсуди же, любезной другъ мой, долженъ ли ты жертвовать имѣніемъ своимъ и жизнію тому, кто обезчестилъ твою фамилю, низвелъ въ могилу отца твоего и мать и оправдалъ сердце мое вѣчными угрызеніями. Нѣтъ! воскликнула я, нѣтъ! нечестивый соблазнитель недостойнѣ жить на свѣтѣ, и

я Богомъ клянусь, что онъ умретъ отъ руки моей! Теперь, Милордъ, надлежало бы мнѣ увѣдомить васъ, какими путями достигъ я своей цѣли, какія хитрости изобрѣпала безпрестанно усиливающаяся во мнѣ злоба, и на что покушался я для исполненія ненавистной своей кляпвы; надлежало бы описатьъ мучительнѣйшія угрызенія, раздиравшія мою душу: но силы мои для того недостаточны: чпобы гнушались мною столько, сколько я само собою гнушаюсь, будьте довольны и тѣмъ, ежели скажу вамъ, что *человекъ закрытый душою, на ешафотѣ отравившій королю несчастному Карлу I, былъ не во другой какъ недостойный и преступный дѣдъ вашъ Георгъ Стеръ.*“

Между 1649 годомъ, въ началѣ котораго Карлъ I былъ казненъ, и Деттингскимъ сраженіемъ, случившимся въ 1743 году, прошло девяносто чепыре года. Ежели предположить, что Сиръ Георгъ Стеръ былъ двадцати лѣтъ во время упомянутой казни: то выходитъ, что въ 1743 году имѣлъ онъ сто чепырнадцать лѣтъ.

Безыменный издатель сего анекдота прибавляетъ, что хоша Лордъ Стеръ прочитавши письмо былъ до крайности удивленъ и расстроганъ, однакожъ не забылъ въ ту же минуту послать освѣдомиться объ улицѣ и домѣ, гдѣ видѣлъ своего дѣда, но что тамъ никого уже не опыскано. Едва могав узнать отъ сосѣдей, что домъ занятъ былъ передъ тѣмъ только за недѣлю; что на кануи всѣ служители изъ него вышли, оставивши старинные уборы, видѣнные Лордомъ; наконецъ,

что имя наемщика никому не известно, поэтому что хозяинъ съ давняго времени живеть въ Америкѣ.

Всѣ историки согласно упоминаютъ, что отрубившій Карлу I голову имѣлъ на лицѣ тогда маску; но ни одинъ, сколько намъ известно, не пускается въ догадки о семъ неизвѣстномъ человѣкѣ. Мы не выдаемъ анекдота о Лордѣ Сперѣ за такой документъ исторической, которой снимаетъ завѣсу неизвѣстности; однакожъ почитаемъ оной довольно любопытнымъ, и пошому предлагаемъ его благосклоннымъ своимъ читателямъ,

(Изъ Сѣв. Пч.)

Мысли и замѣчанія (*).

Скажемъ безъ припворства: въ сердцѣ нашемъ есть нѣчто заславляющее насъ любвию славу. Римлянамъ швердили о *вѣчности* ихъ города, и такимъ образомъ содѣлали ихъ завоевателями цѣлаго міра, такимъ образомъ дали имъ возможность оставишь по себѣ имя бессмертное въ Исторіи.

*

Непостоянство дѣлъ человѣческихъ имѣеть удивительную противуположность съ прочностію другихъ твореній въ натурѣ. Какъ будто для посмѣянія надъ человѣчески-

(*) Извлеченныя изъ новой Французской книги: *Itinéraire de Paris à Gerusalem par M. de Chateaubriand.*

ми обществами, даже безсловесныя пшари сохраняютъ древніе обычаи свои въ неизмѣняемомъ видѣ. Находясь на холмѣ Музея, я видѣлъ, какъ аисты, построившись въ порядокъ, направили полетъ свой къ Африкѣ. Передъ симъ за двѣ тысячи лѣтъ они также ошлѣтали въ страны южныя. Тогда были они свободны и счастливы въ отечествѣ Солона, въ Минервиномъ градѣ; и теперь остаются они такими же въ помѣстьѣ начальника черныхъ евнуховъ. Съ высокихъ гнѣздъ своихъ они смотрѣли на измѣняющійся родъ человѣчскій. Между шѣмъ какъ племена нечестивыя размножались на могилахъ людей православныхъ, молодой аистъ постоянно кормилъ старга своего родишеля. . . .

*

Можетъ быть вообще цѣлые народы, подобно людямъ въ особенности, бываютъ жестоки въ старости своей какъ и въ младенчествѣ; можетъ быть разумъ народовъ истощается. Когда онъ все уже произвелъ, все испыталъ, всѣмъ насладился и пресытился, когда сдѣлался уже неспособнымъ производить; тогда онъ грубѣетъ и возвращается къ первымъ, единственно физическимъ ощущеніямъ. Христіанство недопуститъ нынѣшніе народы дожить до старости, сколько плачевной. Но ежели вѣра угаснетъ между нами; то легко спастись можетъ, что снова раздаваться будутъ вопли умирающихъ гладиаторовъ, тамъ гдѣ нынѣ слышимъ скорбныя званія Федры и Андромахи.

*

Два предмета оживаютъ въ сердцахъ чловѣка по мѣрѣ приближенія его къ предѣламъ жизни: ошечество и вѣра. Объ нихъ часто

забываютъ въ лѣта юности; но рано или поздно они являются намъ въ видѣ прекраснѣйшемъ, и пробуждаютъ въ сердцахъ нашихъ досподолжную къ себѣ любовь и уваженіе.

✽

Спарта и Аѳины сохраняютъ различные характеры въ самыхъ даже своихъ развалинахъ: развалины Спарты печальны, важны, безлюдны; Аѳинскія веселы, живы, обитаемы. Взглянувши на отечество Ликурга, вы предаетесь мыслямъ важнымъ и глубокимъ; душа ваша примѣпно возносится и увеличивается; передъ градомъ Солоновымъ вы плѣняетесь прелестями ума, и думаете о совершенствѣ чловѣка, какъ существа разумнаго и бессмертнаго. . . . Переходя отъ развалинъ Лакедемона къ развалинамъ Аѳинъ, я чувствовалъ, что хочу умереть съ Леонидомъ, а жить съ Перикломъ.

✽

Мореходцамъ на сушѣ легко сдѣлаться кошунами; но опасности — о какъ страшна онѣ для нашего суемудрія! Въ минуту опасности чловѣкъ становится набожнымъ; свѣпильникъ философіи не столько ободритъ его во время бури, сколько лампада, горящая передъ иконою Богоматери.

✽

Надобно принаровляться ко времени, сказалъ мудрецъ. Не потому ли неблагодарные скоро забываютъ свою обязанность, честолюбцы нерадивы о побѣжденномъ, прусы становятся на споронѣ побѣдителя? Удивительная мудрость чловѣческая! правила ея, обыкновенно излишнія для истинной добродѣтели, часто служатъ убѣжищемъ пороку.

✽

Путешествующій по Іудеи сперва чувствуешь въ сердцѣ своемъ ужасную скуку; но переходя пустыни, мало по малу уснаживаешь передъ собою пространство безпредѣльное, и скука для него исчезаетъ. Онъ ощущаетъ въ себѣ тайный ужасъ, но ужасъ, отъ котораго душа не унываетъ, сердце ободрается, разумъ возносится. Необыкновенныя виды вездѣ показываютъ землю, изобилующую чудесами. Палящее солнце, свирѣпый орелъ, сухая смоковница, вся поезія, всѣ картины священнаго писанія представляются взорамъ. Каждое имя заключаетъ въ себѣ таинство, каждая пещера возвѣщаетъ о будущемъ, каждая вершина горы отдаетъ пророческіе звуки. Здѣсь, на сихъ берегахъ, слышанъ былъ гласъ самаго Бога. Изсохшіе потоки, разпадшіеся утесы, отверзтыя могилы о чудесахъ свидѣтельствуютъ. Пустыня, кажется вамъ, нѣмощствуетъ отъ ужаса, и какъ будто не дерзаетъ нарушить молчанія съ тѣхъ поръ, какъ раздался въ ней гласъ Вѣчнаго,

Можно ли бытъ нечувствительну къ пожертвованіямъ человѣка, потому только что онъ носитъ клубокъ, длинную бороду и веревочной поясъ? Что до меня, я пошелъ бы въ нѣдра земли искать добродѣтели; пошелъ бы къ почитателю Вишну или великаго Ламы, лишь бы только удостоиться созерцать доблести и имъ удивляться. Великодушныя поступки нынѣ столь рѣдки, что надобно уважать ихъ, не смотря на одежду и неразбирая, чѣмъ исполнимель ихъ покрываетъ свое тѣло, опшьяническою ли ризью, или философскою епанчею.

Кто чувствителенъ къ изящности, къ искусствамъ, къ заманчивости живописческаго расположенія, къ богатству въ описаніи подробностей, къ точности характеровъ, къ благородству чувствій; тотъ люби читашъ *Освобожденный Иерусалимъ* Тассовъ. Это поема вояновъ: она дышетъ мужествомъ и славою; она, кажется, писана была на щитѣ среди военнаго спана.

✱

Описаніе жизни мореходца обыкновенно нравится намъ и доставляетъ удовольствіе. Безпрестанной переходъ отъ тишины къ бурѣ, быстрая перемѣна земель и климатовъ не даюшъ засыпать воображенію мореходца. Онъ самъ есть точное подобіе вообще жизни человѣческой: всегда намренъ остаться въ пристани, и всегда плаваешь: ищешь благополучныхъ острововъ, которыхъ никогда не находишь, и на которыхъ попчасъ бы сучать началъ жизнью; говоритъ съ восторгомъ о тишинѣ, и безпрестанно подвергается бурямъ.

О новоизобрѣтенной водолазной машинѣ, названной Триптономъ.

Въ *Запискахъ о художествахъ и ремеслахъ* (Annales des Arts et Manufactures) помѣщено любопытное описаніе Триптона, такъ называемой водолазной машины, недавно изобрѣтенной г-мъ Дридбергомъ. Кто нехочетъ знать, что дѣлается внутри моря? Приходи опускайся на морское дно, и дру-

тая прихоть же летать подобно птицамъ подъ облаками, не шеперь, но очень давно уже начали беспокоить человѣка; нашему вѣку суждено удовлетворить послѣдней. Чудесное изобрѣшеніе аероспатовъ шѣмъ болѣе достойно уваженія, что оно есть не случайное или подрожательное, многимъ другимъ подобное открытіе, но плодъ новой науки, плодъ важнѣйшихъ изслѣдованій по такой части Физики, которая очень мало постигается чувствами, и болѣе подлежащая проникательности разума.

И такъ на воздухѣ мы уже показали свое искусство; но до нынѣ еще неимѣли равныхъ успѣховъ внутри влажной стихіи. Два очень важныя препятства недозволяли человѣку быть долго подъ водою: отсутствіе воздуха и давленіе отъ влаги. Первое ощущается поначасъ послѣ погруженія въ воду дыхательныхъ частей тѣла; а послѣднее беспокоитъ водолаза шѣмъ болѣе, чѣмъ глубже онъ опускается. Самые опытные люди не могутъ болѣе двухъ или трехъ минутъ оставаться подъ водою; въ пятнадцать или двадцати фузахъ глубины давленіе отъ влаги бываетъ нестерпимо, препятствуя движенію рукъ, и нерѣдко причиняетъ опасныя припадки. Для отвращенія сего неудобства были выдуманы металлическія кольчуги съ кожаными на сошвахъ промежутками; но оказалась другая невыгода, большая трудность въ движеніи и сверхъ того опасность отъ вторженія воды внутрь кольчуги, чего отвратить почти никакъ невозможно. Ныряя въ сихъ машинахъ, водолазъ вбиралъ въ себя и выдыхалъ воздухъ посредствомъ трубокъ, кѣихъ отвера-

тія были надъ водою. Но изъ всѣхъ снарядовъ, способствующихъ имѣть при себѣ воздухъ, извѣснѣйшій и болѣе употребительный есть такъ называемый водолазныи колоколь: Онъ дѣлается на подобіе чаши конической фигуры; въ основаніи своемъ имѣетъ отверстіе, а сверху прикрѣпляется къ веревкѣ, которую спускаютъ посредствомъ блока. Находящійся подъ симъ колоколомъ водолазъ можетъ опуститься на двадцать пять или на тридцать футовъ глубины и пребыть подъ водою часъ или болѣе; смотря по обширности колокола. Дѣйствіе сжатого воздуха; хотя впрочемъ весьма безпоякое, не столько опасно какъ давленіе отъ влаги. Но вода; гнетя воздухъ, поднимается въ машинѣ по мѣрѣ углубленія оной и сверхъ того въ пропорціи количества воздуха, теряющаго упругость свою отъ дыханія. Замѣтитъ еще необходимо, что водолазъ, находясь въ верхней части колокола, необходимо отдѣлялся слоемъ воды, болѣе или менѣе толстымъ; отъ нѣхъ вещей, на которыя долженъ онъ дѣйствовать; слѣдственно онъ едва могъ только распознавать предметы на днѣ; когда оно не мутно, и направляетъ на нихъ щипцы или крючья, дѣйствующія сверху. Выдумали способъ опускаться къ водолазу боченки съ воздухомъ, которыя могъ онъ выпораживать подъ колоколомъ, въ то же время выпуская черезъ кранъ воздухъ сжатый и испорченный дыханіемъ: *Галлей*, изобрѣшатель сего способа, просиживалъ по нѣскольку часовъ подъ водою, бралъ съ собою зажженный свѣщильникъ, и умѣлъ такъ приближаться къ предметамъ, что они отдѣлялись отъ него слоемъ воды толщиною въ нѣсколько дюймовъ; но неудобство состояло

въ томъ ; что онъ перялъ много времени и силы , управляясь съ боченками.

Вообще всѣ сіи машины , давно уже извѣстныя , признаны сколько неудобными , что промышленники , достающе губку , жемчугъ и кораллы , предпочитаютъ имъ простое нырянье , о пваживаясь на всѣ опасности , сопряженныя съ онымъ.

Г. Дрибергъ въроятно сдѣлаеть важную перемѣну въ сей части промышленности человѣческой. Водолазъ его подвергается непосредственному давленію отъ воды , но онъ свободенъ ходить , двигаться и переноситься съ одного мѣста на другое , при помощи внѣшняго содѣйствія. Снарядъ соспоишь изъ жестянаго ящика ; прикрѣпленнаго къ плечамъ и къ бедрамъ ремнями. Къ ящику сему придѣланы чешыре подвижныя и гибкія трубки , изъ которыхъ двѣ имѣютъ сообщеніе со ртомъ водолаза , а другія двѣ со внѣшнимъ воздухомъ: Еще двѣ трубки , пятая и шестая , подобныя употребляемымъ для дыханія ; въ случаѣ надобности могутъ прикладываться къ фонарю и содѣйствовать горѣнію свѣчки. Внутри ящика находятся два мѣха , ссразмѣрные величинѣ легкаго ; ими входитъ въ ротъ свѣжій воздухъ и выходитъ испорченный. Водолазъ по своему произволу движениемъ головы приводитъ въ дѣйствіе мѣхи сіи , которые г. Дрибергъ иногда называетъ *искусственными легкими* , и которые составляютъ главную часть его снаряда:

Водолазъ окруженъ опасностями ; онъ можетъ задохнуться , такъ что на верху того никшо не примѣшитъ. Дрибергъ вздумалъ ко-

нечности прубокъ сдѣлать на подобіе свистковъ: каждой разъ дыханіе производитъ звукъ; въ противномъ случаѣ потчасъ догадываются о какомъ-либо приключеніи, постигшемъ водолаза. Вотъ описаніе новой Дриберговой машины, какое только сдѣлать можно было безъ рисунка.

Польза сего изобрѣшенія очевидна. Докторъ Коррефъ, другъ и соотечественникъ изобрѣшателя, ревностнѣйшій наукъ любитель, въ особомъ сочиненіи своемъ показалъ всѣ выгоды, коими воспользоваться можно посредствомъ новой водолазной машины.

Любителямъ искусствъ и древностей онъ открываетъ глубину Тибра, не одинъ разъ принимавшаго въ себя опровергнутые памятники Рима: Византійскія мраморы и бронзы, восточными иконоборцами влеченныя къ берегамъ Геллеспонша; развалины Бай, мѣстѣ очаровашельныхъ, воспѣтыхъ жившими въ нихъ стихошворцами; черпюги Помпея, Цезаря, Лукулла, Тиберія, Клавдія, Калигулы, Нерона, нѣкогда воздвигнутые на морскихъ площадяхъ, и теперь покрытые волнами.

Въ сихъ чертогахъ находились библіотеки; другіе служили психимъ и любимымъ убожищемъ для великихъ писателей, которые можетъ быть оставили драгоценныя свои рукописи, какими нибудь средствами предохраненныя отъ дѣйствія стихій и времени: ещо для любителей изящныхъ наукъ и художествъ.

Скупцы, обожатели золота, серебра, мѣди и всякихъ ушварей, найдуть, чѣмъ удовлетворить свою жадность, жотя бы число ихъ было очень велико. Каждому изъ нихъ стоить только назначить для себя по нѣ-

сколько десятиинъ покрытой водою земли въ Африкѣ, или въ сѣверной Европѣ. Тамъ найдутъ они обломки и развалины, изъ которыхъ предприимчивый умъ можетъ построить новые города съ помощію Дриберговой водолазной машины. Проконій, или, чтобы ходить не такъ далеко, Гиббонъ скажетъ имъ, гдѣ найти можно утонувшій корабль Генсерикова флота, самой шохъ, которой, по старанію сего храбраго Вандала, наполненъ былъ сокровищами Типа и сокровищами Соломона. А ежели этого мало, ежели остановитъ какое-либо сомнѣніе; пощбой флотъ, нагруженный сокровищами Конспаншина Погонаша ожидаетъ ихъ недалеко отсюда, подъ водами Сициліи. Еще трудолюбивые искатели со снарядомъ своимъ могутъ отправиться къ тому озеру, въ которое Монтецума велѣлъ бросить всѣ сокровища Инковъ; добрые Американцы покажутъ имъ дорогу.

Наконецъ филантропы, усердно желающіе блага человѣческому роду и пекущіеся о распространеніи наукъ и художествъ полезныхъ, должны обрадоваться той удобности, которую доставитъ имъ *Тритонъ* при собраніи мадрепоритовъ и раковинъ, при осмотрѣ подводныхъ частей корабля, при построеніи плотинъ и укрѣпленій, при наблюденіи дна морского, при опыскиваніи подводныхъ камней и проч.

Словомъ сказать, г. Докпоръ Карефъ исчисляетъ всѣ возможные случаи, при которыхъ можетъ употреблена быть съ пользою новоизобрѣтенная водолазная машина.

(Изъ *Journal de l'Empire.*)

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Вотъ названія шести разныхъ Гамбургскихъ журналовъ, копорыхъ издаваніе оставилось съ 1 числа Апрѣля сего года: *Биржевыя вѣдомости, Нижне-Саксонскій Вѣстникъ, Курьеръ, Безпристрастный, Сѣверныя разныя извѣстія, Минерва.*

Извѣстный Докторъ Галь, находящійся въ Парижѣ, нынѣ преподаетъ лекціи свои о Черепословіи Герцогини Курляндской, а по окончаніи оныхъ начнетъ курсъ для Князя Шварценберга.

*

Повелѣніемъ Е. В. Короля Прусскаго находящійся во Франкфуртѣ (при Одерѣ) Университетъ перемѣщается въ Бреславъ. Франкфуртскій Университетъ очевидно приходилъ въ упадокъ по причинѣ близости вновь учрежденнаго Университета Берлинскаго. Городъ Бреславъ признанъ удобнѣйшимъ мѣстомъ для сего учебнаго заведенія, тѣмъ болѣе что въ немъ уже съ нѣкошораго времени положено было оному основаніе. Всѣ монастырскія библіотеки въ Силезіи будутъ перевезены въ Бреславъ, и сослavianъ шамъ одну главную библіотеку. По нынѣшнему счету собраніе книгъ должно простираться до 150,000 томовъ. Равнымъ образомъ послуплено будетъ съ картинами, съ цѣкошорыми архивами, монетами, рисунками, печатными и проч.

*

Ваятель Канова сдѣлалъ шесть бюстовъ знаменитѣйшихъ Италіянцовъ, Тиціана, Данта, Тасса, Корреджія и проч. копорые поставлены въ Пантеонѣ.

•

Въ Германіи прилѣжно занимаются искусствомъ лешать посредствомъ крыльевъ. Извѣсны уже опыты, сдѣланные Вѣнскимъ часовымъ мастеромъ Дегеномъ и Берлинскимъ клееночнымъ фабрикантомъ Клаудіусомъ: примѣру ихъ нынѣ слѣдуетъ Ульмскій порпной мастеръ Берлингеръ. Онъ объявилъ уже публикѣ, что послѣ великихъ усилій, издержекъ и потери времени наконецъ удалось ему изобрѣсти машину, съ помощію коей надѣется подняться на воздухъ. Машина его показывается въ одномъ пракширѣ.

Въ Вирцбургской газетѣ напечатано слѣдующее извѣстіе: „Г. Бухананъ, Англійскій священникъ, представилъ Камбриджскому Университету двѣ привезенныя изъ Индіи рукописи, весьма драгоцѣнныя по своей древности. Первая содержитъ въ себѣ пять книгъ Моисеевыхъ, и найдена 1806 года въ Малаялѣ, въ синагогѣ тамошнихъ Евреевъ, называемыхъ *черныжи*. Они говорятъ о себѣ, что происходятъ отъ Іудеевъ, которые послѣ плѣненія Вавилонскаго разсѣяны по Индіи, и которые не знали почти никакихъ другихъ книгъ Ветхаго Завета, кромѣ пяти книгъ Моисеевыхъ. Сія рукопись состоитъ изъ тридцати семи пергаментныхъ листовъ краснаго цвѣта, сдѣланныхъ изъ козлиной кожи; мѣра ея въ ширину двадцать два, и въ длину двадцать восемь фушовъ. Третьяго листа совсѣмъ недостаетъ, а пятого одной шолько части. Она почитается древнѣйшею рукописью изъ всѣхъ извѣстныхъ, хотя въ прочемъ Еврейскія буквы въ ней, очень красивыя и чешкля, писаны по видимому не одною рукою и не въ одно время. Другая рукопись есть Библия на

Сирийскомъ языкѣ, Христіянъ называемыхъ именемъ Св. Өомы, происходящихъ, какъ говорятъ они по своимъ преданіямъ, отъ сего Апостола, которой, по ихъ же мнѣнію, претерпѣлъ мученическую смерть въ Меліапурѣ, на берегу Коромандельскомъ. Сія Библія написана не на пергаментныхъ свиткахъ, какъ другія, но на большихъ листкахъ древесныхъ; въ прочемъ буквы въ ней дѣйствительно дровныя. Она получена въ подарокъ отъ Архіепископа Христіянъ Св. Өомы.

✱

Еще не прошло двадцати лѣтъ, какъ Порта вытребовала одного ученаго Грека, переводившаго на новой Греческой языкѣ *Путешествіе младшаго Анахарсиса*, и велѣла казнить его въ Константинополѣ. Послѣ того очень любопытно знать, что въ Вѣнѣ опять выходитъ *Греческій Меркурій*, издаваемый Анеѳомомъ Гази. Въ *Отечественныхъ листкахъ для Австрійской Имперіи* помѣщено пространное о немъ извѣстіе, которое предлагается здѣсь сокращенно: „Газиѣвъ *Меркурій*, издаваемый для просвѣщеннѣйшей части Греческаго народа, любопытенъ и для насъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому что издается для Грековъ, а во вторыхъ, что издается въ Вѣнѣ. Для Грековъ! Кому изъ насъ имя сіе не напоминаетъ всего изящнаго и великаго въ человѣческой природѣ! Грекамъ одолжена Европа образованіемъ ума и политическимъ перевѣсомъ въ разсужденіи другихъ большихъ частей свѣта. Доколѣ будутъ читаемы великія произведенія Грековъ; доколѣ просвѣщеніе на землѣ не истребитъ! — Посылая способнѣйшихъ юношей въ Нѣмецкія и Италіянскія училища, также за-

вода и у себя школы, Греки нынѣ ревностиѣе нежели когда-либо спараются — упошреблю ихъ же прекрасное выраженіе — *призватъ Музъ въ древнее ихъ обиталище*. Честь и хвала мужамъ благомыслящимъ, которые для споль прекраснаго дѣла посвящаютъ, подобно братьямъ *Зосимамъ* (*), свое богатство, или какъ *Гази* и *Корай*, свою ученость, или, какъ новый Митрополитъ Валахіи *Игнашій* (**), и богатство и ученость и духовную власть свою. Преосвященный *Игнашій*, уроженецъ съ острова *Лезбоса*, опечества *Сафы* и *Адцея*, былъ прежде Митрополитомъ въ *Епирѣ*. Будучи увѣренъ, что все благо человеческое зависитъ отъ хорошаго воспитанія юношества, онъ по прибытіи въ *Бухарестъ* немедленно принялъ подъ особенный надзоръ свой памощнее разспроенное училище, и наименовалъ его *Лицеумъ*. Нынѣ преподающа тамъ на упошребительномъ *Греческомъ* языкѣ: *Мапематика*, *Опытная физика*, *Химія*, *Рисовальное искусство*, *Метафизика*, *Логика*, *Мораль*, *Нашуральная исторія*, *Географія*, *Риторика*, *Піишика*, *Исторія*, *Археологія*, и языки; *древній Греческій*, *Латинскій*, *Французскій*, *Нѣмѣцкій* и *Россійскій*. Число учащихся въ ми-

(*) *Зой Павловичъ Зосима* *Всемилоспивѣйше* пожалованъ *Кавалеромъ* ордена *Св. Анны* вшораго класса за щедрыя пожертвованія свои на пользу просвѣщенія въ *Россіи*. Незадолго передъ тѣмъ онъ получилъ уже золотую медаль для ношенія на *Владимірской* лентѣ.

(**) Въ прежнемъ извѣстіи ошибкою *Нѣмецкаго Журналиста* названъ онъ *Патріархомъ*. *Вѣстн. Евр.* 1811. N 9. стр. 74.

нувшемъ Юлѣ проспиралось за 230. При публичныхъ испытаніяхъ, въ присущствіи духовенства, гражданскихъ чиновниковъ и ученыхъ, самъ Митрополитъ предлагалъ учащимся вопросы и награждалъ ихъ книгами, а учителя золотыми часами. Сверхъ того учредилъ еще общество для распространенія наукъ и для усовершенствованія нынѣ употребляемаго Греческаго языка, на основаніи и по правиламъ древняго. Сіе общество препоручило нынѣ дошопочтенному нашему Архимандриту Анеѣму издавать Ученныя вѣдомости для Грековъ по плану, предначертанному самимъ Архимандритомъ и Докторомъ Кораемъ. Въ каждые двѣ недѣли выходитъ по одному листу сихъ вѣдомостей, которые безденежно рассылаются во всѣ Греческія училища, находящіяся въ Европѣ и Азіи.“

* .

Герцогъ Албертъ Саксенъ - Тешенскій сочинилъ Записки, нынѣ состоящія уже изъ трехъ большихъ томовъ въ листъ. Полагаютъ, что въ нихъ заключаются снпашы весьма важныя и любопытныя касательно происшествій, въ послѣднія пятнадцать лѣтъ случившихся.

*

Въ Римѣ недавно открытъ помостъ древней такъ называемой *Священной дороги* (Via sacra); на немъ лежало земли вышиною на 30 палмъ. — Ступени, по которымъ всходили въ Колизей, совершенно очищены; около ихъ найденъ каменный помостъ со многими отверстіями, имѣющими сообщеніе съ подземными каналами. Вѣроятно, каналы сіи проведены къ рѣкѣ Тибру. — Вообще нынѣ весьма прилѣжно рожься какъ въ самомъ Ри-

мѣ, такъ и въ окрестностяхъ онаго. До сихъ поръ уже найдено много древнихъ памятникъ.

IV. П О Л И Т И К А.

Обозрѣніе произшествій.

Разные купеческіе дома просили Французское правительство о позволеніи принадлежащія имъ и находящіяся въ Швейцаріи, въ земляхъ Рейнскаго союза и въ Ганзейскихъ городахъ колоніальные товары привозить во Францію въ продолженіи сорока дней. Въ слѣдствіе чего Министръ внутреннихъ дѣлъ Префектамъ департаментовъ далъ знать окружнымъ письмомъ отъ 6го Апрѣля, что Его Величество Императоръ согласенъ на сіе прошеніе купечества, съ тѣмъ однакоже условіемъ, чтобы хозяева сихъ товаровъ, заплативъ положенную вновь съ оныхъ пошлину, обязались сверхъ того вывезть въ чепыре мѣсяца на такую же цѣну шелковыхъ товаровъ изъ Ліона, Нима и Авиньона.

Съ того времени, какъ Маршалъ Бессье Дюкъ *Истрійскій* принялъ главное начальство надъ сѣверною арміею въ Испаніи, спокойствіе въ занимаемыхъ ею областяхъ мало по малу возстановлено. При каждой ея дивизіи составлены были изъ легкой пѣхоты и

небольшихъ отрядовъ конницы подвижныя колонны, которыя, проходя чрезъ назначенныя имъ округи, испребляли толпы вооруженныхъ мяшежниковъ.

Въ Саламанкѣ учреждаются большіе магазины. Тамъ же собрано великое множество повозокъ, для доставленія воинскихъ снарядовъ и сѣбствныхъ припасовъ въ армію Маршала Массены, которая опступила къ Испанскимъ границамъ, и заняла весьма выгодную позицію недалеко отъ крѣпостей *Цивидадъ - Родриго* и *Алменды*. Англійская армія расположилась по лѣвому берегу *Мондего*. Правое крыло Французской арміи примыкаетъ къ *Виллѣ - Новѣ*, а лѣвое къ *Гуардѣ*. Одинъ Англійскій корпусъ войскъ переправился на правой берегъ *Мондего*, и спойшъ при *Везео*; а Португальскій, служащій на Англійскомъ жалованьѣ, расположился при *Ламего*. Многочисленный корпусъ Французскихъ войскъ вступилъ съ провинцію *Саламанку*. Занимая города *Корію* и *Плаценцію*, онъ имѣетъ сообщеніе съ другимъ Французскимъ корпусомъ, стоящимъ при *Алкантарѣ* по лѣвому берегу рѣки *Тага*.

Изъ Мадрида получено извѣстіе, что по завоеваніи *Бадахьоза* одна Французская дивизія прошла обратно чрезъ *Цафру* въ *Севиллу*, куда также долженъ возвратиться и Маршалъ *Султъ*, и что Маршалу *Мортзе* поручено главное начальство надъ всѣми, въ *Еспрамадурѣ* находящимися войсками. Говорящъ, что корпусъ Маршала *Мортзе* будетъ осаждать крѣпость *Ельвасъ*. Сообщеніе между *Бадахьозомъ* и *Севиллою* свободно и безопасно.

Осада Кадикса продолжается неослабно. Армія Маршала *Виктора* получила нарочитое подкрѣпленіе. Англійскій флотъ, какъ слышно, покушался испребитъ Французскую флотилію, стоящую при *Пуэрто-Реалъ*, но былъ отраженъ съ великою со стороны его пошереею. Слухъ носится, что на островѣ *Леонъ* сдѣлано будетъ нападеніе какъ съ морской, такъ и съ сухопупной стороны. На полуостровѣ *Трокадеро* спроятся новыя батареи. Города *Пуэрто-Сентъ-Маріа* и *Пуэрто-Реалъ* сильно укрѣплены.

Пишутъ изъ Морле, что прибывшій туда на переговорномъ суднѣ изъ Англійи одинъ купецъ видѣлъ въ Лондонѣ разныя письма, присланныя изъ Кадикса. Въ оныхъ согласно объявляется, что въ сраженіи при Шикланѣ, гдѣ семь или восемь тысячъ Французовъ, предводительствуемыхъ Маршаломъ *Дюкомъ Беллунскимъ*, одолѣли 22 тысячи соединенныхъ Англичанъ и Испанцовъ, Кадиксъ потерялъ лучшихъ людей изъ своего гарнизона, а съ ними вмѣстѣ лишился всей надежды долго сопротивляться. Англійскій народъ не могъ быть обманутъ извѣщеніями радости министровъ и празднествами, и повѣрилъ мнимой побѣдѣ. Каждой знаетъ совершенно, что выгода осталась не на сторонѣ осажденныхъ, которые принуждены были поспѣшно и въ величайшемъ безпорядкѣ убраться на корабли. Такимъ же образомъ думаютъ въ Лондонѣ и объ отступленіи Маршала *Массены*, которое теперь уже болѣе непочитається бѣгствомъ, какимъ представитъ его старались. Всѣ увѣрены, что отступленіе сіе произведено въ наилучшемъ порядкѣ, и что при ономъ сдѣлано знаменитѣйшее сопротивленіе.

Маршалъ Герцолъ Рагузанскій, бывшій Генералъ-Губернаторомъ Иллирійскихъ провинцій, назначенъ командовать войскомъ въ Португалліи. Мѣсто его заступилъ Генералъ Графъ Берспранъ, Адъютантъ Е. В. Императора.

По случаю происшедшихъ въ Роттердамѣ нѣкоторыхъ безпорядковъ, отъ Голландскаго Генералъ-Губернатора объявлено, что всякое собраніе, болѣе нежели изъ 10 человекъ состоящее, почтено будетъ за возмущительное и разсѣяно, и что въ случаѣ сопротивленія виновные преданы будутъ суду военной коммиссіи.

Префектъ департамента устьи Ельбы пишетъ къ Мерамъ, что многіе молодые люди умысленно женятся, думая тѣмъ избавиться отъ военной службы, отъ которой ни одинъ Французъ не освобождается. И для того совѣтуютъ вразумить семейства, что законы Имперіи не полагаютъ ни малѣйшаго различія между конскриптами женатыми и неженатыми.

Въ Шверинѣ изданъ манифестъ, въ которомъ Герцогъ увѣщаетъ подданныхъ своихъ къ большей приверженности къ вѣрѣ; ибо умножающійся день ото дня развратъ и всякое распушество происходятъ единственно отъ оказываемаго къ оной небреженія. Напротивъ того усердное моленіе во храмахъ Божіихъ и надлежащее исполненіе христіанскихъ обязанностей побуждаютъ къ строгому разсмаприванію своихъ дѣланій и внушаютъ благонравіе. Не безвѣстно, коль сильно дѣйствуютъ примѣры высшихъ надъ всѣми прочими состояніями: поему наипаче приглашаются начальствующіе во всѣхъ мѣстахъ, частнымъ посвѣщеніемъ церкви и благоговѣніемъ

доказанъ истинную приверженность свою къ Христіанской вѣрѣ, а тѣмъ побудить и другихъ званія къ подражанію.

Другимъ Герцогскимъ повелѣніемъ запрещается всякое нарушение тишины и должнаго порядка въ церкви во время богослуженія. За первый по сему проступокъ полагается отъ 5 до 20 рейхсталеровъ пени, которая увеличивается при вторичномъ нарушеніи сего предписанія; наконецъ, по мѣрѣ прѣступленія, виновный можетъ подвергнуться и шюремному заключенію.

Чрезвычайный Сеймъ въ Швейцаріи, ко-его открытіе воспослѣдовало 17 го числа мѣсяца Мая безъ всякихъ торжественныхъ обрядовъ, во время перваго своего засѣданія слушалъ представленіе Швейцарскаго Ландамана, содержащее въ себѣ предметы, коими Сеймъ нынѣ наиболѣе всего занятъ долженъ. Онъ сообщилъ также историческое описаніе сословія, въ каковомъ находился *Тессинскій* кантонъ въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцовъ. По прочтеніи описанія, депутатами сего кантона подавъ Сейму донесеніе о томъ же предметѣ. Депутатами всѣхъ кантоновъ сообщены письменныя наставленія, и назначена особая коммисія, которая займетъ разсмотрѣніемъ предложеній, общему разсужденію Сейма подлежащихъ. Сія коммисія составлена, подъ предсѣдательствомъ Ландамана, изъ депутатовъ кантоновъ Бернского, Луцернскаго, Швицкаго, Гларусскаго, Цюрихскаго и Тессинскаго.

По новѣйшимъ извѣстіямъ засѣданія собраннаго Сейма окончились 22 го числа тогожъ мѣсяца. Утверждающъ, что по заключенію

оного предположено просить Императора Наполеона, чтобы находящіяся уже 6 мѣсяцовъ въ Тессинскомъ кантонѣ Французскія войска были выведены, и что для пребуемаго Франціею прекращенія въ семь кантонѣ запрещенной торговли Швейцарскій Союзъ приметъ надлежащія мѣры.

*

Ошъ всѣхъ городовъ Англіи, мануфактурами и промышленностію занимающихся, поданы Регенту прошенія. Жители Ноттингама почти явно возмутились; для укрощенія ихъ намѣрены послать 7 й драгунской полкъ. Жители городовъ Гласкова и Ливерпуля просятъ правительство о поданіи имъ помощи денежною ссудою. Всѣ ремесленники приведены въ крайнее отчаяніе: все показываетъ, что принятыя Императоромъ Наполеономъ прошиву Англійской торговли мѣры дѣйствуютъ весьма сильно.

Въ Лондонскихъ газетахъ The Sun пишутъ между прочимъ слѣдующее: „Переговоры наши съ Американскими Соединенными Обласями приняли нынѣ совсѣмъ другой видъ, нежели каковой они имѣли прежде. Г. *Пикней*, подававшій великую надежду къ возстановленію дружества между обоими Государствами, готовившійся къ отъѣзду въ Парижъ, и уже явно говорящій, что съ фрегатомъ *Актеономъ* на Мысъ Доброй Надежды и въ Остъ-Индскія наши владѣнія отправлены бумаги, касающіяся до послѣднихъ мѣрбъ Американскаго правительства. Хотя содержаніе сихъ бумагъ публикѣ и не извѣстно; однакожъ онѣ подають поводъ къ заключенію, что надежда миниспрѣвъ на успѣшное окончаніе переговоровъ весьма уменьшилась. Впрочемъ

Американское правительство поступитъ неблагоприятно, ежели объявитъ войну Великобритани. Когда бы политическое существованіе Соединенныхъ Американскихъ Областей, подобно преждебывшей Голландіи, зависѣло единственно отъ торговли: въ такомъ случаѣ война оставалась бы для нихъ единственнымъ средствомъ къ подкрѣпленію своихъ преобованій; но онѣ находятся совсѣмъ въ иномъ положеніи, и поному прекращеніе иностранной торговли хотя нынѣ и невыгодно для Америки, но со временемъ доставитъ ей великую пользу, утвердивъ ея благосостояніе и независимость. Извѣстно, что неумѣренное желаніе къ приобрѣтенію выгодъ, торговлю доставляемыхъ, всегда подвергало государства ужаснѣйшимъ бѣдствіямъ войны. Хотя Американскіе купцы и корабельщики въ случаѣ войны и могутъ надѣяться на полученіе прибытка или добычи; хотя политика правительства и слѣпыя страсти также могутъ простираеть виды свои на завоеваніе Канады: но таковой прибытокъ или завоеваніе не въ силахъ охранить, или увеличить безопасность и благосостояніе Соединенныхъ Областей. Кто можетъ исчислить всѣ пагубныя слѣдствія войны? Не уже ли иностранная торговля необходима для благосостоянія Америки? Не уже ли нынѣ не процвѣтають въ ней фабрики? По разведеніи въ оной Испанскихъ овецъ, на что наше правительство безпрекословно согласилось, легко можно предвидѣть, что Американская шерсть весьма скоро не будетъ уступать доброшою Англійской. Сверхъ того Америка производитъ пеньку, ленъ и хлопчатую бумагу въ такомъ количествѣ, что во все время монополіи Англійскихъ

мануфактурныхъ поваровъ не понесетъ она ни малѣйшаго вреда. Америка своими собственными поварами можетъ замѣнить всѣ индѣйскія.“

Изъ Остѣ - Индіи получены весьма любопытныя извѣстія. Предпринято было намѣреніе освободить изъ темницы Князей фамиліи *Тилло-Схиба*. За день до исполненія сего заговора Князья переведены были въ другое мѣсто. Если бы молодой Князь нашелъ случай освободиться изъ заключенія, то великое множество Цеминдаровъ приняли бы оружіе подъ различными предлогами. Но бдимость правительства уничтожила сей заговоръ, и смертію *Ангхутли-Доо*, начальника злоумышленниковъ, разрушились всѣ замыслы недовольныхъ. — Король *Авы* просилъ у Остѣ - Индской Компаніи помощи для укрощенія возникшаго въ областяхъ его возмущенія; однакожъ ему въ семъ отказано.

✱

По извѣстіямъ изъ Америки, въ Карракасѣ происходило никакого кровопролитія. Хотя многіе памосніе Испанцы сдѣлали ужасной заговоръ для испроверженія новаго правительства и для подчиненія Америки Испанскому господству; однакожъ ни одинъ изъ заговорщиковъ смертію не казненъ. Вообще весь народъ въ Южной Америкѣ и въ Мексикѣ рѣшился защищать свободу свою, или погибнуть. — Противникъ старой Испаніи извѣстной Генераль Miranda приспалъ къ берегу въ Гвиарѣ, въ южной Америкѣ, и принявъ съ извѣщеніемъ величайшей радости отъ всѣхъ жителей. Онъ имѣлъ торжественной вѣздѣ въ Карракасѣ, мѣсто своего рожденія. Прибытіе его можетъ сдѣлать эпоху. (Онъ слу-

жилъ въ революціонную войну подъ начальствомъ Дюмурье, и всегда былъ великимъ ревнишелемъ свободы.)

✱

Въ Спралзундѣ дѣлаются разныя военныя приготвленія. Войска, артиллерія и припасы ежедневно подвозятся изъ Швеціи для защищенія береговъ отъ нападенія Англичанъ, еслибъ оное случилось. Всѣ способные носить оружіе взяты въ службу частію для дополненія регулярнаго войска, а частію для поголовнаго дѣйствія противъ непріятели.

✱

Въ Константинополѣ торговля почти совсѣмъ остановилась. Покупщики пребудутъ Мокскаго кофе; но онаго въ Египтѣ нынѣ весьма мало; причиною тому междоусобная война, бывшая въ окрестностяхъ Мокки. Сіе обстоятельство выгодно для торгующихъ Американскимъ кофеемъ. Деньги сдѣлались также весьма рѣдки; а посему хозлева товаровъ, привозимыхъ изъ Англии и съ острова Мальшы, шерпяты немалой убытокъ.

Извѣстіе объ опрѣшеніи Великаго Визиря отъ должности подтвердилось. Юсуфъ-Паша принялъ съ покорностію объявленное ему Султанское повелѣніе и потчасъ сдалъ Государственную печать и главное начальство надъ арміею Карсли Али Пашѣ, который въ то же самое время назначенъ Каймаканомъ, и будетъ командовать войсками до прибытія новаго Великаго Визиря. Послѣ чего престарѣлый Юсуфъ Паша сосланъ въ *Демотику*, гдѣ, какъ извѣстно, жилъ Король Шведскій Карлъ XIIй, недалеко отъ Адрианополя. Нынѣшній Великій Визирь называется *Ахмедъ Ага*, бывший Коммендантомъ въ крѣпости Браиловъ. Сей

выборъ одобренъ всѣми вообще, потому что Ахмедъ Ага приобрѣлъ себѣ великое уваженіе отъ всѣхъ Ромелійскихъ Аяновъ, коимъ военныя обстоятельство подавали по сіе время поводъ ко взаимнымъ распрямъ, и сверхъ того будучи членомъ сильной и многочисленной 64й орты Янычаръ, имѣетъ онъ великую довѣренность у всего Янычарскаго корпуса, и потому будетъ въ состояніи удерживать сіе войско отъ возмущенія.

(Изъ разн. внутренн. Вѣд.)

У в ѣ д о л л е н і е .

Изъ мѣстечка Давыдъ - городка при письмѣ 23 Апрѣля отъ неизвѣстной благотворительной особы прислано 50 рублей для врученія нуждающимся, по усмотрѣнію Издашеля. Оныя деньги отданы вдовѣ недавно умершаго Коммиссіонера 14 класса г-жѣ Зайцовой, оставшейся съ тремя малолѣтними дѣтьми въ совершенной бѣдности, и живущей въ домѣ купца Мшихина, въ приходѣ Успенія въ Печашникахъ, между Мясницкой и Срѣпенки.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

№ 12. І Ю Н Ъ 1811.

І. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

~~~~~  
П Р О З А.  
~~~~~

Отрывокъ изъ проповѣди Геру- залема.

Сказано прежде (*), что Мосгеймъ открылъ новое поприще для Нѣмецкаго церковнаго вишійства. Изъ многихъ подражателей сему славному проповѣднику никто не былъ счастливѣе Іоганна Фридриха Вильгельма Герузалема, родившагося въ Оснабрикѣ и умершаго въ Брауншвейгѣ 1789 года. По мнѣнію Нѣмецкихъ криптиковъ Герузалема имѣлъ своего собственнаго дарованія столько, что и безъ помощи предшественника могъ бы прославиться въ званіи церковнаго вишійи. Онъ образовалъ вкусъ свой посредствомъ прилѣжнаго чтенія ино-

(*) Смолр. Вѣстн. Евр. 1811. No 4 стр. 245.
NO 12. Р

странныхъ образцовыхъ проповѣднѣ-
ковъ, а особливо Англійскихъ. Что ка-
сается до философической проница-
тельности; до основательности и под-
нопы мыслей; по Иерусалемъ превзо-
шелъ самаго Мостейма; и вообще
въ проповѣдяхъ его находятъ болѣе
внутренняго достоинства, болѣе духо-
вной пищи для просвѣщенныхъ слуша-
телей и чинашелей. Прибавимъ еще;
что въ нихъ нѣтъ недостатка и во
внѣшнихъ прикрасахъ; но сими при-
красами оспроумный и разборчивый
вѣстия умѣлъ пользоваться только то-
гда, когда видѣлъ, что онѣ точно да-
ютъ слову его жаръ и выразительность,
необходимо нужныя для убѣжденія.
Иерусалемъ принадлежитъ къ числу пи-
сателей; образовавшихъ и утвердив-
шихъ прозаическій слогъ Нѣмецкій, а
особливо въ сочиненіяхъ философиче-
скихъ и богословскихъ. Для примѣра
предлагается опривокъ изъ проповѣди
его, произнесенной по окончаніи сейма
въ Брауншвейгѣ 1770 года. Въ основа-
ніе взяты слова Соломоновы (Присл.
Гл. XIV. ст. 34).

*Правда возвышаетъ языкъ: ума-
ляютъ же племена грѣси.* (Die gerecht-
tigkeit erhöht ein volk, aber die Sünde

ist desselben verderber.) Для восхваленія сей истины не почитаю нужнымъ говорить, что упомянутыя слова написаны Государемъ, котораго называетъ исторія мудрейшимъ изъ владыкъ земныхъ; нѣтъ также надобности говорить, что онѣ взяты изъ книги, въ коей всѣ содержащіяся изреченія мы приемлемъ за Божескія. Сія истина сама себя непосредственно выхваляетъ; она непосредственно дѣйствуя на сердце человеческое, господствуетъ надъ нимъ; исторія всѣхъ земель подтверждаетъ оную: когда правительства дерзаютъ презрѣть ее, она опмицаетъ за себя страшнымъ низверженіемъ цвѣтущихъ государствъ другимъ въ предосторожность. Но мы слово *правда* должны принять здѣсь не въ тѣсномъ значеніи, но есть разумѣть подъ нимъ не тѣ только повинности, коихъ каждой изъ насъ имѣетъ право требовать отъ ближняго. Нѣтъ сомнѣнія, что такая правда можетъ на нѣкоторое время предохранить государство отъ безпорядковъ; но одна она весьма недоспащочна для увеличенія общественнаго блага, для возведенія государства на высшую степень цвѣтущаго благосостоянія и для распространенія гражданскаго счастья на всѣ званія, на всѣхъ членовъ великаго семейства. Свѣплѣйшій Князь! при всей бдительности твоихъ судилищъ, при всей строгости законовъ, сколь

ненадежно было бы наше благосостояніе, когда бы правда не оживлялась благородными и человеколюбивыми своими намереніями? Не онѣ ли помы виною, что мы счастливыми себя почитаемъ, будучи своими подданными? Дерзну сказать: къ чему служили бы всемъ благоразумнѣйшія свои распоряженія, преимущественна своего сана, величіе свое, когда бы мы боялись только законовъ своихъ, и когда бы сердца наши не управлялись другими благороднѣйшими побужденіями? Сія правда, которая повелѣваетъ, чтобы мы отдавали каждому свое, и отдавали бы только то, чего другіе имѣютъ неоспоримое право требовать отъ насъ, сія правда составляетъ самую низшую степень человеческого достоинства. Подъ однимъ только ея управленіемъ, что было бы съ владѣтелями, что было бы съ подданными? Государство сдѣлалось бы вершесомъ разбойниковъ, гдѣ сильный нападалъ бы на слабого, гдѣ слабый для защиты себя прибѣгалъ бы къ обманамъ и коварству, и гдѣ обманъ, коварство, измена и все изчадія губительнаго порока, вопреки строгости законовъ, безопасно могли бы размножаться. Правда, возвышающая народъ, должна быть нераздѣльна съ прочими обязанностями, которыхъ мы вообще называемъ честностію, добродѣтелью, страхомъ Божіимъ. Сему доказательствомъ служатъ грѣхъ, ей

прошивуположный. Грѣхомъ вообще называется всякое уклоненіе отъ закона, Творцемъ напечатлѣннаго въ разумномъ существѣ нашемъ, извѣснаго и утвержденаго чрезъ Его опроверженіе. Всѣ пакіе грѣхи осудительны суть; ибо они нарушаютъ общій порядокъ, первый и главнѣйшій законъ природы, на коемъ Творецъ, въ знакъ безконечной мудрости и благости своей, восхотѣлъ основать довольство и счастье разумной своей твари. Слѣдственно пакимъ же образомъ и правда заключаетъ въ себѣ всѣ благодѣтельные обязанности, коихъ исполненіе требуетъ отъ насъ сама природа, и къ чему Творецъ одарилъ насъ нужными способностями. Богъ даровалъ намъ возможность быть чѣмъ-то болѣе нежели только справедливыми въ отношеніи къ людямъ: приумноженію общаго блага, взаимному облегченію житейскихъ тягостей, распространенію общаго довольства мы всѣ способствоваты можемъ; люди низкаго состоянія имѣютъ къ тому равную обязанность, и при всей бѣдности, къ утѣшенію своему, имѣютъ равныя къ тому способности со значнѣйшими вельможами. На сей всеобщей благопорядочности основано расположеніе всей природы нашей и всего общества человѣческаго. Живошныя для сохраненія себя неимѣютъ нужды въ пособіи подобныхъ себѣ тварей; каждое въ членахъ

своего шѣла и въ естественномъ побужденіи находилъ все то, что потребно для его совершенства. Но онъ предназначенъ споятъ на низкой степени; вопшъ доказа- шельства тому: они супь безсловесныя швари, и опъ всего богатства природы получили себѣ въ удѣлъ только пещеру, прозябенія, насѣкомыхъ. Напротивъ того человекъ приходитъ въ міръ бѣднымъ и безпомощнымъ; при всѣхъ перемѣнахъ жизни пособіе другихъ споль же необходимо для него, какъ и въ то время, когда онъ лежилъ въ колыбели. Ему предопредѣлено занимать высшую степень; ибо онъ, какъ облада- шель земли, для усовершенствованія сво- его бытія долженъ участвовашъ во всѣхъ богатствахъ, коими природа изобилуетъ; а для того всѣ цо мѣрѣ силъ своихъ и способностей должны помогашъ другъ дру- гу и споспѣшествовашъ устройенію обща- го блага. Пошому-то Богъ споль шѣсно соединилъ въ насъ побужденіе къ обще- житію съ побужденіемъ сохранять бытіе свое, и оба слилъ въ одну общую склон- ность; пошому-то раздѣлилъ Онъ намъ блага, силы и способности споль премуд- ро, чтобы каждой, чувствуя и немощь свою и желаніе сохранить бытіе свое, по- лученныя на свою долю способности шѣмъ охотнѣе употреблялъ на устройеніе общаго блага. Для сего-то общаго блага все

въ природѣ назначено промысломъ Божіимъ ; оно опредѣлено для насъ — но для всѣхъ насъ ; и чѣмъ ревностнѣе печемся мы объ устройеніи *общаго* блага, тѣмъ болѣе приходитъ въ зрѣлость наше *частное*. Общество, въ которомъ живемъ, есть одно тѣло, составленное изъ безчисленнаго множества членовъ и мускуловъ, изъ коихъ каждой по силѣ своей и по союзу съ прочими необходимо нуженъ для общаго сохраненія ; голова безъ членовъ, члены безъ головы жить не могутъ. Все тѣло устроено наощь конецъ, чтобы сердцу, какъ благороднѣйшему члену, доставляло жизненные соки ; но сей самой приховъ заставляемъ сердце раздражаться, разливать жизненные соки во всѣ члены и тѣмъ самымъ содержать тѣло во всегдашней дряхельности, здоровой и полезной. Такъ и мы, когда съ искреннею заботливостію примѣчаемъ обстоятельство и положеніе нашего ближняго, когда о его чувствіяхъ судимъ по своимъ собственнымъ, когда съ охотною услужливостію, смотря по степени, на которой Провидѣніе поставило насъ, употребляемъ власъ свою, имущество и способности на облегченіе тягостей житейскихъ, на распространеніе общаго довольства и благосостоянія ; тогда истинно сказать можно, что поступаемъ по той пра-

вдѣ, которую премудрый Творецъ повелѣлъ намъ исполнять во взаимныхъ отношеніяхъ общежитія: вошъ въ чинъ сословія благороднѣйшее, высокое наше назначеніе; вошъ великій законъ, всѣ общественыя должности въ себѣ содержащій; вошъ главное доказательство того, что мы люди, и что мы достойны людьми именоваться! На сейшо правдѣ основана истинная любовь къ отечеству, единственна государственнѣ подпора. Ибо гдѣ нѣшъ сей общей готовности взаимно служить другъ другу; гдѣ правитель силы подданныхъ своихъ употребляетъ не къ усовершенію ихъ благосостоянія, но къ увеличенію собственнѣ своей власти, личнаго своего могущества, употребляетъ къ удовлетворенію поштыдныхъ страстей своихъ; гдѣ нечувствительный подданный ропщетъ за самое легкое пожертвованіе, котораго требуютъ отъ него для общаго блага, для поддержанія достоинства престола и дома Монаршаго; гдѣ онъ не радиль о содѣйсствіи спасительнымъ распоряженіямъ, и съ клятвопреступною холодностію взираетъ на медленные успѣхи полезныхъ начинаній; гдѣ одно сословіе стѣсняетъ права и преимуществва другаго; гдѣ одинъ гражданинъ старается уничтожить предпріятія другаго, и его счастье нарушаетъ оскорбительными поступ-

нами; гдѣ каждой съ наглымъ безспыдствомъ единспвенно забоишя обѣ исполненіи своекорыспныхъ намбреній; гдѣ съ обманами и коварспвомъ не сопряжено безчеспіе; гдѣ сїи адскія изчадія находяишъ себѣ надежную зашщпу: тамъ государство неминуемо клонишя къ паденію, и общее благососпояніе никогда не достигнешъ до высочайшей степени. При личныхъ, своекорыспныхъ намбреніяхъ самыя лучшія распоряженія оспаяюшя недѣйспвительными, полезнѣйшія предпріяшя ослабѣваюшъ, торговля теряешъ довѣрїе, ремесла и промыслы лишаютя своеѣ пышпательноспи; унылой земледѣлецъ оспавляешъ плодосную свою ниву, и гошовъ лучше искашъ насущнаго хлѣба на поляхъ невоздѣланныхъ; нѣтъ никакой соразмѣрности между увеличеніемъ количества вещей для жизни пспбходимыхъ и уменьшеніемъ; число праздныхъ рукъ и слѣдспвенно число бѣдныхъ людей часъ отъ часу возрастаетъ, а бѣдность ослабляетъ внутреннія силы, отъ того что нѣтъ общей благошворительности, которая пеклась бы о доспавленіи имъ работы и пици. Напрошивъ того гдѣ правитель человеклоубивый и благомыслящій всѣхъ подданныхъ своими ближними, ихъ благососпояніе своимъ собственнымъ почитаетъ; гдѣ думаетъ онъ, что величіе сама своего и всѣ преимущспва

имѣющъ единственно для ихъ пользы; гдѣ всѣ государственные доходы почитаются неприкосновеннымъ сокровищемъ, общему благу посвященнымъ; гдѣ подданный всѣ свои удовольствія полагаетъ въ удовольствіи Государя, и по мѣрѣ величія и блещущаго Дома его судитъ о своихъ собственныхъ преимуществахъ; гдѣ онъ всѣми своими силами содѣйствуетъ довершенію общепользныхъ начинаній, и усердно исполняетъ всѣ возлагаемыя повинности; гдѣ сей духъ общаго доброхотства соединяетъ всѣ состоянія, и всѣ члены великаго семейства одушевлены дружелюбными расположеніями; гдѣ доброта и вѣрность сѣбѣ стараются, правда лбызается сѣбѣ услужливостію, и гдѣ каждый будучи движимъ силою человеколюбія, проникаетъ чувствія своего ближняго, старается узнать желанія и обстоятельства дѣла его, любезно подаетъ ему руку помощи, ищетъ способовъ не только къ уменьшенію скорби его, но къ увеличенію радости и счастія, лишь бы только сіе не вредило другимъ спокойствію: тамъ государственное благо спонитъ на шредомъ основаніи; тамъ каждой гражданинъ, веселяся о своемъ собственномъ благополучіи, охотно заботится о приращеніи онаго; онъ того ободряется трудолюбіе; пробуждается духъ изобрѣтательности; умножаются способы продовольствія;

бѣдный не стягопитъ собою государства, ибо онъ самъ снискиваетъ себѣ пропитаніе, а члены семейства его становятся полезными членами всего общества; повсюду открываются новые источники благополучія; не слышны вздохи несчастныхъ — и вопль уже признакъ великаго благополучія въ народѣ. *Истина возвышаетъ языкъ.*

Скажу вамъ однакожь, любезные слушатели, что всѣ понятія о счастливыхъ слѣдствіяхъ сего всеобщаго доброхотства могутъ навсегда оспаться не инымъ чѣмъ какъ игрою воображенія, игрою, которая забавляетъ насъ, можетъ быть прогаешь; можетъ быть, пока продолжается сила впечатлѣнія, споль удачно дѣйствуетъ въ насъ, что мы готовы бываемъ рѣшиться употребить ее въ свою пользу; но рѣшительность наша никогда не исполнится, она исчезаетъ въ пустыхъ словахъ и желаніяхъ, и опеченство щещно будетъ ожидать полезныхъ слѣдствій, до тѣхъ поръ пока мы не одушевимся выспреннимъ духомъ общей любви къ порядку и добродѣтели, и пока сей спасительный духъ не получитъ господства надъ нашими страстями. Сіе искреннее, безопѣшное повиненіе добродѣтели есть прочная основа истинной любви къ человечеству; безъ нее все то, что мы называемъ любовію къ чело-

вѣческому роду, любовію къ отечеству, сущь слова пышныя, но пусшыя. Истинное доброхопство и своевольныя спраспи никогда вмѣстѣ бытъ не могушѣ. Ибо какимъ способомъ исполнянся благородныя намбренія, съ общимъ благомъ и челоѣколюбіемъ неразлучныя, когда ненасытныя вождельнія лишатопѣ ихъ кипапельныхъ соковъ? Необузданныя спраспи стѣсняюшѣ сердце, и изѣ самаго пѣжнаго дѣлаюшѣ нечувствительнымъ и жестокимъ. Хотя бы мы одушевлены были наилучшими и благороднѣйшими склонностями; при всѣхъ великодушныхъ намбреніяхъ ненасытныя спраспи каждой разѣ будушѣ вырывать средство изѣ рукъ, посвященныхъ благополучію ближняго и отечества, и мы всегда будемъ оснаваться съ добрыми, но суешными желаніями. И такъ рѣшительное, общее повиновеніе добродѣтели пусть прежде возмешѣ верхъ надъ спраспиями; пошомъ уже общество, въ которомъ живемъ, можешѣ надѣлаться полезныхъ свѣдспій ошѣ нашего доброхопства, ошѣ нашей готовности служить ему. А когда шакое спасительное расположеніе сдѣлается господствующимъ въ народѣ; когда въ умѣренности, въ порядкѣ и благочиніи состояншѣ будутъ первыя священнѣйшія семейства должности; когда юночество будетѣ въ нихъ воспитано и ими пред-

охранено отъ соблазна: тогда божественная сила добродѣтели, сила данная ей отъ самаго неба распространивъ благословенныя свои слѣдствія на всѣ соспоянїя, на всѣ дѣла общеспвенныя и частныя; а безъ нее грѣхи со всѣми пагубными своими спунниками, съ неумѣренностїю, съ невоздержанїемъ, съ легкомыслїемъ, съ распочительностїю, опустошатъ страну самую богатую; изсякнувъ обильныя источники, изъ коихъ проливалось довольство на всѣ гражданскїя соспоянїя. Безъ добродѣтели и самыя благїя распоряженїя оспаются не дѣйспвишельными. Призовите изящныя искусства, возбудите промышленность, распространите ремесла и торговлю, приумножьте богатства: легко спанется, что все сїе совершится по вашему желанїю, но истиннаго благополучїя не достигнете. Ибо изящныя искусства послужатъ забавою для легкомыслїя, распространенная торговля житать будетъ суешную пышность, отъ приумноженнаго богатства невоздержанїе и распочительность сдѣлаются еще ненасытнѣе, и слѣдспвенно опечесиво приближится къ паденїю. Добродѣтель есть здравїе государства, и ея дѣйспвія простираются по всему тѣлу. Она оживляетъ, питаетъ, укрѣпляетъ всѣ уды; она крѣпкїя и слабыя части содержитъ въ надлежащемъ соединенїи и дѣятельности; она безъ посто-

ронней помощи естественною силою своею исправляетъ малые безпорядки. Напрошивъ того, гдѣ посыдныя спрасти господству ютъ; тамъ всѣ попеченія привести въ цѣлующее соспоаніе государство будутъ щещны. Смертоносныя дѣйствія порока распротраняются по всѣмъ членамъ политическаго тѣла; онѣ ослабляетъ благодѣтельную дѣятельнѣйшю распоряженія, мѣшаетъ отправу въ пипапельные соки, заражаетъ всѣ нервы государства, и государство умираетъ или опѣ крайняго изнеможенія, или въ мучительныхъ судорогахъ. Такъ, слуша-тели! что служите въ успроенію счастья или несчастья одного челоука, одного дома или семейства; то самое или распротраняетъ общее благососпоаніе въ государ- ствѣ, или низвергаетъ его въ пропасть по- гибели.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Б А С Н И.

Д в а Ч и ж а.

„Что такъ уныль,
Головку спустиль,

сидишь задумавшись, въ глубокомъ размыш-
леньи?

Иль скучно въ започеньи?“

Такъ старый Чижъ однажды говорилъ
Малюжкѣ Пипинькѣ, поварищу неволи :
„Напрасно ты грустишь! повѣрь мнѣ, лучшей

Я въ вѣкѣ бы нежелалъ! насѣ кормящѣ и помящѣ,
И намижѣ дорожатѣ.

Чего еще хотѣшь? А ежели случится
Тебѣ, иль мнѣ, хошя немножко занемочь,
Какъ много милая Алина суеписица!
И какъ стараешься по пѣмѣ, по симѣ помочь!
Ну право ни за что свободы не желаю!

И клѣпку, гдѣ сажу,
На лучшей садѣ не промѣняю.
Здѣсь я безъ всѣхъ заботѣ, о пищѣ неужу,
Надъ ястребомѣ смѣюся,
И ппичника съ силками небоюся!

Однѣ лишь песѣньки и радость на умѣ.“ —
Но все въ тюремѣ!

Со вздохомѣ Пипинька на епо отвѣчаетѣ :
До песѣнекѣ ли тамѣ,
Гдѣ нѣтъ свободы намѣ,
Гдѣ сердце унываетѣ?
Ни слова о тебѣ; — швой вѣкѣ
Уже протекѣ;
Ты волей насладился,
Любилѣ и веселился.

Но потѣ, кто въ цвѣтѣ лѣтѣ въ неволѣ за-
ключенѣ,

И съ милой разлученѣ,
Небудетѣ никогда согласенѣ въ томѣ съ побою,
Что можно радости въ оковахѣ находишь,
И что довольну можно бышь
Тюрьмою.

Симбирскѣ.

А. Маздорфѣ.

Дворная Собака и Комнатная.

Пожалуй мнѣ скажи, приятель дорогой,
Какою ты дошелъ пропой
До пѣхъ большихъ наградъ, которыя имѣешь?
Науку въ свѣтѣ жить ты вѣрно разумѣешь!
Такъ нѣкогда Азоръ Земиркѣ говорилъ:
Мнѣ право мудро! тебя всегда ласкають,
Тебя ошейникомъ богатымъ украшаютъ,
А обо мнѣ совѣмъ не вспоминають!
А яль хозяевамъ усердно не служилъ?
Не шакъ какъ ты; твое вѣдь все и дѣло —
Могу сказать я смѣло —
Подъ часъ, съ копенкомъ поиграть,
Чтобы господъ увеселять,
Иль мячикъ брошенный поднять,
Иль лаянемъ гостей пугать;
Вошь только и заслугъ! Межъ пѣмъ какъ я
безсмѣнно,
Лежу на привязи, осперегая дворъ,
И господамъ служу всей правдой, неизмѣнно!
„Ахъ, глупенькой Азоръ!
Земирка ошвѣчаетъ:
Усердемъ рѣдко кто награды достигаетъ.
На это не глядятъ,
Что службой бременятъ,
Что должность исполняешь.
Хотя весь вѣкъ шрудись, въ трудахъ изнемогай:
Но если вздоръ болшать искусства ты незнаешь,
Наградъ неожиданай.

Симбирскъ.

А. Маздорфъ.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

Замѣчанія о театральномъ ко- стюмѣ ().*

Въ послѣднія двадцать лѣтъ оказались великіе успѣхи въ театральномъ нашемъ костюмѣ; не надобно думать однакожъ, что онъ достигъ теперь до послѣдняго степени совершенства. На большихъ нашихъ театрахъ иногда замѣчаются такія погрѣшности, какихъ не видно на позорищѣхъ бульвара; гдѣ важная сія принадлежность нерѣдко наблюдается тщательнѣе нежели на сценѣ лирической и трагической.

Прежде актеры одѣвались почти вообще одинакимъ образомъ, и покрой платья ихъ принадлежалъ болѣе тому времени,

(*) Охотнѣе упребилъ бы я слово *одежда*; но костюмъ значитъ вообще все то, что пиитъ и живописецъ должны сохранить въ поемѣ или на картинѣ, изображая происшествіе, принадлежащее извѣстному вѣку или народу. Костюмъ заключаетъ въ себѣ и самые даже обычаи.

въ которое представляемо было зрѣлище, нежели тому, къ которому относилось представляемое дѣйствіе. Лекенъ и дѣвица Клеронъ начали вводитьъ полезныя перемѣны; но вся услуга ихъ состояла въ томъ, что одинъ смѣнилъ шляпы съ перьями, а другая фижмы. Актеръ надѣвши на себя пеструю апласную епанчу, думалъ, что совершенно походитъ на Синеа; всякой житель Азіи обыкновенно являлся въ Турецкомъ плащѣ; Французской уборъ шестнадцатаго вѣка служилъ для всѣхъ принцовъ и рыцарей, начиная съ первыхъ временъ монархіи; принцессы всѣхъ странъ обыкновенно имѣли на себѣ четверугольную бархатную епанчу синяго или краснаго цвѣта, по краямъ вышитую золотомъ и называемую *долиманомъ*! Не задолго до революціи, и даже послѣ, я видѣлъ въ *Меролу*, *Андромашу* и *Клеопатру* (въ Родогунѣ) одѣтыхъ въ черную шелковую робу съ поясомъ, усыпаннымъ алмазами, а *Херусновъ*, имѣющихъ въ ропшики съ брыжами *à la Medicis!*

Тальма, одинъ изъ величайшихъ актеровъ, прославившихъ нашу сцену, по всей справедливости долженъ быть почишаемъ истиннымъ преобразителемъ театральнаго костюма; онъ первой началъ въ точности соображаться съ историческою истиною;

въ прагедѣи *Карль IX* онѣ первой спалѣ наряжались по примѣру современниковѣ *Кашеринны Медицисы*; онѣ первой заспавилѣ акшеровѣ и акшрисѣ одѣвались погречески и по римски въ сагаринѣй *Виргиніа*, въ *Гракхатѣ* и въ *Тимолонѣ* г-на *Шенье*, и въ *Лемерсьеровѣмѣ Агамемнонѣ*.

Споль полезныя перемѣны по всей справедливости достойны одобренія. Не смотря на шо, большіе театры наши имѣютѣ еще много недоспашковѣ, весьма вредныхѣ для изящности представленія. На шавѣ называемомѣ *Французскомѣ театрѣ* Семирамида являея въ черпгахѣ, украшенныхѣ столпами Коринтскаго ордена; сады ея наполнены Американскими растѣніями; престолѣ ея сѣвится подѣ балдахиномѣ, сдѣланномѣ на образецѣ Польскій; дѣйсвующія лица большею часпю одѣты пошурецки, и конюшій, въ одеждѣ Французскаго рыцаря, подаютѣ руку Царицѣ! Погрѣшности замѣчаемыя на театрѣ *Большой оперы* еще многочисленне; онѣ не извинительны, пошому что для пышности его и великолѣпія нещадатѣ никакихѣ издержекѣ.

Не стану упоминашь о всѣхѣ замѣченныхѣ мною погрѣшностяхѣ и недостаткахѣ, а объявлю мнѣніе свое о шомѣ, ка-

кимъ образомъ надобно представлять одно изъ лучшихъ произведеній, которыми справедливо могушь хвалиться лирическая и трагическая сцены Французскаго театра. Хочу говорить объ *Ифигеніи въ Авлидѣ*.

На театрахъ Французскомъ и Большой оперы Ифигенію въ Авлидѣ представляюшь совершенно вопреки извѣстнымъ обычаямъ временъ героическихъ. На сценѣ обыкновенно бываетъ великолѣпная, по видимому кожаная, спавна съ золотыми веревками, выкроенная на образецъ балдахиновъ, бывшихъ въ употребленіи при Лудовикахъ XIII и XIV; въ дали театра видны другія спавки же, какъ будто парусинныя или шиковыя, и во всемъ похожія на наши солдатскія; между тѣмъ извѣстно, что въ героическія времена такія спавки небыли въ употребленіи: Гомеръ нигдѣ неговоритъ, чтобы Греки спавили палатки для защищенія себя отъ непогоды; во время Троянской осады они спростили *шалаши* (*) или хижинны, подобно нынѣшнимъ солдатшамъ, когда требуется нужда оспаваться долго на одномъ мѣстѣ.

(*) Гомеръ обыкновенно называетъ ихъ *κλιβία*. Слово сіе значитъ *tabernaculum* (шалашъ), а не *tentoria lineata* (парусинныя спавки).

Сїи шалаши точно были простыя хижины, сдѣланныя изъ бревенъ и сучьевъ, покрытыя проспаникомъ и землею. Шалаши начальниковъ были выгоднѣе другихъ расположены и просторнѣе. Извѣстно, что полководцы приходили въ ставку Ахиллеса, для утѣшенія его въ печали о смерти Патрокла. Гомеръ говоритъ, что передъ нею былъ огражденный дворикъ (*αὐλή*), среди коего находился жершвенникъ; здѣсь-то Ахиллесъ молилъ Юпитера о покровительствѣ, и приносилъ ему изліянїя (*).

Въ шалашѣ входили черезъ сѣни (**); изъ нихъ дверь (***) была въ большую хранину (****), украшенную, какъ думаешь надобно, наилучшими корыстями, полученными при раздѣлѣ добычи (*****). Ихъ-то разумѣешь Гомеръ подъ словами *блестящїя стѣны*, кои означаютъ шалашъ Пдоменея (***)

Позади шалашей было особое отдѣленіе для наложницъ и для рабовъ, и особая же камера для оружія, кошорое иногда оспа-

(*) II. XVI, 231.

(**) *Ἄλκησα προδρομος*. XXIV, 644, 673.

(***) *Θύρα*. XXIV, 572. *πρόθυρον*. XIX, 212.

(****) *Μέγαρον*. XXIV, 647.

(*****) II. XXIII, 559.

(*****) II. XIII, 261.

вляли и на дворѣ (*). Ахиллесъ и Патроклъ имѣли для себя отдѣленную намеру; были особыя шалаши для коней, которыхъ сами герои кормили, поили и чистили; во кругѣ расположены были шалаши для воиновъ, и весь станъ находился въ оградѣ, коея врага защищались башнями. Въ *Военной журналѣ* Нѣмецкомъ (**) помѣщенъ планъ и фасадъ шалаща Ахиллесова.

Нѣтъ сомнѣнiя, что не таковъ долженъ быть на театръ шалащъ Агамемноновъ; Греки оспавались въ Авлидѣ противъ своей воли; находясь тамъ, они не опасались неприятелей, слѣдственно недумали ограждать себя укрѣпленiями; но безвѣрiе продолжалось такъ долго, что воины принуждены были построишь себѣ шалаши или землянки. Можно представить Агамемноновъ шалащъ въ красивомъ видѣ съ имбующимся при входѣ подвижнымъ жертвенникомъ, и показашъ отдѣленiя, въ которыхъ находились должны его колесницы, кони, рабы и проч.

Можно такъ же развѣщать на оградѣ щиты, мечи и копья, расположенныя съ намбренiемъ и въ порядкѣ, подобно какъ передъ нашими палатками спавашъ солдатскiя ружья.

(*) II. XXIII, 559.

(**) Militaer. Monatschrift. p. 455.

Слѣбны самой хижины украсишь прилично Агамемноновымъ скипетромъ, щипомъ его, копїемъ и шлемомъ, по Греческому обыкновенїю; въ нимъ также прибавишь можно въкопоря вещи, опняшыя у Троянскихъ союзниковъ, шакъ на примѣръ серебряные сосуды, шреножники, пурпуровыя жламыды; но сосуды и шреножники должны бышь не слишкомъ искусной работы; надбно помнишь, что въ шѣ времена художества были еще далеки отъ совершенства, и что Ахиллесовъ щитъ великолѣпейъ единственнo пошому, что онъ сдѣланъ былъ руками бога.

Сполъ Агамемноновъ долженъ бышь шреножный, сдѣланный по образцу шѣхъ, какїе видимъ на старинныхъ, украшенныхъ живописью сосудахъ; можно также взять за образецъ сполъ проспой, выгравированной г-мъ Роккеджіани (*); на немъ видны сосуды, воскъ и завостренная палочка (stylus) для писанья.

Расинъ погрѣшилъ прошивъ точности испорической, заспавивши Агамемнона писашъ письмо. Нынѣ доказано уже, что во время Троянской войны искусство писашъ было неизвѣстно; однакожъ въ одной ошиб-

(*) *Costumi antichi*, Pl. XIV.

къ не должно прибавлять еще и другую, не должно спавить на сполъ чернилицу съ очиненнымъ перомъ гусинымъ. Прибавлю, что письмо не должно быть написано и на свишкѣ; надобно, чтобы Агамемнонъ писалъ на дощечкахъ, и чтобы письмо его было такое точно, какое подалъ Беллерофонъ Препу. Агамемнонъ отдастъ открытыя дощечки Аркасу, полагаясь на его скромность; или же онъ должны быть завязаны ленною темнаго цвѣта, подобною папирусу, кою тогда былъ уже извѣстенъ.

На сполъ можно посавить нѣсколько прекрасныхъ, расписныхъ сосудовъ Пирамезіевой фабрики; ваза, представляющая Аншифата, царя Леспригоновъ (*), кою преслѣдуетъ вепря, по моему мнѣнію, есть самая приличнѣйшая по формѣ своей, по стилю и по роду живописи.

Сшумъ для Агамемнона можно сдѣлать по образцу одного весьма древняго, выгравированнаго упомянутымъ г-мъ Роккеджіани (**).

Вдали предсавить надобно шалаши прочихъ полководцовъ, а за ними морской

(*) D' Hancarville, t. I. pl. I.

(**) Pl. XIX.

берегѣ съ Греческими кораблями, о видѣ копорыхъ справипсь можно съ гравированными карпинами Тишбейна (*).

Дѣйствующія лица должны имѣть на себѣ одежду Греческихъ героев. Ежели актеры желающъ оплнчпсь правильно-спію костюма, то представляющій Агамемнона долженъ явипсь на театрѣ въ шакомъ видѣ, въ какомъ сей Царь царей описанъ самимъ Гомеромъ (**).

Ноги его покрышы *ннеидами*, то естѣ мѣднымъ лапами, которыя держашся на серебряныхъ заспежвахъ.

Нагрудникъ его, полученный въ дарѣ отъ Цинираса, Кипрскаго царя, состоитъ изъ двадцати полосъ *чернаго ціануса*, изъ двенадцати полосъ золота и двадцати серебра; вмѣсто мешалла, Гомеромъ называемаго *чернымъ ціанусомъ*, можно употребипсь спаль вороненую.

Синія заспежки, копорыми на плечахъ держипсь нагрудникъ, имѣли видѣ змѣя; ихъ было на каждой сторонѣ по три. О фигурѣ сего нагрудника можно получипсь

(*) Figures d'Homere, Odissée, p. 4.

(**) II. L. XI. v. 20.

понятіе изъ рисунка на вазахъ, выгравированныхъ Тишбейномъ (*).

Ножны Царя царей украшены золошыми гвоздями.

Щипъ, которой долженъ висѣть на стѣнѣ шалаша, состоялъ изъ множества обручей, изъ которыхъ два были мѣдные и двадцать оловянныхъ; посрединѣ кружокъ изъ *чернаго ціануса*, и на немъ видна Горгона (**), распроспраняющая спрахъ и ужасъ.

На шлемѣ его при кисти. Шлемы сего рода видѣть можно на расписанныхъ вазахъ, и они во всемъ сходны съ упоминаемыми у Гомера; до сихъ поръ еще на сценѣ ихъ не употребляли.

Ахиллесъ долженъ имѣть оружіе, однакожъ не то, которое послѣ для него сдѣлано Вулканомъ. Пусшь явился онъ съ тѣмъ оружіемъ, съ которымъ находился подъ Троею, и которымъ не могъ онъ несчастнаго Папрокла предохранить отъ смерти. Гомеръ описываетъ его кратко (***)
Кнемиды, [или лапы на ногахъ его, должны быть мѣдныя, подобно Агамемноно-

(*) I. pl. 4. Надобно только прибавить змѣй.

(**) Въ рисункахъ Тишбейна (t. II pl. 288) находятся два щипа сего рода.

(***) II. XVI, 131.

вымъ, приврѣпленные серебряными зашпешками. нагрудникъ его усѣянъ звѣздами: на мечъ его, сдѣланномъ изъ серебра и мѣди, ищающъ яркя искры. щитъ его, большій и тяжелой, не описанъ Гомеромъ; шлемъ его украшенъ кистью и конскою гривой. Вообще надобно помнить, что у Ахиллеса оружіе гораздо простѣе нежели у богатаго Царя царей, Агамемнона, и что золота на немъ должно быть гораздо менѣе, нежели какъ обыкновенно видимъ на шаптрахъ. Самъ Гомеръ представляетъ намъ Троянъ съ пышнымъ оружіемъ, какъ жителей страны богатой; напрошивъ того у Грековъ, по его же описанію, оно гораздо простѣе. Главкъ, союзникъ Троянскій, обмѣниваетъ свое *золотое* оружіе на *жѣдное* Діомидово (*).

Я желалъ бы, чтобъ Ахиллесъ, когда приходитъ онъ избавить Ифигенію отъ жертвоприношенія, имѣлъ при себѣ щитъ и два коня ворожкя, по обыкновенію героевъ Гомеровыхъ.

Менелай и Улиссъ должны быть одѣты почти также какъ и Ахиллесъ, но въ разнородныя хламиды; оружіе Менелая богаче Улисса, но Улиссъ долженъ

() II. VI. 235.

имѣть особливую шапку, кошерою оплачался онъ онѣ другихъ героевъ.

Воины должны бытъ вооружены и одѣты очень просто; рисунки Тишбейновы (*) дадутъ достапочное поняшїе обѣ ихъ костюмѣ. Надобно, чтобы у каждаго изъ нихъ на ногахъ были *кнемиды*, ибо Гомеръ обыкновенно называетъ Грековъ *имѣющими красивыя кнемиды*.

Женщины должны бытъ одѣты въ спрожайшей почности по обыкновенію Греческому. Но Ерифиди и подруга ея, какъ рабыни и при томъ уроженки изъ области союзной и подвласной Троянамъ, имѣютъ въ одеждѣ своей нѣкоторое опличїе, по кошерому можно узнатьъ въ нихъ чужеспранокъ. *Millin.*

(Изъ Journ. Encycl.)

(*) Figures d'Homere, *Iliade*, p. 19

Выписки изъ путешествія въ восточную Индію, на острова Филиппинскіе и въ Китай ().*

Многіе наиболѣе читають любящъ описанія путешествій, можетъ быть пошому что въ нихъ находятъ приятныя картины для своего воображенія, или что желаютъ знать о законахъ, нравахъ и обычаяхъ разныхъ народовъ, или наконецъ ищутъ удовлетворительныхъ подробностей, относящихся до землепашества, до мореплаванія и торговли. По всемъ симъ отношеніямъ путешествіе г-на Сеншъ - Кроа есть книга весьма любопытная. Сочинитель смотрѣлъ на предметы хладнокровно, писалъ безъ предразсудковъ, и слѣдствія наблюденій своихъ повѣрялъ на вскахъ безпристрастія.

Г. Сеншъ-Кроа отправился изъ Бреста 1803 года, вмѣстѣ съ эскадрою, отплывшею тогда для принятія отпанныхъ обратно, по силѣ Амьенскаго договора, Французскихъ селеній въ Бенгалъ, и на берегахъ Коромандельскомъ и Малабарскомъ. Эскад-

(*) Сія книга вышла недавно въ Парижѣ. Титулъ ея: *Voyage commercial et politique aux Indes Orientales, aux iles Philippines, à la Chine; par M. Felix Renouard de Sainte-Croix. Trois volumes in 8.*

ра состояла подъ начальствомъ Контрб. Адмирала Линуа, а находившїяся на ней сухопутныя войска (1525 человекъ) ввѣрены были Генералу Девеню, которой тогда же наименованъ главнымъ начальникомъ всѣхъ заведеній, лежащихъ на восточной сторонѣ отъ Мыса доброй надежды.

Извѣстно, что Англичане скоро возобновили войну и не отдали Французамъ ихъ колоній. Сентъ-Крозъ спушивши на берегъ Индїи, вдругъ увидѣлъ себя въ плѣну у Англичанъ. Чтобы нѣсколько облегчить свое состояніе и разогнать скуку, сочинитель нашъ рѣшился осматривать внутреннія области Индїи и описывать оныя.

Въ первыхъ письмахъ содержится описаніе Пондишери, торговыхъ отношеній сего мѣста и находящихся тамъ Французскихъ колоній; неостановимся надъ ними, а лучше предложимъ что-нибудь о справныхъ обыкновеніяхъ природныхъ жишелей Индїи.

Изъ числа праздниковъ Индійскихъ, видѣнныхъ и описанныхъ сочинителемъ, первое мѣсто дадимъ такъ называемому празднику *огня*, который справляемъ былъ на равнинѣ за четверть миль отъ Пондишери. Пусшь пересказываетъ самъ сочинитель.

„Праздникъ начался торжественнымъ шествіемъ отъ пагода до мѣста исполненія обрядовъ. Сперва явилась колесница, везома набожными поклонниками; на ней была небольшая изъ земли сдѣланная спатуя, а передъ оною шли музыканты съ дьявольскими своими инструментами. Между ними и колесницею пащилось человекъ 25 священиковъ, которые изъ усердія къ вѣрѣ своей двадцать дней невыходили изъ пагода, постились, очищались омовеніями, и такимъ образомъ приготовились пройти по горящимъ угольямъ. Люди сіи были почти голые; только передникъ прикрывалъ наготу ихъ. На головахъ имѣли они вѣнчики изъ цвѣтковъ, а все тѣло ихъ, неисключая и лица, намазано было шафраномъ, и потому казалось ошвращительнымъ. Въ рукахъ своихъ они имѣли нѣкоторое орудіе, похожее на кинжалъ, и служащее украшеніемъ при обрядахъ вѣры; на концѣ оного былъ напикнутъ померанецъ.

„На мѣстѣ совершенія обрядовъ лежала полоса горящаго угля, длиною около 50, а шириною въ 15 футовъ. На краю вырыли яму въ три фута глубиною, и налили въ нее воды. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда поставили колесницу. Между тѣмъ пока происходили всѣ сіи приготовленія, усердные богомольцы стояли въ отдаленіи

шаговъ на сто. Зная, что они должны бы-
ли пройти по горящимъ угольямъ, я все-
гда хопилъ видѣть, не намазаны ли по-
дошвы ихъ какимъ-либо предохранитель-
нымъ отъ огня или уменьшающимъ боль
составомъ; однакожъ я ничего не примѣ-
тилъ. Въ Пондишери случалось мнѣ слы-
шать о томъ разныя мнѣнія; но увѣряю,
что на ногахъ богомольцовъ не было ни
малѣйшаго признака, который показывалъ
бы какую-либо предосторожность.

„Всѣ богомольцы извѣляли неперѣ-
ливое желаніе поскорѣе идти къ угольямъ;
надлежало удерживать ихъ отъ того не
весьма учтивымъ способомъ, а именно по-
средствомъ сильныхъ ударовъ проспью по
праведнымъ спинамъ ихъ.

„По изготовленіи всего нужнаго къ об-
ряду, богомольцы побѣжали прямо къ огню и
потомъ весьма медленно прошли по угольямъ,
чипая молитвы и непоказывая ниже малѣй-
шаго безповѣстна. Нечувствительность
ихъ я приписываю зашвердлости ножи.
Они привыкли босыми ногами ходить по
горячей землѣ; и отъ того подошва ихъ
одѣлалась нечувствительною. У нѣкоторыхъ
были на рукахъ маленькія дѣти. Ду-
маю, что они не потерпѣли вовсе никакой
боли; я слѣдовалъ за ними до самаго города

Пондистерей, и самъ видѣвъ, что они шли въ обратной путь точно такимъ порядкомъ, какъ и на мѣсто обрядовъ. Я забылъ сказать, что лишь только богомольцы сошли съ угольевъ, въ ту минуту народъ кинулся подбирать золу и напиралъ ею лобъ.“

Послѣ того слѣдуетъ описаніе праздника воды, которой также достоинъ вниманія. Все дѣло состоитъ въ томъ, что брамы имѣли торжественное шествіе къ одному близнему озеру и въ немъ купали своихъ идоловъ.

Обозрѣвши Пондистерей и окрестности сего города, сочинитель отправился въ Мадрасъ, находящійся въ двадцати пяти миляхъ. Онъ приказалъ, по тамошнему обыкновенію, нести себя въ началъ. Способъ сей путешествовать не дорогъ, но очень безпокоенъ для Европейца. Качалка есть родъ ящика, имѣющаго досчатый рѣшетки. Въ немъ можно лежать; только надобно занимать мѣсто на самой серединѣ для большей удобности. Три человека носильщиковъ, или какъ тамъ называютъ ихъ *богсовъ*, идущъ впереди и сползающъ позади качалки, держа ее на плечахъ своихъ. И такъ путешественнику, казалось бы, не о чемъ безпокоиться; но

въ несчастію носильщики сіи кричатъ такъ громко и такъ пронзительно, что Европеецъ не можетъ слушать воплей ихъ. Г. Сеншъ - Кроа не одинъ разъ принужденъ былъ, не смотря на чрезмѣрной жаръ, выходить изъ качалки и идти пѣшкомъ для успокоенія ушей своихъ.

Носильщики обыкновенно проходятъ въ часъ по двѣ Французскія мили; они бѣгутъ нежели идутъ, и на пути смѣняются такъ, что путешественникъ и примѣшивъ того не можетъ. Идучи мимо озера, носильщики моютъ лицо и ноги для подкрѣпленія силъ своихъ; ибо горячій песокъ, по которому идти имъ должно, нестерпимъ для тѣла. Въ одинъ день носильщики проходятъ по двенадцати и по четырнадцать миль.

Носильщики рождаются и умираютъ, не выходя изъ своего состоянія; въра запрещающъ имъ приниматься за другое ремесло. Вообще они собою очень стройны; имѣютъ хорошіе нравы и весьма честны; на нихъ можно положиться, и вразсужденіи кошеляка своего быть въ совершенной безопасности.

Осправляющійся въ путь на цѣлой день обыкновенно беретъ съ собою тринадцать носильщиковъ; двенадцать несутъ качалку

попеременно, а послѣдній служитъ путешественнику за повара; онъ обыкновенно отправляется впередъ къ назначенному для отдыха мѣсту, и тамъ приготовляетъ все нужное.

Путешественникъ нашъ изъ Мадраса побѣхалъ, или правильнѣе сказать велѣлъ нести себя, въ Транкенбаръ, мѣсто достойное примѣчанія, во первыхъ потому что оно принадлежитъ Дашчанамъ, а во вторыхъ по странности случая, какимъ досталось оно нынѣшнимъ своимъ владѣтелямъ. Одинъ Голландецъ, долго жившій на островѣ Цейланъ, женился тамъ на Королевской дочери. Онъ отправленъ былъ отъ Короля, своего тестя, въ качествѣ посланника, въ Республику соединенныхъ областей. По прибытѣ туда вздумалъ онъ выдать себя за Принца и требовать приличныхъ мнимоу сану своему почестей. Соединенные штаты сочли его сумасшедшимъ, и выслали изъ Республики. Голландецъ нашъ побѣхалъ въ Данію, рассказалъ тамъ свою исторію и заставилъ думать о важности оной. Зять Короля Кандійскаго отправленъ былъ обратно въ Индію на военномъ суднѣ, только одномъ, какое Дашчане могли тогда снарядить на своемъ иждивеніи. Онъ умеръ на пути. Дашчане не посмѣли прислать къ острову Цейлану, не зная

нравовъ и расположенія тамошнихъ жителей. По направленію въпра судно сіе при-
нуждено было пристать къ Транкебару,
которой принадлежалъ тогда Королю Тран-
жаурскому. Начальникъ судна, именовъ
Данскаго правительства, договорился съ
Королемъ объ уступкѣ Транкебарскаго окру-
га, и Данчане въ немъ поселились. Вла-
дѣнія ихъ простирающся тамъ на десять
миль квадрашныхъ.

Замѣчанія сочинителя о народахъ Ин-
дїи и о случившихся въ землѣ сей пере-
мѣнахъ политическихъ показываютъ въ
немъ наблюдателя глубокаго и точнаго. На
немногихъ страницахъ умѣлъ онъ помѣ-
стить множество такихъ извѣстій, кото-
рыя даютъ читателю самыя ясныя поня-
тія о физическомъ и нравственномъ со-
стояніи Индїйцевъ, и о томъ, какое дѣй-
ствіе имѣли на нихъ суевѣрные полки и
обряды. Мы выпишемъ для читателей въ-
которыя изъ упомянутыхъ замѣчаній.

„Колѣна Индїйцевъ раздѣлены по реме-
сламъ. Дитя, едва на свѣтъ родившееся,
уже предназначено къ тому ремеслу, ко-
торымъ занимаются его родители, и по-
нятія его никогда не будутъ простира-
тся далѣе своего круга. . . . Вышедшій изъ
своего колѣна подвергнулся бы вѣчному без-

честію, и спалъ бы навсегда отверженнымъ отъ общества, даже панъ что и самая любовь, которая у насъ въ Европѣ иногда заставляеиъ забывать всѣ преимущества и всѣ приличія, отказываетъ несчастному въ своемъ покровительствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Индіи любовь не походитъ на Европейскую. Тамощній климатъ и вѣра освобождаютъ Индійца отъ наблюденія вѣрности супружеской; но мущина, какого бы ни былъ колѣна, можетъ выбрать себѣ наложницу только изъ *бядеръ*.

„Малабарцы обыкновенно женятся въ своемъ колѣнѣ. Супружество ихъ заключается съ самаго юнаго возраста: дѣвочки выдаются въ семь лѣтъ, а мальчики женятся въ пятнадцать. Почти всегда брачные договоры оканчиваются между родителями. Соспояніе замужней женщины есть самое рабское. Въ почтеннѣйшихъ колѣнахъ, а особливо супруги брамы должны сидѣть всегда въ заперти и быть подъ надзоромъ старшихъ. Если мужъ небогатъ и не можетъ содержать слугаюкъ изъ низшаго колѣна, то жена исправляетъ всѣ домашнія работы. Супруга брамы каждой день обязана мыть весь домъ водою, смѣшанною съ коровимъ навозомъ, и варить пшено сорочинское.

„Брама, породю свою предназначаетъ къ священнослуженію, починаясь себѣ отличными отъ прочихъ Индійцевъ, принадлежащихъ къ другимъ колѣнамъ. Проспой Индѣецъ, разговаривая съ брамою, долженъ держать ладонь надъ риломъ, дабы нечиспаго дыханія своего не допустишь до лица брамы. . . .

„Чтобы получить нѣкоторое понятіе о природныхъ жителяхъ Индіи, надобно представить себѣ народъ съ непамятныхъ временъ многолюдный, ученый, неимѣющій съ другими сообщенія, никогда не выходящій за предѣлы своего опечества, раздѣленный на колѣна, изъ копорыхъ каждое одно другому завидуешь, одно другаго опасается; надобно представить себѣ народъ, свято хранящій древнѣйшїя свои обычаи и установленія, кровію предковъ запечатлѣнные; народъ постоянный, такъ что ни одинъ человѣкъ не можетъ уклониться отъ принятыхъ обыкновеній, не лишаясь въ то же время всѣхъ правъ своей породы, ибо законодапель, смѣшавши гражданскіе законы съ богослужебными, соединилъ ихъ узами неразрывными. . . .“

Любопытно знать, что сочинитель нашъ говоритъ о *бядерахъ*, о сихъ женщинахъ, которыя казались споль преле-

спными живому воображенію Райналя, и копорья разными путешественниками описаны не одинаково. Европейцы называютъ баядерами особливаго состоянія женщинъ, копорья пляшутъ въ пагодахъ, и копорья вообще опредѣлили себя на поруганіе. Имя сіе происходитъ отъ Португальскаго *balladieras*, ибо такъ назвали ихъ первые Европейцы прибывшіе въ Индію; но подлинное названіе ихъ есть *девандасси*, что значить на Санскритскомъ языкѣ *служительница божества*. Не всякая дѣвица можетъ вступить въ званіе девандасси; сіе преимущество принадлежитъ одному колѣну. Баядера остаётся въ званіи своемъ до законнаго супружества.

Дѣвица, по назначенію родителей своихъ вступающая въ баядеры, еще прежде достиженія совершенныхъ лѣтъ приводится ими въ пагодѣ. Тамъ совершается надъ нею шоржественное посвященіе и раскаленнымъ желѣзомъ прикладывается къ ней печать храма. Имѣя на себѣ сей знакъ, баядера дѣлаетъ сладострастныя забавы съ Индійцами всѣхъ колѣнъ, кромѣ Паріевъ. Новую баядеру отдають подъ надзоръ шанцовщину, которой обучаетъ ее разнымъ пляскамъ. Баядеры, точно какъ и брамы, должны питаться только плодами и растеніями.

Многіе писатели и путешественники чрезвычайно хвалятъ баядерскія пляски; почти всѣ говорятъ съ восторгомъ о прелестныхъ ихъ пѣлодвиженіяхъ. Напримѣръ того г. Сентъ-Креа ничего незамѣтилъ кромѣ коверканья головы въ одинъ ладъ съ движеніями плечъ, рукъ и глазъ. Вообще движенія сіи должны казаться Европейцу весьма странными. Баядеры пляшутъ въ Турецкихъ шировахахъ и съ кисейною шалью; онѣ богато украшены бѣлою золотомъ и жемчугомъ, и имѣютъ на ногахъ побрякушки, для означенія мѣры. Принадлежащій къ пароду танцовщикъ вцоритъ баядерамъ; по же дѣлаютъ пѣсельники и музыканты, коихъ голоса и игра на волынкахъ отвращительны.

Пѣніе баядеръ, весьма заунывное, уподобляется обыкновенной музыкѣ всѣхъ восточныхъ народовъ; оно шянется переходами изъ одного пѣлутона въ другой.

Въ пагодахъ баядеры воспѣваютъ похвалы своему богу и прославляютъ его воплощеніе. Но когда заспаваютъ ихъ плясать у Индійскихъ Князей или у Европейцевъ; тогда онѣ обыкновенно поютъ пѣсни о забавахъ, коими наслаждался Шивенъ по своемъ воплощеніи, подъ именемъ *Девендлени*, и о томъ какъ искушалъ онъ вѣр-

ность нѣкопороу баядеру, своей супруги. Учитель обыкновенно имѣетъ при себѣ нѣ большія цимбалы, на копорыхъ играетъ какъ для ободренія танцовщицъ, такъ и для показанія имъ шапта, быспраго или медленнаго. Баядерамъ дозволяется отвѣчать на ласки всякаго изъ числа природныхъ жителей; но имъ строго запрещено коропно знакомиться съ Европейцами, копорымъ однакожъ съ помощію денегъ удаешся иногда преодѣвать встрѣчающіяся препятства. Т.

III. К Р И Т И К А.

Разговоры о словесности (*).

Читая разныя творенія почтеннаго сочинителя *Разговоры о словесности*, я всегда имѣю въ мысляхъ своихъ его намѣреніе, благородное и полезное. Чего желаетъ онъ? Чтобы многіе изъ насъ, ославивъ слѣпое, раболѣпное и невѣжественное при-

(*) Сочиненіе Александра Шишкова. Въ С. Петербургѣ, въ типографіи Ивана Глазунова, 1811 года.

страстиѣ къ чужбинѣ, устремили разумъ свой на собственное достоинство; чтобы приучили себя заботиться о приобретѣнїи тѣхъ познанїй, которыя необходимо нужны для счастїя нашего и славы; чтобы къ очищенїю и обогащенїю языка своего старались употреблять только тѣ пособия, которыя могутъ быть истинно въ тому полезными, и которыя одобряются здравымъ разсудкомъ, а не прихотями легкомыслїя и невѣжества. Я люблю подобныя совѣты, почитая ихъ весьма нужными при нынѣшнихъ обстоятельствѣхъ, и для того, прежде нежели предложу нѣкоторыя замѣчанїя свои на *Разговоры*, поспѣшаю сообщить читателямъ прекрасное ихъ окончанїе.

„Священные книги снабдили бы насъ избранными словами, краткими выраженїями, красотою и приличїемъ иносказанїй, высокою мыслью и силою языка. Изъ альбомовъ нашихъ и другихъ подобныхъ имъ сочиненїй снова присвоили бы мы себѣ много хорошаго и прямо Русскаго. Народный языкъ, очищенный нѣсколько отъ своей грубости, возобновленный и принаровленный къ нынѣшней нашей словесности, сблизилъ бы насъ съ тою прїятною невинностию, съ тѣми естественными чувствованїями, отъ которыхъ мы удаляясь, дѣ-

даемъ больше жеманными говорунами нежели испинно краснорѣчивыми писателями. Мы бросились на новѣйшіе иноспранные языки, и переводя съ нихъ, спали придерживавшя ихъ свойствамъ. Чего у нихъ въ языкъ нѣтъ, того уже и мы въ сочиненіяхъ своихъ употреблять не смѣемъ. Сіе излишнее подражаніе имъ отводитъ насъ отъ собственныхъ красотъ языка нашего, и спѣсняя предѣлы онаго, служитъ болѣе ко вреду, нежели нѣ пользѣ словесности. Всякому ученому человѣку, а особливо писателю, конечно не худо знать всѣ иноспранные языки, однако знаніе своего языка всего нужнѣе; ибо безъ того весь трудъ его, употребленный на обученіе чужихъ языковъ, останется щепенъ; избъ иноспранныхъ же полезнѣе всѣхъ Греческій и Латинскій. Они братья Славенскому языку, во всемъ съ ними сходному, споль же древнему, споль же сильному и богатому. Всѣ новѣйшіе языки признають преимущество ихъ предъ собою. Какъ же съ паневымъ языкомъ, каковъ нашъ, избрать себѣ образцомъ какой нибудь новѣйшій языкъ? оставишь для него всѣ собственные свои красоты? гоняшя за его словами, за его выраженіями, за его оборотами, и не смѣшь думать и говоришь по своему? Когда мы симъ образомъ далѣе поступашъ спанемъ, то словесность наша необходимо должна

будетъ отчасу болѣе приходишь въ упадокъ; ибо многія важныя и высокія слова забудутся, корни ихъ испребятся, въшьви произшедшія отъ нихъ или посохнутъ, или кругъ знаменованія каждой изъ нихъ вмѣсто распространенія сплѣснися, чужія и новыя несвойственныя намъ реченія будутъ больше и больше входить, пускашь странныя опрасли, распространяться, опнимають силу у коренныхъ словъ, подвергаютъ ихъ такимъ перемѣнамъ, какимъ подвержена одежда или комнатныя уборы, и наконецъ изъ богатѣйшаго языка, въ которомъ почти каждое слово имѣетъ свой корень, печетъ отъ извѣстнаго и числаго понятія, сдѣлается языкъ сборный, новѣйшій, не имѣющій болѣе шого ума, которой при составленіи каждаго реченія, давалъ каждому слову, каждому выраженію силу и душу. Можетъ ли чрезъ поколебаніе такимъ образомъ языка обогащаться словесность? Напротивъ шого, когда мы обратимъ вниманіе наше на собственный свой языкъ, и вмѣсто основаннаго на временномъ навыкѣ безразсуднаго пренебреженія къ словамъ и свойственному намъ составу оныхъ, начнемъ въ каждомъ изъ нихъ разбирать мысль и силу, приличіе или неприличіе въ слогъ; тогда конечно опираются намъ новыя источники, могущіе обогатить нынѣшнюю нашу словес-

ность. Мразы и хлады не препятствуютъ въ душахъ нашихъ горѣть огню въраснорѣчїя и стихотворства; природа не лишила насъ дарованій: свидѣтельствуютъ въ томъ прежніе и нынѣшніе наши писатели; но мы бы вознеслись несравненно выше, когда бы силы свои изъ собственныхъ нѣдръ своихъ извлекали. Тогда иностранецъ, переводя насъ, нашелъ бы въ книгахъ нашихъ многія чуждыя ему и поражающія его красоты. Словесность наша привлекла бы его вниманіе, почто таковымъ же образомъ, какъ привлекаютъ его свойства Греческаго и Латинскаго языковъ. Но ежели, переводя насъ, онъ ничего не будетъ находить кромѣ подражанія собственному его языку; по есб преимуществва языка нашего остануися погребены во мракѣ, и мнимые просвѣтители наши всегда и справедливо проповѣдовать будутъ, что мы все опѣ нихъ заимствуемъ и сами собою ничего не имѣемъ, ни достоинства языка, ни собственныхъ мыслей своихъ и объясненій.“

Книга состоитъ изъ двухъ Разговоровъ. Азъ и Буки разсуждаютъ въ одномъ изъ нихъ о *правописаніи*, а въ другомъ о *Русскомъ стихотворствѣ*; слѣдовательно Азъ и Буки нашего Сочинителя непоходятъ на тѣхъ писателей, которые упраж-

няются въ стихотворствѣ, не научившись напередъ правописанію. Я увѣренъ, что писатели сего разбора нестанутъ терять времени надъ чтеніемъ разговоровъ Аза съ Буки: имъ надобны *зари багряны персты, васильки и ландыши, вздохи сердца, олтѣнки чувствительности, гармонія чувствъ, симпатія душъ* и тому подобныя драгоценности, безъ которыхъ ни одному порядочному человѣку обойтись не можно лѣтъ въ двадцать отъ роду, а для иныхъ, по счастливому спеченію обстоятельствъ, онѣ бывають нужны въ тридцать лѣтъ и далѣе. Оставимъ ихъ, и послушаемъ бесѣдующихъ. Вотъ выписки изъ перваго Разговора, и мои на нихъ замѣчанія:

Языкъ нашъ имѣетъ въ церковныхъ книгахъ правила доспащочныя и швердыя для правописанія (спр. 1).

Въ церковныхъ книгахъ содержащія только примѣры, изъ которыхъ составлены правила для правописанія; чпожь насается до самыхъ правилъ, то ихъ искать надобно въ грамматикахъ. Впрочемъ и церковныя книги не все сходны между собою въ правописаніи: въ однихъ предлоги соединяются съ именами, въ другихъ спаваются отдѣльно; въ однихъ имена собспвенныя начинающіяся прописными бунвами,

въ другихъ спрочными ; въ однѣхъ написано *пріятіе*, въ другихъ, хотя правда и многихъ, *пріятіе* и проч.

Нынѣ начинаютъ отступать отъ употребительнаго въ церковныхъ книгахъ правописанія. Прежде утверждались больше на произношеніи или слухѣ, а нынѣ утверждаютъ на словопроизводствѣ (ср. 2).

Не нынѣ, а очень давно отступать начали. Буквы *жи*, *лси*, давно уже не употребительны ; вмѣсто долгаго *Ш* теперь спавятъ вездѣ *О* короткое; буквъ *Ө*, *V* и даже *Щ* совсѣмъ не найдете въ азбукѣ Ломоносова, хотя первыя двѣ необходимо нужны для словъ принятыхъ съ Греческаго языка. Ниже увидимъ, что и прежде, по крайней мѣрѣ столько же какъ нынѣ, утверждались на словопроизводствѣ.

Произношенію и словопроизводству надобно послѣдовать съ разсудкомъ; безъ сего оба сїи пути ведутъ насъ въ порочъ языка. Соглашаясь съ выговоромъ, надлежало бы писать: *нохли*, *шло*, *рунафъ*, *карова*, *ифца*; слѣдуя словопроизводству, надлежало бы и въ простомъ слогѣ писать *тумдесять* (ср. 2, 3, 4).

Очень справедливо. Объ епомъ найдешь можно весьма хорошія и подробныя наставленія въ разныхъ грамматикахъ, начиная съ Ломоносовой.

Какому жъ слѣдовать правилу? Прилѣжному членію спаринныхъ книгъ, ближайшихъ къ корню языка, и тѣмъ писателямъ, которые непоправляя онаго шамъ, гдѣ поправляшь не должно, писали, послѣдуя числѣнъ произношенія (какъ и Ломоносовъ писалъ) *двалцать*, *трилцать*, *пялнатцать* (стр. 5).

Ежели *членіе* принято здѣсь за *слова*, за *лексъ*, то прилагательное при немъ употреблено не у мѣста; а ежели оно значить то же что *члтаніе*, то глаголъ *слѣдоваль* относится къ нему неможеть. Книга *ближайшая* къ корню языка есть также весьма оцущипельная неправильность. Нѣкоторые писали *двалцать*, *трилцать*; другіе пишущъ *двалцать*, *тридцать*, и порицающъ ихъ за то не должно, изъ уваженія къ доброму намѣренію: очевидно, что они хотящъ помирить словопроизводство съ выговоромъ, двухъ величайшихъ непріятелей.

Сіи неосновательныя и невѣжественныя мнѣнія: *олдѣлитель Славенскоѣ*

языкъ отъ *Рускаго* (которой несуществуетъ; ибо слогъ или нарѣчїе не есть языкъ) . . . таковыя, говорю, и подобныя смѣлѣности не приходили имъ (писателямъ) никогда въ голову (спр. 6).

Оставшійся въ книгахъ духовныхъ Славенскій языкъ опдѣленъ отъ нынѣшняго Русскаго несходствомъ нѣкоторыхъ словъ, и разносію въ спряженіяхъ и даже въ правилахъ синтаксиса. Безъ всякаго сомнѣнія Русской языкъ есть отрасль Славенскаго; но теперь онъ уже въ такомъ состояніи, что приличнѣе называть его языкомъ, а не нарѣчїемъ. На немъ издаются законы; на немъ написаны многія книги; какъ же можно сказать, что онъ не существуетъ, и какъ можно называть его нарѣчїемъ, тогда какъ самъ онъ уже имѣетъ множество мѣстныхъ нарѣчій? Если такъ, то ни одинъ изъ нынѣшнихъ Европейскихъ языковъ не существуетъ, ибо всѣ они произошли отъ древнихъ и изъ нихъ составились. Было бы очень странно, когдабъ уверять стали, что у Италійцевъ и Французовъ нѣтъ языка, и что тѣ и другіе говорятъ нарѣчїемъ или слогомъ.

Извѣстно, что изъ выраженій *высь око, глубь око, ширь око, даль око,*
 No 12. У

составились нарѣчія *высоко*, *глубоко*, *широко*, *близо*, *далеко*. Изъ сихъ послѣднiя при немало опспутили отъ своего начала. Имена *зѣница*, *граница*, долженспвовалибы по словопроизводспву писатсья *зрѣница*, *храница*; ибо происходять отъ *зрѣнiе*, *храненiе*. Имя *лѣсница* по настоящему должно бытъ *лѣзница*; ибо имѣеть начало свое отъ глагола *лѣзу*. *Обонянiе* должно бытъ *обвонянiе*; поелику составлено изъ предлога *объ* и имени *воня*; но буква *В* выпущена для удобнѣйшаго произношенiя (спр. 8).

Кому ето извѣстно, будшо изъ *высо* *око*, *глубь око* составились нарѣчiя *высоко*, *глубоко*? Я могъ бы утверждать, что *гордосль* происходишь отъ *гора* и *даю*; но какiя представлю на по доказапельспва; ежели не самыя слабыя? Трудно согласишься, будшо при составленiи языка Славянiнъ умѣлъ уже выразишь понятiя о глаголъ *высилъ* и объ имени *око*, умѣлъ уже соединишь оба сiи понятiя, не знавши нарѣчiя *высоко*! Не вѣдаю, что сказать о *зѣницѣ*; но граница, если не ошибаюсь, происходишь не отъ *храненiя*. Наше слово граница по видимому не чужое Нѣмецкому *graenze*; имѣющему съ нимъ одинакое

знаменованіе. Въ Кормяей и въ Спепенныхъ книгахъ часто упоминается *грань*; и значить тамъ край или отдѣленіе. *Грань*; *граница*; *черта*; *рубежь*; *край*, *межа* — есть ли тутъ понятіе о *храненіи*?

Прежде писали *восхитить*; *исторгнуль*; *искорениль*; а нынѣ начали писать *возхитить*; *изторгнуль*; *изкорениль* (спр. 10). Нѣкоторые новѣйшіе писатели (то есть гораздо послѣ Ломоносова и современныхъ ему); перемѣня старинное правило; стали вмѣсто с писать з (возхитѣль; возгнуд и проч.) *спр.* 12:

Очень давно уже начали нарушать сіе правило; освященное примѣрами старинныхъ книгъ церковныхъ. Ломоносовъ ясно сказалъ мнѣніе свое; какъ должно употреблять слова; составленные изъ предлоговъ *воз*; *из*; *раз* (см. граммат. § 123) Уже и Сумароковъ горько жаловался на дерзость нерадивыхъ писателей; не уважавшихъ свойствъ языка и принявшихъ правилъ: „Хотя невѣдаю, говоришь онъ (*); съ чего нынѣ пишутъ и очень недавно начали: *през*; *возходный*, *возлѣль*, *возкликнуль*; *возтрубили* и проч.; что не только съ на-

(*) Соч. Сумар: Москва 1787. Т. X. стр. 13:

„шими древними книгами и съ нашимъ языкомъ несходно, но и самому человѣческому выговору неудобно. Говорящъ, будшо сѣ ради удержанія въ словѣ корня не вводится, но съ крайнимъ насиліемъ ввозится въ нашъ языкъ; но не смѣшно ли ешо, когда ищется корень въ предлогахъ или въ союзахъ . . . Г. Ломоносовъ у предлоговъ никогда не искалъ корня. . . “ И въ другомъ мѣстѣ (*): „Но бывало ли ошъ начала мѣра въ какомъ нибудь народѣ шавое въ писаніи снаредспво, какова мы нынѣ дожили. *Возтокъ, излочникъ, пре, возходительство!* конечно паденіе нашего языка скоро будетъ, когда шакая нелъпца могла бытъ воспріяша. О Ломоносовъ, Ломоносовъ! что бы ты сказалъ, когда бы ты по смерти своей симъ кривописаніемъ увидѣлъ напечатаны свои сочиненія!“ Нылъ во всѣхъ грамматикахъ найши можно правило о шомъ, что въ предлогахъ З перемѣняешся на С передъ буквами швердыми (*воссламенилъ*), а передъ мягкими остаешся непремѣннымъ (*возблагодарилъ*). Чшо жъ дѣлашь, когда наши господа сочинители и переводчики нарушающъ сѣ грамматическое правило, и нарушающъ не по упрямству, а или по невѣдѣнію, или ошъ небреженія?

(*) Тамъ же стр. 25.

Тѣ, которыхъ слабый слухъ, причась къ иносаннымъ языкамъ, не смѣшъ возвышаться до согласнаго громозвучія Славенскаго языка, почитаютъ букву Щ за худой въ языкѣ нашемъ звукъ. Я думаю (говоритъ Буки) совсѣмъ напротивъ. Мы кажешся, буквы Ч, Ш, Щ возвели Славенскую азбуку и языкъ до такой силы и звучности, до которыхъ всѣ новѣйшіе языки, неимѣющіе сихъ буквъ, тщетно покушаются вознеслись. Доказательствомъ, что они неимѣютъ ихъ отъ недостатка, а не потому чтобы почитали ихъ излишними, служитъ то, что они чрезъ совокупленіе разныхъ буквъ стараются выразить звуки Ч и Ш; но до Щ ни одинъ изъ нихъ не достигнулъ (стр 14).

О добротѣ звука Щ утверждать, не отрицать ее не смѣю. Ломоносовъ конечно не отъ привычки къ иностраннымъ языкамъ исключилъ букву сію изъ азбуки, справедливо почитая оную составною изъ Ш и Ч и потому не болѣе нужною какъ *кси* и *пси*. Мы привыкли къ ней въ словахъ производныхъ (на примѣръ *вѣщій*, *лица*), и будемъ употреблять ее по прежнему. Но не слишкомъ ли уже много приписывается почести буквамъ Ч, Ш, и Щ, когда говорится, будто они возвели Славен-

еную азбуку и языкъ на высочайшую степень силы и звучности? Выражаемые ими звуки были въ языкъ прежде употребленія письма, а буквы изобрѣтены послѣ и именно для звуковъ. Какуюжъ особливую услугу оказали буквы Ч, Ш, и Щ, и какую причину мы имѣемъ хвалиться тѣмъ, что для звука Ш у насъ есть одинъ знакъ, а Французы, на примѣръ, шопъ же самой звукъ изображаютъ двумя буквами СН? Не уже ли для Французовъ труднѣе прописать свое *chambre* нежели для насъ *шорокъ*, потому только что звукъ Щ у нихъ изображается двумя буквами? Французы неимѣютъ буквъ для изображенія Х, Ц, Ч, Щ; ещо для нихъ и не нужно, потому что они и звуковъ нашихъ неимѣютъ въ своемъ языкъ. У насъ нѣтъ буквъ для выраженія первошорыхъ звуковъ Испаліанскихъ, Французскихъ, Англійскихъ; должны ли мы о томъ печалиться, и могутъ ли иностранцы упрекать насъ бѣдностію?

Трудности изображенія многихъ нашихъ буквъ доказываютъ шъ Славенскаго язѣка нарѣчія (какъ-шо Польское, Богемское, Сербское, Иллирійское и проч.) которыя или по неволѣ, или по неблагоприятной волѣ, приняли вмѣсто Славенской Латинско-Нѣмецкую азбуку, и чрезъ шо несообразными

сѣ свойспвомѣ языка своего письменами
исказили оный (спр. 16).

Сербы издавна употребляютъ Кирилов-
скую азбуку, одинакую сѣ нашею Славен-
скою. Всякой грамотной Россіянинѣ мо-
жетъ читать безъ труда Сербскія книги.

Нѣкоторые начинаютъ писать *Риг-
ской*, *Калугской*, *Варягское*; вмѣ-
сто *Рижской*, *Калужской*, *Варяжское*
(спр. 19).

Такъ давно писали и нынѣ пишутъ
тѣ, которые незнаютъ грамматическаго пра-
вила о перемѣнѣ буквы Г на Ж въ словахъ
производныхъ.

Нѣкоторые утверждаютъ, что окон-
чаніе на *ской* не должно ни въ какомъ
случаѣ измѣняться, и для того спали
писатъ *Русской*, *Французской* и проч.
вмѣсто *Руской*, *Французной*, какъ
прежде писалось. Буква с, послѣ буквъ
с, з, ц, дѣлаетъ непріятный для
слуха выговоръ, и для того одна изъ
двухъ буквъ выпускается. Такимъ обра-
зомъ должно писать *Спаской* мостъ
(а не *Спасской*), *Руской* человекъ (а
не *Русной*). Спр 20.

Здѣсь предложена одна изъ тѣхъ но-
востей, которыхъ самъ господинъ Сочини-

шель неодобряеть. Не смотря ни на что, я пишу и буду писать Русской человекъ, а не Руской, во первыхъ основываясь на словопроизводствѣ, а во вторыхъ слѣдуя примѣрамъ книгъ церковныхъ. Въ житіи блаженнаго Петра Царевича напечатано (*): „бѣ же тогда въ соборной Росновской церк-
 „ви пѣніе лѣваго клироса Греческое, а пра-
 „ваго Русское“ (а не Руское). И пошлемъ ни-
 же: „научися же Петръ и книгамъ Рус-
 „скимъ“ (а не Рускимъ). Въ Библии на-
 хожу: (**) „въ лѣто первое Кира царя
 „Перскаго“ (а не Перскаго); „въ царство
 „Аршаксеркса царя Перскаго (***)“
 „поспави насъ въ благодани предъ цари
 „Перскими (****).

Буква э вродѣ нужна ли. Ломоносовъ полагалъ ее только надобною для ино-
 странныхъ словъ таковыхъ какъ эска-
 дра, экземпляръ и проч.

Ломоносовъ почиталъ букву э совсѣмъ
 ненужною. „Вновь вымышленное, или спра-
 „ведливѣе сказать, шарое Е на другую
 „спорону обороченное, въ Россійскомъ язы-

(*) Книга житій Святыхъ. Москва 1805. Июнь,
 листъ 192.

(**) 1 Кн. Ездры гл. 1 стр. 1.

(***) Тамъ же гл. 7. стр. 1.

(****) 2 Кн. Ездры гл. 8 стр. 77.

„ѣвнужно. Ибо буква Е, 1) имѣя нѣсколь-
 „ко разныхъ произношеній, можешь слу-
 „жить. и въ мѣспомѣнїи *елоть* и въ
 „междумѣстїи *ей*; 2) для чужестранныхъ
 „выговоровъ вымышляшь новыя буквы весь-
 „ма негодное дѣло“ (Граммат. § 85). „Бук-
 „ва Е. . . . въ началѣ иностранныхъ рече-
 „нїй . . . произносятся какъ у насъ въ
 „междумѣстїи *ей*, Экспедиція, Эскадра, Един-
 „бургъ.“

Недавно появилась еще новая, не-
 извѣстная доселѣ въ словесности на-
 шей буква ё съ двумя почками (стр. 24).

Нѣкопорыми упошребляется она или
 для изображенія Французской двугласной,
 или для выговора *ю*, на примѣрѣ въ
 словѣ *царемъ* для рифмы съ *перомъ*.
 Но на первое можемъ сказать съ Ломоносо-
 вымъ, что ежели для иностранныхъ вы-
 говоровъ вымышляшь буквы новыя; то бу-
 дешь наша азбука съ Кипайсяю. А враз-
 сужденїи вшораго, вмѣстѣ съ Сочинише-
 лемъ Разговора о правописанїи, замѣтимъ,
 что порипишь словѣ для рифмы недолжно,
 и что для соблюденія чистоты языка на-
 добно писашь *царемъ*, *твое*, *могъ*, неза-
 болясь, какъ слова сїи произносятся въ
 просторѣчїи.

Отъ новой буквы господинъ Сочинитель переходящъ къ неправильному произношенію въ поемахъ и прегедіяхъ, и предлагаетъ полезныя и прекрасныя замѣчанія. Вотъ его мысли:

Должно ли для проспонародныхъ словъ выдумывать новую букву, дабы мало упражнявшимся въ чшеніи писателямъ подать поводъ вездѣ оную спавиль и поршишь чрезъ то чистоту языка? Важному и краснорѣчивому слогу приличенъ такой же и выговоръ словъ. Если мы проспонародное произношеніе вводимъ будемъ въ книжной высокой и благородной языкъ; то наконецъ цари и герои въ поемахъ и прегедіяхъ будутъ у насъ говорить, какъ просполюдины на улицахъ. Уже и такъ отчасти сіе совершается (спр. 29) . . . Ежели употребленіе сего звука далѣе распространяться будетъ; то наконецъ и въ Священныхъ писаніяхъ вмѣсто: *вослоемъ и поемъ силы Твои*, спанемъ мы чипашъ: *васлаіомъ и лаіомъ силы Твои*; или *красенъ доброю лаче сьмовъ чловѣческихъ*, спанемъ говоримъ: *красіонъ доброю* и проч. (спр. 30) . . . Выговоръ сей отнюдь не долженъ быть шерпимъ въ высокихъ сочиненіяхъ, таковыхъ какъ ода, похваль-

ное слово, поема, прагедія (спр. 31) . . . До чего доведешъ прагедію нашу сію неосновательное и ложное правило (чишащъ стихи въ прагедіи по выговору просторбчія), если мы неоспережемся и далѣе послѣдовать оному будемъ? Какъ согласишь съ достоинствомъ лица и важностію прагического слога, когда мы слышимъ величественнаго князя или вельможу въ великолѣпной одеждѣ прощонародно восклицающаго: *Падіолъ, гредіолъ, идіолъ, пресіолца, носніолца?* Когда Агамемномъ, или Ахиллѣ, или Семирамидѣ, или Клеопатрѣ перебиваютъ произношеніе свое по предыдущей рифмѣ: иногда говорящъ *идельъ*, иногда *идіолъ*; въ одномъ мѣстѣ произнесущъ *зарей*, а въ другомъ *заріой*; въ одномъ стихѣ скажутъ *слезы*, а въ другомъ *сліозы*? Можешъ ли такое безобразіе быть терпимо (спр. 34)? . . . Теперь есть училище молодыхъ людей. Тамъ больше всего навѣщаютъ сви испиннымъ, или ложнымъ красотамъ и произношенію, которое есть душа языка и красорбчія. Впечатлѣнія, получаемыя на идепрѣ, вкрадываются въ разумъ, создаютъ внутрь, превращающіяся въ навывъ, и молодой человекъ сснелся навсегда такимъ, какимъ сдѣлалъ

его театрѣ, по есть истинно или ложно просвѣщеннымъ. Однимъ словомъ, сколько театрѣ удобенъ къ поправленію или развращенію нравственности, сполько же бываетъ онъ полезенъ или вреденъ для языка и словесности. И спавъ долженъ ли театрѣ, оснавяя числоту языка, согласоваться съ народнымъ произношеніемъ, естественно влекущимъ за собою низоспъ языка (стр. 36)?

Впрочемъ маловажныя разноспи, по мнѣнію господина Сочинителя, не поспрясаютъ языка и словесности, и бѣда невеликая отъ того что одни пишутъ *прія-пель*, а другіе *пріятель*. И я повторю, что такое разнообразіе можетъ еще быть терпимо: ибо первые основываются на церковныхъ книгахъ и на грамматическомъ правилѣ объ употребленіи передъ гласною І а не И; а другіе слѣдуютъ инымъ примѣрамъ же и правилу Сумарокова, одобренному, какъ увидишь отъ, и самимъ Ломоносовымъ, шо если что предлогъ *при* въ соснавныхъ словахъ передъ гласными не перемѣняетъ буквы И на І. Непадобно шолько, продолжаешъ господишъ Сочинитель, проспирать далѣ свои зашпы, уклоняясь отчасу болѣе отъ общаго пупи, *иъсколь-ко стъозъ* существующаго, и коншорый, не

смотря на все наше хвасповство въ нау-
чахъ и просвѣщеніи, проложенъ знающими
силу языка и не меньшими нашихъ умами.
Весьма желательна въдашь, о каномъ пуши
здѣсь идешь рѣчь? Книги напечатанныя
при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ весьма
рѣдки; другія вышедшія при Царѣ Іоаннѣ
Васильевичѣ и тѣхъ рѣже; между вели-
кимъ числомъ оставшихся старинныхъ
рукописей весьма немногія по исправности
своей могутъ служить примѣрами для вся-
каго чинашеля; печатанныя въ Кіевѣ и
въ нѣкопорыхъ другихъ принадлежавшихъ
Польскому Королевству городахъ книги
большою частію обезображены испорчен-
нымъ нарѣчьемъ и наполнены полонизмами.
И шавъ многимъ ли ошкрыты способы
учиться правописанію и чистотѣ языка
по древнимъ книгамъ, печатнымъ и руко-
писнымъ?

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.*)

IV. С М Ъ С Ъ.

О талантахъ Нерона.

Во Французскихъ журналахъ иногда попадаются очень любопытныя статьи въ замѣчаніяхъ о театрѣ; такъ на примѣрѣ, по случаю представленія Расинова Британника; извѣстный Жоффрау сочинилъ цѣлую статью о Неронѣ; одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ упомянутой трагедіи: Здѣсь сообщается она для читателей Вѣстника:

„Неронъ, въ качествѣ пѣвца и актёра, имѣетъ право на особенное наше вниманіе. Посмотримъ на него съ этой стороны: Сынъ Агриппины и Домиція Енобарба не былъ предназначенъ для прена; къ Императорской фамилии онъ принадлежалъ только по матери своей, дочери Германика; и по дѣду ея Друзу, сыну Ливіи, Августовой супруги. Ливія была уже беременна Друзомъ, когда заставили ее развестись съ Клавдіемъ - Тиберіемъ - Нерономъ и выйти за Августа. Злоязычники разглашали; будто Друзъ былъ плодомъ не дозволенной любви Ливіиной съ Августомъ; но это несправедливо, ибо Ливія, женщина добродѣтельная и благоразумная, почиталась въ числѣ самыхъ цѣломудренныхъ.

„Неронъ испыталъ на себѣ несчастія, но въ такомъ возрастѣ; когда не можно еще

употребить ихъ себѣ на пользу: въ царствѣ Калигулы мать его сослана была въ заточеніе; самъ Неронъ, лишенный опцовскаго наслѣдства, остался подѣ надзоромѣ шетки своей Лепиды, богатой но чрезвычайно вѣпреной женщины, которая поручила племянника своего воспитывать двумѣ не очень важнымѣ педагогамѣ, а именно танцовщику и брадобрѣю: *sub duobus paedagogis, saltatore et tonsore*. Оба они были рабы. Агриппина возвращена изъ ссылки при Клавдіѣ; тогда и Неронъ обратно получилъ свое наслѣдство. Ему было лѣтъ одиннадцать или двенадцать, когда опредѣлила къ нему въ учителя Сенеку, знаменитѣйшаго философа и писателя того времени.

„Великородный ученикѣ совсѣмѣ не имѣлъ охоты къ словеснымѣ наукамѣ; онѣ даже не умѣлъ сочинять и пѣхѣ дурныхѣ стиховѣ, которые выдаваемы были подѣ его именемѣ. Когда; по обычаю того времени, надлежало ему говорить предѣ народомѣ и вѣ судилищахѣ; по Сенека сочинялъ для него рѣчи, и Неронъ былѣ первымѣ изѣ Цезарей, имѣвшихѣ нужду вѣ такомѣ пособіи; всѣ они, не исключая даже слабаго Клавдія, были люди краснорѣчивые и ученые. Неронъ гораздо лучше воспользовался наставленіями учителей искусствѣ приятныхѣ, подобно нынѣшнимѣ дѣтямѣ богатыхѣ родителей; онѣ научился нѣсколько рисовать, играть на инструментахѣ, особливо же пѣть; главная страсть влекла его къ театральнымѣ искусствамѣ всякаго рода. Вѣ то время всѣ сходили съ ума отѣ позорищѣ, и безуміе сіе проспиралось до того, что надлежало издавать строгія запрещенія;

чтобы государственные чиновники не провожали актеровъ домой послѣ представленія. Такое униженіе достоинства ихъ готовило другую важнѣйшую непристойность: влекомый безразсудною спрашнью, обладатель міра самъ непосыдился явиться на сцѣнѣ.

„Въ первые годы царства своего Неронъ, имѣя при себѣ мудрыхъ насшавниковъ, людей всѣми уважаемыхъ, не дерзалъ совершенно нарушить долгу благопристойности и пренебречь важность своего сана; онъ только дѣлалъ самъ распоряженія для позорищъ и обыкновенно смотрѣлъ представленія съ превеликимъ удовольствіемъ. Подъ его собственнымъ надзоромъ приготовлены многія новыя пантомимы, въ томъ числѣ и *Любовныя приключенія Пазифаи*. Въ представленіи сей пантомимической игры наблюдена была такая точность, которая одна, по Свешоніеву описанію, должнаствовала произвеси ужасъ въ благонаравныхъ зрителяхъ. Въ другой пантомимѣ, подъ названіемъ *Икаръ*, одинъ актеръ, представлявшій сына Дедалова, при первомъ усилии полетѣть вверхъ, такъ неловко упалъ на землю, что брызнувшая кровь его запятнала самага Императора.

„Въ Римѣ былъ тогда славный циркаристъ по имени Терпиусъ, прежній учитель Нероновъ. По возшествіи своемъ на престолъ Императоръ опредѣлилъ его при себѣ и занимался съ нимъ чаще нежели съ министрами. Имѣя голосъ принужденной и слабой, Неронъ почиталъ себя Орфеемъ; онъ думалъ, что ни одинъ изъ цѣтцовъ не можетъ съ нимъ сравниться. Не осталось ни одного средства,

котораго бы онъ испыталъ для усовершенствованія мнимаго своего таланта: часто употреблялъ промывательныя и рвотныя лекарства; воздерживался отъ яствъ, которыя почиталъ вредными для чистоты голоса; безпрестанно учился у Тертуллиана играть на цитрѣ, и почти цѣлыя ночи проводилъ слушая игру его съ восхищеніемъ.

„На послѣдокъ, увѣренъ будучи въ своихъ успѣхахъ, онъ подумалъ, что не должно скрывать отъ публики великихъ своихъ дарованій, и захотѣлъ на первой случай въ Неаполѣ оказать свои подвиги. Жители города сего, ближайшаго къ Греціи, любили Греческіе обычаи, были страстные охотники до театральныя представленій, и потому казались Нерону болѣе способными и достойными, нежели Римляне, восхищаться его искусствомъ. Во время первой пѣсни слышны были удары землетрясенія; однакожь пѣвецъ не оробѣлъ; единственно занявшись музыкою, и заботясь о томъ, чтобъ на первой разѣ не посрамить себя передъ зрителями, онъ ничего непримѣтилъ и окончилъ пѣніе свое удачно. Сряду потомъ нѣсколько дней онъ пѣлъ на томъ же театрѣ, не забывая употреблять въ пользу свою всѣхъ нужныхъ предосторожностей. Болѣе пяти тысячъ рыцарей и плебеевъ, людей рослыхъ и здоровыхъ, должны были поддерживать славу Императора; имъ назначены были мѣста по всему пространству театра. При первомъ появленіи Нерона, обыкновенно раздавались вопли и рукоплесканія новаго изобрѣшенія: одни, называемыя *bombi*, производили шумъ особливаго рода; другія, *imbrices*, звукомъ своимъ уподоблялись граду, падающему на крышу; иныя, *tasta*,

производили звуки похожіе на ударенія кремнистыхъ камней. Рукоплексапели должны были сниматьъ съ пальцевъ своихъ перстни и кольца, чтобы не ослабили звуковъ: признавъсь надобно, что хитрослъ сія очень запѣйлива, и мы должны стыдиться цевѣжесства своего въ искусствѣ ободрять дарованія. Правда, что для такого знаменитаго пѣвца, какъ Неронъ, надлежало употреблять и средства необыкновенныя. Назначенные рукоплексапели раздѣлены были на рошы и получали большое жалованье.

„Черезъ нѣсколько времени Нерону накучило бытъ провинціальнымъ актеромъ; онъ мучился желаніемъ показать себя въ столицѣ, и незамедлилъ сдѣлать нужныя распоряженія къ тому, чтобы его попребовали; средства сіи и нынѣшнимъ актерамъ очень извѣстны. Разосланные отъ Нерона повѣренныя громогласно извѣщали неперѣбные свое услышатъ *небесной* его голоса (иначе не называли голоса Неронова). Монархъ опѣвчалъ, что любители музыки могутъ послушать его въ *садахъ*; это былъ одинъ небольшой театръ, на которомъ молодые художники показывали свое искусство, прежде нежели осмѣливались явиться на большомъ театрѣ Помпеевомъ; онъ былъ построенъ при Тибрѣ въ садахъ, отъ Юлія Цезаря по завѣщанію доставшихся Римскому народу. Скромность Неронова неуважена; даже воины, охранявшіе входы чертоговъ его, вѣстѣ съ народомъ пребовали неотступно, чтобы Императоръ явился на большомъ театрѣ. Будто бы принужденный согласился, Неронъ приказалъ внести имя свое въ списокъ музыканшовъ, копорые должны были играть на цѣ

шрѣ состязашься для полученія награды; онѣ въ самомѣ дѣлѣ явился между ними; префекты преторіанской стражи несли его ципру, а за ними слѣдовали военные трибуны и придворные чиновники. Окончивши свою прелюдію, Императорѣ велѣлъ Клувію Руфу, вельможѣ консульскаго достоинства, объявить народу, что онѣ будетѣ пѣть рѣчи Ніовы. Попомѣ пропѣлъ онѣ и другія роли изѣ трагедіи, имѣя на лицѣ своемѣ маску; мужескія маски сдѣланы были похожими на самаго Нерона, а женскія на его короткихѣ прияшельницѣ. Трагедіи, пѣшья Императоромѣ, назывались: *Князца въ родахѣ, Орестѣ убійца своей матери, Единѣ ослабляющій себя, Геркулесѣ бѣснующійся*. Въ сей послѣдней трагедіи надобно было схватить Нерона и обложить его оковами, какѣ требовалѣ ходѣ произшествія; одинѣ молодой солдатѣ, бывшій на караулѣ въ театрѣ, увидѣвши, что такѣ нагло поступаютѣ съ Императоромѣ, прибѣжалѣ оборонять его, и проспошю своею размѣшилѣ все собраніе.

Знаменишому пѣвцу одного только недоставало: онѣ не показывалѣ еще своего дарованія посреди Греціи, въ опечесствѣ искусствѣ изящныхѣ, и для того рѣшился отправишься въ Ахаію. Всѣ города, наперерывѣ одинѣ передѣ другимѣ, поспѣшали присылать къ нему вѣнки въ знакѣ заочнаго удивленія. Посланники ихѣ имѣли предѣ всѣми другими преимущество, и были приглашаемы къ столу Императорскому. Когда нѣкоторые изѣ нихѣ за обѣдомѣ, попросивши Нерона чтонибудь спѣть, восхищались неподобнымѣ его голосомѣ, Монархѣ восклицалѣ ошѣ радости:

„Греки умбють меня слушать; они только
„одни достойны меня и моего искусства!“

„Ему угодно было учредить въ Олимпіи, вопреки обычаю, соспязаніе пбвцовъ и цираристовъ; пущь онъ получилъ награду за свое искусство, и слухъ о сей новой поббдб достигъ до самаго Кадикса, гдб нбкоторые почли Олимпію за новое царство, покоренное Нерономъ. Императоръ, единственно занимаясь пбніемъ и циррою, получаетъ письмо отъ своего оппущенника Гелія, которой писалъ, что дбла государственныхъ призывающъ его въ столицу. Неронъ опивчалъ ему: „Вижу, что ты желаешь моего возвращенія; но тебб приличнбе было бы совбтовать мнб возвратиться въ Римъ не прежде какъ по приобретеніи славы, меня достойной.“ Когда пблъ Неронъ, никому недозволялось выходить изъ театра, и многія женщины разрбшались отъ бремени въ семъ общенародномъ мбстб. Опасно было задремать; хопя пбніе само по себб и располагало къ дремотб. Веспасіанъ, бывшій потомъ Императоромъ, однажды задремалъ было при самомъ началб пбнія Неронова; по счастью скоро замбшилъ шо его оппущенникъ, и сильнымъ шолчкомъ разбудилъ Веспасіана.

„Добиваясь награды за пбніе или за игру на циррб, онъ наблюдалъ жеманство и всб замашки, приличныя совмбстникамъ: льстилъ судьямъ, порицалъ соперниковъ, избвлялъ страхъ и недовбрчивость, не смблъ ни спирапъ потб съ лица, ни кашляпъ. Однажды нечаянно уронивши свой скипетрб во время пбнія, съ поропливостію поднялъ его; онъ

боялся, чтобы незамѣтили такой ужасной олошности и не выключили бы его изъ числа художниковъ, соспязающихся о наградахъ. Виндексъ, воздвигшій мятежъ въ Галліи, выпустилъ въ народъ ругательное объявленіе, въ которомъ называлъ Нерона оправителемъ, опцеубійцею, зажигацелемъ и проч. Императоръ безбпокоился о сихъ маловажныхъ укоризнахъ, но жестоко огорчился тѣмъ, что Виндексъ назвалъ его худымъ пѣвцомъ и музыкантомъ. Онъ написалъ въ Сенатъ жалобу на злорѣчиваго клеветника, извиняясь, что самъ не можетъ въ ономъ присушствовать за болью въ горлѣ. „Въ доказательство несправедливости всѣхъ приписываемыхъ мнѣ опъ Виндекса злодѣяній, ссылаюсь, говоритъ Неронъ, на его же обвиненіе меня въ незнаніи того искусства, въ которомъ я столь долго упражнялся, и которое возведено мною на верхъ совершенства. Самихъ васъ вопрошаю, сенаторы, извѣстенъ ли вамъ пѣвецъ или музыкантъ, лучший меня и искуснѣйшій?“

„Порода и санъ конечно давали Нерону право и возможность быть покровителемъ художниковъ: но къ несчастію злонравіемъ своимъ и постыдными прихотями онъ обезчестилъ изящныя искусства.“

Московскія записки.

За нужное почищается внести сюда заглавія нѣкоторыхъ вновь вышедшихъ книгъ, напечатанныхъ въ типографіи Н. С. Всеволожскаго.

Собрание собственнокучныхъ писемъ Государя Императора Петра Великаго къ Апраксиныиъ, 2 Ч. Книга драгоценная, а особливо для тѣхъ, которые имѣютъ у себя изданныя записки и все касающееся до жизни Великаго Преобразителя. Письма сіи хранились въ домашнемъ архивѣ Его Высокопревосходительства Степана Степановича Апраксина, коимъ дозволилъ издателю ихъ снять вѣрные списки и представить оныя публикѣ. При первой Части приложены: изображение Петра Великаго, отдыхающаго въ Голландіи послѣ работы въ матросскомъ плашѣ, подаренное самимъ Государемъ Адмиралу Апраксину; и выгравированный образчикъ одного письма отъ Императора къ Генералъ Адмиралу Графу Апраксину съ почнымъ наблюдениемъ почерка его и правописанія.

Еллино-Россійско-Французской Лексиконъ и проч., сочиненный Гермономъ Колю. Мы имѣемъ очень мало пособій для изученія Греческому языку. Безпечность наша въ оемъ отношеніи удивительна и неоспориима. Не щадимъ ни издержекъ, ни времени для того чтобъ научиться, по крайней мѣрѣ одному изъ нынѣшнихъ иностранныхъ языковъ, и особливо Французскому, и почти совсѣмъ недумаемъ о значимомъ языкѣ Платонѣвъ и Димосееновъ, языкѣ, по которому

образованъ нашъ Славенскій, и безъ котораго не можемъ чувствовать красоту Священнаго писанія, сколько ни старались бы доискиваться до корней словъ и толковать ихъ значеніе! Отецъ Досиѣй, Іеромонахъ дѣшняго Греческаго монастыря, живущій нѣсколько лѣтъ въ Россіи, захотѣлъ оказать услугу какъ своимъ соотечественникамъ, такъ и Россіянамъ, и составилъ Лексиконъ сей, въ которомъ собраны имъ употребительнѣйшія слова и употреблѣннѣйшія выраженія, свойственныя нынѣшнему Греческому, Россійскому и Французскому языкамъ. Греческій языкъ, нынѣ употребляемый, хотя много перемѣнился въ отношеніи къ коренному своему Еллинскому; при всемъ томъ слѣды славнаго его происхожденія ни мало неизгладились. „Надлежитъ только, говоритъ сочинитель въ своемъ предисловіи, обратиться взоръ на нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ писателей, каковы на примѣръ Мнѣстій, Евгеній, Θεοτοκίη, Κοραν и другіе: то легко можно увидѣть, что цвѣты древней Еллады пересажены не на бесплодную землю и не подавлены терніемъ.“ Отецъ Досиѣй посвятилъ книгу свою ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, и въ ознаменованіе Высочайшаго за полезный трудъ благоволенія пожалованъ Кавалеромъ Ордена Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра четвертой степени.

Издатель В. Ф. имѣетъ препорученіе уведомить читателей своихъ о предполагаемомъ открытіи *Своекоштного отечественнаго училища*, учреждаемаго, по дозволенію Начальства, для дѣшей благороднаго званія г-мъ Коллежскимъ Ассессоромъ Кряжевымъ, Директоромъ Коммерческаго училища. Учредитель

желаемъ доставить родителямъ средства воспитать дѣтей ихъ такъ, чтобы они могли быть способными для государственной службы чиновниками. Для особъ, которымъ нужно имѣть подробнѣйшее свѣдѣніе о *Свокоштнолжъ отечественнолж училищѣ*, здѣсь помѣщается оное Постановленіе.

Для удобнѣйшаго воспитанія, обученія и по всѣмъ частямъ присмотра принимаются въ оное Училище въ одинъ разъ только 20 Благородныхъ дѣтей около десятилѣтняго возраста.

Время пребыванія ихъ въ Училищѣ, для окончанія нижеположенныхъ наукъ, назначается 6 лѣтъ.

Черезъ два года, пройдя положенные для сего срока учебные предметы, поступають они во 2й разрядъ; а на мѣсто ихъ въ 1й принимаются вновь еще 20 учениковъ.

Когда сія вновь поступившіе чрезъ 2 года перейдутъ во 2й, а ученики 2го чрезъ 4 года въ 3й разряды, тогда принято будетъ еще 20 отроковъ.

Шестилѣтнее время пребыванія въ Училищѣ въ разсужденіи наукъ раздѣляется на 3 разряда:

Въ 1мъ разрядѣ въ первые 2 года обучаются: Закону вѣры, Числописанію, Рисованію, Ариѳметикѣ, началамъ Французскаго и Нѣмецкаго языковъ, Всеобщей

Географіи и Исторіи, Россійской Грамматики.

Во 2 мѣ розрядѣ въ другіе 2 года:
Продолженіе Закона вѣры, Числописанію на шрехъ языкахъ, Рисованью тушью, Ариеметикѣ, Алгебрѣ; переводамъ съ Французскаго и Нѣмецкаго, и на оныя языки съ Россійскаго, Латинскому языку, Исторіи новѣйшей, Географіи Россійской, Естественной Исторіи, Россійскому слогу.

Во 3 розрядѣ въ остальные 2 года:
Нравоученію и должностямъ челоука и гражданина, Рисованью красками, Алгебрѣ, Геометріи, Тригонометріи, Спачисикѣ всеобщей, Россійской Исторіи, Слогу Французскаго и Нѣмецкаго языковъ, Латинскому языку, Англійскому языку, Физикѣ, Технологіи и Бухгалтеріи, сверхъ того шанцамъ и музыкѣ.

Для обученія полагается по 8 часовъ въ день, и потому время воспитанниковъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Встаютъ лѣтомъ въ 6, а зимою, въ 7 часовъ; одѣвшись, завтракаютъ.

Въ 8 часовъ начинается ученіе до 10 часовъ для одного предмета.

Отъ 10 до 12 часовъ для другаго.

Въ часъ обѣдаютъ за общимъ столомъ, состоящимъ изъ шрехъ блюдъ.

Въ 3 часа олять обучаються до 5.

Отъ 5 до 6 пьютъ чай и получаютъ кусокъ хлѣба.

Отъ 6 до 8 часовъ также обучаються.

Въ 8 часовъ ужинають за двумя блюдами.

Въ 10 часовъ ложатся спать.

Всѣ воспитанники живутъ и обучаються вмѣстѣ по разрядамъ въ удобномъ домѣ, и отпускаются къ родителямъ только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

Для упражненія ихъ въ разговорѣ и для всегдашняго присмотра и наблюденія за поведеніемъ ихъ, находится будущъ, при каждомъ разрядѣ по одному Надзира-телю, люди добропорядочные и благонадежные изъ иностранцовъ.

Учители къ преподаванію наукъ опредѣляемы будутъ въ знаніяхъ своихъ искусные и надлежащія свидѣтельства въ оныхъ имѣющіе.

Для услугъ при столѣ и для чистоты въ покояхъ опредѣлены будутъ нужные служители отъ Училища, почему воспитанники въ ономъ своихъ слугъ имѣть не могутъ.

Одинъ разъ въ году производится воспитывающимся въ Училищѣ юношамъ, въ присутствіи Училищнаго Начальства, родителей и родственниковъ дѣшей, от-

крытѣе во всѣхъ пройденныхъ наукахъ, испытаніе.

За воспитаніе и содержаніе каждаго дитяти платится ежегодно впередъ, въ первомъ разрядѣ по 300 рублей, во второмъ по 1000 рублей, а въ третьемъ по 1200 рублей.

Сверхъ того обучающіеся музыкѣ доставляютъ инструменшы опѣ себя.

При вступленіи въ Училище каждый воспитанникъ приноситъ съ собою столовую серебряную ложку, полдюжины флянсовыхъ тарелокъ, четыре салфетки, чайную чашку съ серебряной ложкой, также кровать и постель.

Вѣлье перемѣняется два раза, а постельное разъ въ недѣлю.

Желательно, чтобъ одежда была на всѣхъ одинакая, сколько можно простая, но опрятная.

Приемъ воспитанниковъ въ сіе училище со времени объявленія начался и продолжаться будетъ по 1 е Іюля, чтобы потомъ по числу имѣющихъ поступить въ оное дѣшею можно было заготовить все потребное для нихъ къ настоящему открытію въ непродолжительномъ времени.

Шестъ учениковъ поступили уже въ сіе Училище и предварительно обучаются.

Разныя извѣстія и замѣчанія.

Во Франціи отчасу болѣе размножаются способы наслаждаться театральными зрѣлищами. Теперь есть въ Парижѣ кофейные дома, въ которыхъ для гостей, сидящихъ за буылкою пива или за порціей кофе, представляютъ маленькія драмы, изъ двухъ только дѣйствующихъ лицъ состоящія. Содержатель *Аполлонова кофейнаго дома* (какое приличное названіе!) истратилъ болѣе 150,000 ливровъ на украшеніе своего театра. Впрочемъ не одинъ только сей случай можетъ служить доказательствомъ, что. Европейцы забавами своими часъ отъ часу ближе подходятъ къ жителямъ Азіи.

✽

Французъ Кастелланъ въ *Письмахъ о Греціи*, недавно имъ изданныхъ въ Парижѣ, сообщаетъ ееорію чумы, по всей справедливости достойную вниманія мистико-философическихъ врачей Германскихъ. Турки утверждаютъ, говоритъ онъ, что чума происходитъ отъ домовыхъ дѣдушекъ, которые шуда и сюда бѣгаютъ съ луками и спирѣлами. Отъ прикосновенія пущенной спирѣлы появляется желвакъ. Уязвленный бѣлымъ дѣдушкой выздоравливаетъ, а чернымъ умираетъ.

✽

Шатобрианъ въ бытность свою въ Муденяхъ осматривалъ подземный сводъ, называемый гробницею Агамемнона и открытый Лордомъ Елджиномъ. Чшобы неупустить Англичанину, Французскій путешественникъ постарался отыскать гробницу Клиземнестры и Египта, но есть нашелъ другой сводъ, подобной первому.

✽

Извѣстный Математикъ Биржа нынѣшнимъ лѣтомъ въ Берлинѣ преподаетъ лекціи о Философіи *здраваго* человѣческаго разума для тѣхъ слушателей, которые немогутъ вознестись до высокихъ системъ новѣйшей философіи Нѣмецкой. Не излишнимъ почитается упомянуть здѣсь мимоходомъ, что слушатели сіи гораздо болѣе выиграютъ, нежели тѣ, которые изъ глупаго тщеславія должны хвалить непонятной вздоръ Шеллинга и Фихте.

Пишутъ изъ Неаполя отъ 9 Мая (за вѣрность поручиться трудно), что одинъ изъ знаменитѣйшихъ Профессоровъ Хирургіи приглашенъ былъ для пособія нѣкоторой родильницѣ, находившейся весьма въ затруднительномъ положеніи. Признаки родовъ сихъ были необычайны, равно какъ и слѣдствіе оныхъ. Родильница произвела на свѣтъ вдругъ шестнадцать дѣтей, шесть мужескаго пола и семь женскаго. При каждомъ дитяти было особое мѣсто (placenta), и всѣ они при удивительной малости своей имѣли спротивную наружность. Они жили не долго. Ожидаютъ подробнаго объ нихъ описанія отъ Профессора, которой взялъ къ себѣ трупы новорожденныхъ.

Политическій Журналъ продолжается въ Алтонѣ, а Минерва будетъ выходить, какъ сказывають, въ Лейпцигѣ.

У. ПОЛИТИКА.

Обозрѣніе произшествій:

По повелѣнію Императора Наполеона въ Парижской Богородичной церкви дѣлаются великія пригошвенія какъ для назначеннаго бытъ въ ней духовнаго собора, къ которому прибыли уже многіе Французскіе и Испанскіе епископы, такъ и для совершенія крещенія Короля Римскаго. — Главное управленіе Иллирійскихъ провинцій составлено изъ Генералъ - Губернатора, Генералъ - Интенданта финансовъ и Генералъ - Коммиссара юстиціи. Вся Иллирія раздѣлена на шесть провинцій гражданскихъ и одну военную. Гражданскія провинціи суть: Карніолія, Кариниія, Испрія, Кроація гражданская, Далмація и Рагуза, а провинція военная состоишь изъ военной Кроаціи. — Мидіоланъ, Венеція, Болонія, Бресція, Верона и Мантуа причислены къ первокласснымъ городамъ Французской Имперіи (bonnes villes). — Король Испанскій прибылъ изъ Мадрида для личнаго засвидѣтельствованія Императору поздравленія своего о рожденіи Короля Римскаго. Е. В. принималъ уже въ Люксамбургскомъ дворцѣ Принцовъ, великихъ Дигнитаріевъ, Министровъ и другихъ значнѣйшихъ чиновниковъ государственныхъ, равнымъ образомъ депутаціи отъ всѣхъ сословій. — Король Неапольскій, находившійся нѣсколько времени въ Парижѣ, 21 Мая отпра-

вился обратно въ свои владѣнія, а Король Вестфальскій прибылъ въ Парижъ. — Императоръ и Императрица 22 Мая предприняли путешествіе изъ Рамбулье въ Каенъ и въ Шербургъ. — Крещеніе Короля Римскаго опложено до 9 Іюня. — Изъ Испаніи получены извѣстія о продолженіи военныхъ дѣйствій. Въ Капалоніи Генералъ Бараге Дильеръ, осаждающій крѣпость Фигьересъ, разбилъ мятежниковъ, предводительствуемыхъ Кампо-Верде. Въ средней арміи Генералъ Лагуссе ходилъ противъ мятежниковъ, собравшихся въ Куенсѣ, и ихъ также разбилъ. На югѣ передовое подкрѣпленіе пришло въ Кордову; крѣпость Бадайосъ снабжена оружіемъ и припасами; Дюкъ Далматскій имѣетъ въ Севиллѣ 20,000 человекъ запаснаго войска. Князь Еслингскій прислалъ изъ Фуентесъ-Доноро, главной своей кварширы, донесеніе Князю Невшательскому и Ваграмскому о сраженіяхъ, происходившихъ 3го, 4го и 5го Мая между арміями Португальскою (ш. е. Французскою) и Англійскою. Князь Еслингскій, желая воспользоваться полученными выгодами, намѣренъ приближиться къ Алмеидѣ.

По извѣстіямъ изъ Константинополя Капитанъ Паша въ Маѣ готовился плыть на Черное море съ большимъ флотомъ, какого Порша лѣтъ сто уже передъ симъ не имѣла. — Новый Великій Визирь Ахмедъ Ага, получившій въ Адрианополѣ извѣстіе о своемъ повышеніи, отправился въ лагерь, находящійся при Шумлѣ, гдѣ торжественно вручили ему государственная печать, сабля и почешная шуба. О предмѣсникѣ его Юсуфъ-Пашѣ вообще мало жалуютъ. Онъ человекъ

добрый, но за старостию не способенъ былъ къ отпращиванію своей должности; къ поумѣнью былъ онъ строгъ чрезвычайно и жестокъ. Слѣдующіе примѣры заспаваютъ содрогаться. Однажды было ему сказано о купцѣ, продающемъ товары свои выше узаконенной цѣны. Визирь велѣлъ схватить его и подковать, какъ лошадь, и заспавилъ его въ такомъ состояніи пробѣжать извѣстное пространство. Несчастной умеръ, недобѣжавши до цѣли. . . . Въ другой разъ случилось ему ѣхать съ нѣкоимъ Европейскимъ посланникомъ и съ многочисленною свитою по улицамъ Константинопольскимъ. Остановившись вдругъ передъ лавкою нѣкотораго хлѣбника, онъ попросилъ посланника дожидаться, а самъ пошелъ внутрь дома. Возвратившись опшуда, сѣлъ опять на лошадь и рассказалъ хладнокровно посланнику, что хлѣбника, которой обвѣщивалъ покупателей и за то не одинъ уже разъ получалъ выговоры, онъ Юсуфъ приказалъ бросить въ пылающую печь. Посланникъ затрепеталъ, и объявилъ, что такое наказаніе почитаетъ онъ ужаснымъ. О, конечно! опшвѣчалъ Визирь также хладнокровно: другихъ удержишь оно въ страхѣ на долгое время.

(Изъ Франц. Мерк.
и Гамб. Корресп.)

~~~~~

У в ѣ д о м л е н і я .

Издапелю доставлены свѣдѣнія, что присланныя къ г-ну Рязскому Почтмейстеру Ту-

лаеву при письмахъ отъ неизвѣстныхъ особъ изъ Москвы при одномъ 50 рублей, и при другомъ 5 р. изъ Новохоперска отъ Г. Г. 5 р. изъ Сапожка отъ А. Г. Щетиновой 5 р. по желанію благотворитель вручены вдовѣ Подкорупчицѣ Вырковой (Вѣстн. Евр. 1811 No 9 стр. 71). Г. Почтмейстеръ Тулаевъ увѣдомляетъ, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ глубокаго впечатлѣнія, сдѣланнаго въ сердцѣ бѣдной вдовы симъ челоувѣколюбивымъ пособіемъ. Она со слезами благодарила Бога за низпосланіе сей неожиданной помощи, и въ то же время съ чувствомъ истинной признательности молилась о здравіи своихъ благодѣтелей.

*

Г. Кіевскій Губернскій Почтмейстеръ Г. С. Баженовъ присланныя къ нему изъ Екашеринославля при письмѣ 25 рублей по желанію неизвѣстной благотворительной особы вручилъ г-жѣ Елдезиной (Вѣстн. Евр. 1811 No 6 стр. 134).

КОНЕЦЪ LVII ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

П Я Т Ъ Д Е С Я Т Ъ С Е Д Ъ М О Й Ч А С Т И.

Стр.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

Характеръ Емили.	3
Осада Амазіи.	85
Разговоръ между богами.	165
Рѣчь отъ питомцевъ И. Московскаго Воспитан. дома.	187
Отрывокъ изъ проповѣди Груза-дова.	245

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Придонскій Кюль.	12
Къ Пьеръ.	112
Омъгъ Вражеву.	114
Стихи на смерть Графа Николая Михайловича Каменскаго.	189
Къ Лилъ.	191
Два Чижъ.	258
Дворная Собака и Комнатная.	260

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА, НАУКИ и ЛИТТЕРАТУРА.

О краснорѣчии.	14
О судебныхъ поединкахъ.	115
О новомъ изданіи Езоповыхъ басень.	125

	Стран.
Взглядъ на древній Римъ. -	192
О нѣкоторыхъ испорикахъ. -	205
Замѣчанія о театральномъ ко- стюмѣ. - - - -	261
Выписки изъ путешествія въ воспочную Индію, на острова Филиппинскіе и въ Китай.	273
 III. К Р И Т И К А.	
Возраженіе на крипику праге- діи Элептры и Ореста. -	32
Отвѣтъ господину М. С. на его возраженіе. - - - -	39
Разговоры о словесности. -	285
 IV. С М Ъ С Ъ.	
Нужны ли женщинамъ науки и познанія. - - - -	58
Отрывокъ разговора между Фри- дрихомъ великимъ и Нѣмецкою Спихопворицею Каршинъ. -	60
Диковинное видѣніе. - - -	141
О воспитаніи женщинъ. -	146
Анекдотъ о Валштейнѣ. -	151
Любопытный анекдотъ. -	213
Мысли и замѣчанія. - - -	220
О новоизобрѣщенной водолазной машинѣ, названной Трипономъ.	224
О палантахъ Нерона. - - -	306
Московскія записки. -	62 и 314
Письмо къ Издателью. - - -	71
Разныя извѣстія и замѣчанія.	73,
- - - - -	152, 230 и 320
 V. П О Л И Т И К А.	
О Мексикѣ. - - - - -	75

	Стран.
О возстановленномъ пишущемъ и о достоинствѣ Короля Рим- скаго. - - - - -	157
Обозрѣніе происшествій.	88, 161,
- - - - -	235 и 322
Разныя извѣстія.	82
Увѣдомленія. -	83, 163, 244 и 324

